

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»
(РГГУ)

На правах рукописи

Прошкин Александр Сергеевич

**ПРОБЛЕМА ТОТАЛИТАРИЗМА В ИНФОРМАЦИОННОМ
ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность 5.7.7 Социальная и политическая философия

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
философских наук

Научный руководитель
канд. филос. наук, доцент
В. М. Карелин

Москва — 2023

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Теоретико-методологические аспекты исследования проблемы тоталитаризма	21
1.1. Теории индустриального тоталитаризма.....	21
1.2. Тоталитаризм — незавершённый проект: многообразие современных интерпретаций	38
1.3. Методологические сложности исследования проблемы тоталитаризма в информационном обществе	53
Глава 2. Постиндустриальный тоталитаризм как вызов информационной цивилизации.....	71
2.1. Постиндустриальный тоталитаризм: факторы становления и основные признаки	71
2.2. Корпоративно-государственная форма постиндустриального тоталитаризма	91
2.3. Государственно-корпоративная форма постиндустриального тоталитаризма	107
2.4. Альтернативный проект развития информационной цивилизации в условиях становления постиндустриального тоталитаризма	121
Заключение	133
Список источников и литературы	142

Введение

Актуальность темы исследования

Актуальность темы исследования обусловлена в первую очередь реальными общественно-политическими тенденциями, характерными для большинства технологически развитых обществ XXI века. Наступление информационной эры сопровождается трансформацией большинства сфер жизни современных социумов. Интенсивно изменяются и политические реалии текущего столетия: динамично формируются уникальные избирательные и управленческие институты, а традиционные государственные структуры и механизмы стремительно цифровизируются. В условиях третьей и надвигающейся четвёртой промышленной революции также открываются широкие возможности для демократизации, дебюрократизации и децентрализации современных государств, благодаря распространению информационных, цифровых, а также сетевых технологий, которым свойственна асимметричность, ацентричность и нелинейность как собственных узлов, так и связей между ними.

Однако значительно менее изученной остается теневая сторона разворачивающейся трансформации, которая проявляется в усилении цифрового и биометрического контроля над населением на фоне пандемии COVID-19; применении многоступенчатых компьютерных алгоритмов для предсказания и односторонней коррекции поведения индивидов; попытках внедрения масштабных проектов социальной инженерии; использовании социальных сетей для манипулирования мнением избирателей; подавлением оппозиционных групп с помощью их отключения от различных сетевых потоков; случаях селективной цензуры на крупнейших информационных платформах; экспериментах по определению уровня идеологической лояльности членов политической партии с помощью искусственного интеллекта; многочисленных эпизодах несанкционированного сбора персональных данных граждан как со стороны

государственных органов, так и частных корпораций¹. Один из ключевых вопросов, на который необходимо дать ответ современным исследователям, состоит в определении политико-онтологического статуса вышеперечисленных феноменов: являются ли они изолированными абберациями всеобщей и комплексной демократизации или же оказываются взаимосвязанными фазами единого антидемократического процесса, угрожающего свободному цифровому будущему человеческой цивилизации? От корректности ответа на поставленный вопрос зависит степень эффективности конкретных мер, направленных на нейтрализацию указанных явлений.

Упомянутые антидемократические тенденции осмысливаются некоторыми зарубежными и отечественными исследователями в качестве признаков «постмодернистского», «инвертированного», «либерального», «глобалистского», «информационно-финансового», «информационного», «цифрового», «брендового», «управленческого», soft-тоталитаризма, который, по их мнению, значительно отличается от тоталитарных режимов первой половины прошлого столетия, всесторонне изученных мыслителями XX века². В то же время авторы

¹ Barriga A. C. The COVID-19 pandemic: yet another catalyst for governmental mass surveillance? // *Social Sciences & Humanities Open*. 2020. Vol. 2. Issue 1. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2590291120300851>. Дата обращения: 18.02.2023; Lyon D. *Pandemic Surveillance*. Cambridge: Polity, 2022. 176 p.; Zuboff Sh. *Big Other: Surveillance Capitalism and the Prospects of an Information Civilization* // *Journal of Information Technology*. 2015. Vol. 30. P. 75–89; Creemers R. *China's Social Credit System: An Evolving Practice of Control*. SSRN. Leiden University, 2018. 32 p.; Qiang X. *The Rise of China as a Digital Totalitarian State* // *New perspectives quarterly*. 2018. Vol. 35. Issue 2. P. 37–39; Гриффитс Дж. *Великий китайский Файрвол*. М.: Эксмо, 2022. 464 с.; Lyon D. *Surveillance, Snowden, and Big Data: Capacities, consequences, critique* // *Big Data & Society*. 2014. P. 1–13.

² Diamond L. *The road to digital unfreedom: the threat of postmodern totalitarianism* // *Journal of Democracy*. 2019. № 30. P. 20–24; Хеджес К. Шелдон Волин и перевернутый тоталитаризм // *Социологические исследования*. 2021. № 6. С. 147–153.; Видоевич З. *Либеральный тоталитаризм* // *Социологические исследования*. 2007. № 12. С. 39–49; Пугачев В. П. *Глобалистский тоталитаризм: Социальные мутации цифрового капитализма: формирование человека и манипулятивные технологии управления*. М.: ЛЕНАНД, 2022. 232 с.; Пугачев В. П. *Информационно-финансовый тоталитаризм: российский эксперимент по американскому сценарию* // *Вестник моск. ун-та, сер.12. Политические науки*. 1999. № 4. С. 3–32; Фененко А. В. *Информационный тоталитаризм*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/informatsionnyy-totalitarizm/> Дата обращения: 18.02.2023; Filimowicz M.

современных интерпретаций неототалитаризма de facto остаются в парадигме классической теории тоталитаризма, в рамках которой тоталитаризм понимается как репрессивная социально-политическая система индустриального типа. Обозначенное несоответствие предмета и метода исследования, сложившееся в современной науке, ведёт к многоуровневой противоречивости современных трактовок неототалитаризма³. В этой связи представляется актуальным разработать теоретико-методологический подход, который позволит адекватно описать и объяснить текущие антидемократические тенденции, а также снять эксплицированные противоречия totalitarianism studies в XXI веке.

Степень разработанности темы исследования

В истории изучения тоталитаризма можно условно выделить несколько периодов, непосредственным образом коррелирующих с реальными ходом исторического процесса.

Слово «тоталитарный» (от лат. *totalis* ‘целый, полный’) впервые появляется в политическом дискурсе Италии в 20-х годах XX века вскоре после успешного похода сторонников Б. Муссолини на Рим. Критический анализ Дж. Амендола, П. Гоббети, Ф. Турати и др. программы фашистской партии заложил основу теоретического осмысления тоталитарных систем⁴.

Несомненный вклад в концептуальную проработку понятия «тоталитаризм» внесли отечественные мыслители, большинство из которых после 1922 года

Digital Totalitarianism: Algorithms and Society (1st ed.). Routledge, 2022. 106 p.; Menell P. 2014: Brand Totalitarianism. US Davis Law Review. 2014. Vol. 47. № 3. P. 787–820; Барков С. А. Неопределенность или тоталитаризм — сложный выбор человечества // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. № 4. С. 49–77; Даренский В. Ю. Тоталитаризм как экзистенциальный феномен // Гуманитарный вектор. 2014. № 3. С. 122–129.

³ В рамках данной работы под «неототалитаризмом» понимается новая форма тоталитаризма, ключевые признаки которой обуславливаются структурными особенностями современного информационного общества.

⁴ Гудков Л. Д. «Тоталитаризм» как теоретическая рамка: попытки ревизии спорного понятия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 5. С. 24.

осмысливали внутреннюю и внешнюю политику первого в мире государства рабочих и крестьян в вынужденной эмиграции. Среди них можно выделить труды Г. П. Федотова, Ф. А. Степуна, Б. П. Вышеславцева, П. И. Новгородцева, С. Л. Франка, Н. А. Бердяева, И. А. Ильина и др.⁵

После прихода в 1933 году национал-социалистов к власти в Германии Л. Стурцо, М. Лернер, Х. Кон и др. осуществляют компаративистский анализ политических режимов, классифицируемых в качестве тоталитарных⁶.

По мере фактического развертывания тоталитарных систем создаются работы, в которых эксплицируются институциональные особенности данных режимов, а также обозначаются ключевые факторы их становления: психологические, социальные, культурные, экономические и т. д. Авторами подобных исследований стали Д. Х. Хейс, З. Нойман, Ф. Нойманн, Ф. Боркенау, Л. Мизес, Ф. Хайек, К. Поппер и др.⁷

После завершения Второй мировой войны, продемонстрировавшей миру к чему могут привести попытки тотальной реализации тоталитарных проектов,

⁵ Федотов Г. П. Защита России: статьи 1936–1940 гг. из «Новой России». Прага: YMCA-Press, 1988. 316 с.; Степун Ф. А. Большевизм и христианская экзистенция. Избранные сочинения. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 896 с.; Вышеславцев Б. П. Кризис индустриальной культуры. Нью-Йорк: Chalidze publications, 1982. 350 с.; Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М.: «Пресса», 1991. 640 с.; Франк С. Л. Религиозно-исторический смысл русской революции // По ту сторону правого и левого. Париж: IMKA-PRESS, 1972. С. 14–38; Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.; Ильин И. А. Наши задачи. Т. 1–2. М.: Айрис-пресс, 2008. Т.1. – 515 с. Т.2. 507 с.

⁶ Стурце Л. Тоталитарное государство // Политэкс. 2011. Т. 7. № 4. С. 1–20; Lerner M. The Pattern of Dictatorship // Dictatorship in The Modern World. University of Minnesota Press, 1939. P. 3–20; Kohn H. Die kommunistische und die faschistische Diktatur. Eine vergleichende Studie // Wege der Totalitarismus-Forschung. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1968. S. 49–63.

⁷ Hayes J. H. The novelty of totalitarianism in the history of Western civilization // Proceedings of the American Philosophical Society. 1940. Vol. 82. № 1. P. 91–102; Neumann S. Permanent Revolution. Totalitarianismus in the Age of International Civil War. London: Dunnow, 1965. 402 p.; Нойманн Ф. Бегемот. Структура и практика национал-социализма 1933–1944. СПб: Владимир Даль, 2015. 592 с.; Borkenau F. The totalitarian enemy. London: Faber and Faber limited, 1940. 254 p.; Мизес Л. Всемогущее правительство: тотальное государство и тотальная война. М: Социум, 2020. 472 с.; Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: АСТ, 2017. 320 с.; Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1–2. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива». 1992. Т.1. – 448 с. Т.2. – 528 с.

формулируется классическая теория тоталитаризма, аккумулировавшая наработки предыдущих периодов *totalitarianism studies*. Идеинный фундамент классической теории тоталитаризма был заложен Х. Арендт, а также Зб. Бжезинским и К. Фридрихом, которые в своей работе «Тоталитарная диктатура и автократия» определили ключевые признаки тоталитарных систем⁸.

Представителями Франкфуртской школы М. Хоркхаймером, Т. Адорно, Э. Фроммом, Г. Маркузе и др. была разработана неклассическая интерпретация, в рамках которой тоталитаризм трактовался в качестве системы экономического и политического господства, позволяющей элитам блокировать любые альтернативные проекты в обществе, сохраняя при этом видимость функционирования демократических институтов⁹.

В 50–60-е годы отдельные аспекты тоталитаризма изучались в работах Дж. Талмона, Д. Рисмена, У. Эбенштейна, Р. Арона, Кр. П. Лудца, Г. Шульца, Р. Лёвентала, Х. Бухенхайма, А. Улама и др.¹⁰

Критический анализ классической теории тоталитаризма, представлен в трудах А. Мейера, Р. Такера, Д. Каутского, Ф. Флерона, Г. Холландера и др.¹¹

⁸ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.; Friedrich S., Brzezinski Z. *Totalitarian dictatorship and autocracy*. Cambridge: Harvard University Press, 1965. 439 p.

⁹ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.: Медиум Ювента, 1997. 312 с.; Адорно Т. Исследование авторитарной личности. М.: Академия исследований культуры, 2001. 416 с.; Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2011. 288 с.; Маркузе Г. Одномерный человек. М.: Relf-book, 1994. 368 с.

¹⁰ Talmon J. *Origins of Totalitarian Democracy*. Hassell Street Press, 2021. 392 p.; Ebenstein W. *Today's Isms: Communism, Fascism, Capitalism, Socialism*. N. Y.: Prentice-Hall, 1954. 191 p.; Раймон А. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993. 303 с.; Ludz C. P. *Entwurf einer soziologischen Theorie totalitär verfaßter // Wege der Totalitarismus-Forschung*. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1968. S. 532–599; Schulz G. *Der Begriff des Totalitarismus und des Nationalsozialismus // Wege der Totalitarismus-Forschung*. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1968. S. 438–465; Löwenthal R. *Totalitäre und demokratische Revolution // Der Monat*. 13, 1960 H. 146, S. 29–40; Buchheim H. *Totalitäre Herrschaft: Wesen und Merkmale*. Kösel-Verlag, 1965. 137 s.; Ulam A. B. *The New Face of Soviet Totalitarianism*. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1963. 233 p.

¹¹ Meyer A. *The Soviet political System: an interpretation*. N.Y.: Random House, 1965. 494 p.; Tucker R. *The soviet political Mind: Studies in Stalinism and Post-Stalin Change*. N.Y.: Frederick. A.

Данные исследователи указывали на ограниченность традиционной модели тоталитаризма, с помощью которой нельзя было адекватно объяснить трансформацию советской системы после XX съезда КПСС. Среди авторов, которые пытались снять теоретико-методологические противоречия классической теории тоталитаризма, можно выделить Р. Барроуса, Л. Шапиро, З. Мампеля и др.¹² В свою очередь, Х. Линц концептуализировал сходства и различия тоталитарных и авторитарных режимов, эксплицировав тем самым один из реальных вариантов детотализации тоталитарных проектов¹³.

В 70-х и начале 80-х годов продолжались дискуссии об аналитической и эвристической ценности генерализированных концепций тоталитаризма в контексте изучения конкретных политических систем. Создаются модернизированные интерпретации тоталитаризма Х. Тернера и Дж. Грегора, ориентированные на изучение фашистских режимов¹⁴.

После распада социалистического лагеря выходит несколько крупных исследований, систематизирующих изучение тоталитаризма в XX веке¹⁵. В то же время появляются публикации, посвящённые демократическому «преодолению» тоталитарного прошлого в странах бывшего СССР, а также возможным способам противодействия идеологическим соблазнам тоталитаризма в эпоху «конца

Praeger, 1963. 238 p.; Kautsky J. Political Change in Underdeveloped Countries: Nationalism and Communism. New York: Wiley, 1962. 347 p.; Fleron F. Soviet Area Studies and the Social Sciences: Some Methodological Problems in Communist Studies // Soviet Studies. 1968. V. 19. № 3. P. 313–339; Hollander H. Observation on Bureaucracy, Totalitarianism, and the Comparative Study of Communism // Slavic Review. 1967. P. 302–307.

¹² Burrowes R. Totalitarianism. The Revised Standard Version // World Politics. 1969. January. V. 21. N. 2. P. 272–293; Schapiro L. Totalitarianism. London: P. M. Press, 1972. 144 p.; Mampel S. Versuch eines Ansatzes für eine Theorie des Totalitarismus // Totalitarismus. Berlin, 1988. S. 13–30.

¹³ Linz J. J. An Authoritarian Regime: The Case of Spain // Cleavages, Ideologies and Party Systems. Contributions to Comparative Political Sociology. Helsinki: Westermarck Society, 1964. P. 291–342; Linz J.J. Totalitarianism and Authoritarian Regimes. Lynne Rienner Publishers, 2000. P. 343.

¹⁴ Turner H. Fascism and Modernization // World Politics. 1972. Vol. 24. № 4. P. 547–564; Gregor J. Interpretations of fascism. London: Routledge, 1997. 320 p.

¹⁵ Jesse E. Totalitarismus im 20. Jahrhundert. Eine Bilanz der internationalen Forschung (Hg.). Bonn: Nomos, 1999. 624 s.; Wippermann W. Totalitarismustheorien: die Entwicklung der Diskussion von den Anfängen bis heute. Darmstadt: Primus, 1997. 127 s.

истории»¹⁶. В 90-е годы проблематика тоталитаризма рассматривалась в работах многих отечественных авторов: К. С. Гаджиева, Ю. И. Игрицкого, Ю. Н. Давыдова, А. А. Кара-Мурзы, Р. Х. Кочесокова, Э. Г. Соловьева и др.¹⁷ В контексте академических дискуссий о тоталитаризме в постсоветскую эпоху стоит также упомянуть сборники «Тоталитаризм как исторический феномен», «Тоталитаризм — что это такое: сборник статей, обзоров, рефератов, переводов», «Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы», а также коллективную работу, созданную под руководством историков Я. В. Драбкина и Н. П. Комолова, «Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления», на страницах которой воспроизводились в том числе и традиционные критические замечания относительно эвристического потенциала генерализированного понятия «тоталитаризм» для объяснения уникальных исторических событий¹⁸. З. Видоевич и позднее Л. Д. Гудков рассматривают ряд сложившихся на постсоветском пространстве политических режимов в качестве

¹⁶ Орлов Б. С. Взгляд историка на проблему преодоления тоталитарного прошлого // Россия и современный мир. 1998. № 4. С. 45–55; Рормозер Г. К вопросу о будущем России // Вопросы философии. 1993. № 4. С. 15–23; Бутенко А. П. От коммунистического тоталитаризма к формированию открытого общества в России (политические и правовые проблемы). М.: Магистр, 1997. 47 с.; Калоева Е. Б. Рецензия на: З. Видоевич. Неототалитаризм при постсоциализме — возможен ли он? // Россия и современный мир. 1998. № 3. С. 125–133; Аверинцев С. С. Преодоление тоталитаризма как проблема: попытка ориентации // Новый мир. 2001. № 9. С. 144–150.

¹⁷ Гаджиев К. С. Тоталитаризм как феномен XX века // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 3–25; Игрицкий Ю. И. Тоталитаризм вчера, сегодня...завтра? // Полис. Политические исследования. 1998. № 4. С. 181–190; Давыдов Ю. Н. Тоталитаризм и техника (Власть техники и технология власти) // Полис. Политические исследования. 1991. № 4. С. 21–34; Кара-Мурза А. А. Большевизм и коммунизм: интерпретации в русской культуре. URL: <https://indem.ru/PUBLICATION/TrudiFI/RM/8/Kara-Murza.%20BolshevismRMv8s67-87.pdf>. Дата обращения: 21.02.2023; Кочесоков Р. Х. Феномен тоталитаризма. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1992, 104 с.; Соловьев Э. Г. Концепция тоталитаризма в западной политологии: перманентный кризис или вечный поиск истины // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 1998. № 1. С. 3–20.

¹⁸ Тоталитаризм как исторический феномен. Ред. А. А. Кара-Мурза, А. К. Воскресенский. М.: Философское общество СССР, 1989. 396 с.; Тоталитаризм — что это такое: сборник статей, обзоров, рефератов, переводов. Отв. ред. Л. Н. Верченев. М.: ИНИОН РАН, 1993. Ч. 1–214 с. Ч. 2–273 с.; Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы. Под ред. В. В. Марьиной. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. 286 с.; Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. Рук. авт. кол.: Я. С. Драбкин, Н. П. Комолов. М.: Памятники исторической мысли, 1996. 540 с.

примеров рецидива «тоталитарного синдрома», что может свидетельствовать об устойчивости ключевых тоталитарных институтов даже после фактического распада тотальных систем¹⁹.

В рамках современных *totalitarianism studies* актуальные антидемократические тенденции, характерные для формирующихся информационных обществ, интерпретируются в качестве признаков неототалитарных систем в работах Ш. Волина, И. Аль-Амуди, Э. Лазеги Д. Хельбинга, В. Хендрикса, М. Вестергора, В. П. Пугачёва, И. Н. Тяпина, А. Н. Фатенкова и др.²⁰ Следует отметить работу З. Паича, в которой автор рассматривает вопрос о легитимности использования теории тоталитаризма для анализа общественно-политических реалий XXI века, а также критически анализирует современные трактовки неототалитаризма²¹. Актуальные метаморфозы понятия «тоталитаризм» также разбирает Э. Траверсо²². В свою очередь, исторические дискуссии о тоталитаризме представлены в обзорной статье А. Рабинбаха «Моменты тоталитаризма»²³.

¹⁹ Калоева Е. Б. Рецензия на: З. Видоевич. Неототалитаризм при постсоциализме — возможен ли он? // Россия и современный мир. 1998. № 3. С. 125–133; Гудков Л. Д. Вторичный тоталитаризм // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2018. № 3–4. С. 207–257.

²⁰ Wolin S. *Democracy Incorporated: Managed Democracy and The Specter of Inverted Totalitarianism*. Princeton University Press, 2010. 384 p.; Al-Amoudi I. Lazega E. Introduction: Digital society techno-totalitarian matrix // *Post-Human Institutions and Organizations. Confronting the Matrix*. Routledge, 2021. P. 1–13; Diamond L. The road to digital unfreedom: the threat of postmodern totalitarianism // *Journal of Democracy*. 2019. № 30. P. 20–24; Helbing D. Digital Fascism Rising? // *Towards Digital Enlightenment. Essays on the Dark and Light Sides of the Digital Revolution*. 2018. Springer. P. 99–102; Hendricks V., Vestergaard M. *Reality Lost. Markets of Attention, Misinformation and Manipulation*. Springer Open, 2019. 144 p.; Пугачев В. П. Глобалистский тоталитаризм — тренд развития цифрового общества // *Свободная мысль*. 2021. № 4. С. 5–16; Тяпин И. С. Либеральный тоталитаризм: основания концептуального синтеза // *Тетради по консерватизму*. 2019. № 1. 421–431; Фатенков А. Н. Цифровое общество: цивилизация на стадии «комфортной» тоталитарности // *Век глобализации*. 2022. № 1. С. 72–85.

²¹ Paic Z. *The return of Totalitarianism: Ideology, Terror and Total Control*. Cham: Springer International Publishing AG, 2022. 225 p.

²² Traverso E. Totalitarianism between history and theory // *History and Theory*. 2017. Vol. 56. № 4. P. 97–118.

²³ Rabinbach A. Moments of Totalitarianism // *History and Theory*. 2006. Vol. 45. № 4. P. 72–100.

Объект исследования

Тоталитаризм как социально-политический феномен.

Предмет исследования

Современный тип тоталитаризма, формирующийся в условиях развития информационного общества.

Цель исследования

Социально-философский анализ современного типа тоталитаризма, становление которого происходит в условиях развития информационного общества.

Задачи исследования

1. Охарактеризовать и систематизировать трактовки тоталитаризма, созданные в течение XX века.
2. Охарактеризовать и систематизировать современные интерпретации неототалитаризма.
3. Предложить вариант теоретико-методологического снятия многоуровневой противоречивости современных интерпретаций неототалитаризма.
4. Определить, используя обозначенный теоретико-методологический подход, ключевые факторы и признаки формирующегося постиндустриального тоталитаризма.
5. Проанализировать актуальные антидемократические тенденции в США, которые могут указывать на становление корпоративно-государственной формы постиндустриального тоталитаризма.
6. Проанализировать актуальные антидемократические тенденции в КНР, которые могут указывать на становление государственно-корпоративной формы постиндустриального тоталитаризма.

7. Обозначить альтернативные векторы развития информационной цивилизации, препятствующие масштабному развёртыванию постиндустриального тоталитаризма.

Гипотеза исследования

Гипотеза исследования строится на предположении о том, что актуальные антидемократические тенденции, характерные для современных информационных обществ, могут указывать на становление новейшего типа тоталитаризма, значительно отличающегося от тоталитарных режимов, существовавших в индустриальную эпоху.

Научная новизна исследования

1. Осуществлена систематизация современных интерпретаций неототалитаризма: выделены технологические, экономические и идеологические трактовки.
2. Выявлено теоретическое сближение современных *totalitarianism studies* и *surveillance studies*, вызванное пересечением их предметных областей.
3. Эксплицирована многоуровневая противоречивость современных интерпретаций неототалитаризма, обусловленная использованием классической теории тоталитаризма для анализа социально-политических процессов в XXI веке.
4. Предложен способ теоретико-методологического снятия выявленных противоречий в рамках обновлённой неклассической теории тоталитаризма, основные положения которой были сформулированы Г. Маркузе.
5. Определены и описаны ключевые факторы и признаки новейшего типа тоталитаризма, становление которого происходит в условиях развития информационной цивилизации.

6. На основе анализа актуальных антидемократических тенденций, характерных главным образом для США и КНР, концептуализирована идеально-типическая модель постиндустриального тоталитаризма, включающая в себя две его формы: корпоративно-государственную и государственно-корпоративную.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составляет подход, который можно отнести к традиции критической теории, представленной в работах таких авторов, как Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Э. Фромм, Г. Маркузе и др. Главной особенностью этого подхода является негативный (критический) анализ господствующей общественной системы, утвердившихся, а также формирующихся политико-экономических институтов и социальных практик, направленный на выявление их структурных недостатков и потенциальных рисков, которые могут быть сглажены или нейтрализованы вследствие реализации альтернативных проектов²⁴. Выбор данного подхода также объясняется использованием неклассической теории тоталитаризма (разработанной главным образом Г. Маркузе) для исследования актуальных антидемократических тенденций, проявляющихся в политической сфере современных информационных обществ, что и составляет одну из центральных задач текущего исследования. Однако для успешного решения указанной задачи необходимо обновить неклассическую теорию тоталитаризма, ключевые положения которой были сформулированы в середине XX века: в условиях «текущей современности» централизованные, стабильные, иерархически упорядоченные структуры промышленной эпохи сменяются децентрализованными и ацентричными сетями, конституирующими нестабильную архитектуру современных обществ. Актуализация неклассической теории тоталитаризма в рамках данного исследования осуществляется посредством обращения к концепциям Ш. Зубофф, Ж. Делёза и М. Кастельса. Таким образом, центральную

²⁴ Маркузе Г. Одномерный человек. С. XII.

методологическую основу исследования составляет подход, характерный для критической теории общества, включающий интерпретацию тоталитаризма, разработанную Г. Маркузе, который трактовал тоталитаризм не столько в качестве репрессивного политического режима по типу Третьего рейха, а, скорее, как систему тотального технологического и экономического господства, через которую политические элиты способны подавлять альтернативные проекты развития общества, сохраняя при этом видимость функционирования демократических институтов²⁵. Данный подход дополняется следующими концепциями:

– Концепцией «надзорного капитализма», в рамках которой Ш. Зубофф анализирует современный этап развития капиталистической экономики, а также методы извлечения, обработки и коммодификации персональных данных крупнейшими транснациональными корпорациями в XXI веке.

– Концепцией «общества контроля», тезисно изложенной Ж. Делёзом, в которой раскрывается смена парадигм контроля и подчинения: с «надзора» индустриального общества к «контролю» постиндустриального общества.

– Концепциями «сетевого общества» и «коммуникативной власти», разработанными М. Кастельсом, который эксплицировал решающую роль сетей и коммуникаций в распределении политической власти в информационную эпоху.

Кроме того, необходимо указать на осуществление в первой главе компаративистского (сравнение особенностей классической и неклассической теорий тоталитаризма), а также концептуального анализа (теоретическая проработка концепта «тоталитаризма» с целью его актуализации). В целом при реализации методологии использована междисциплинарная стратегия, интегрирующая подходы не только представителей социально-философского

²⁵ Там же. С. 4.

дискурса, но и идей социологов, политологов, экономистов, что является типичным для исследований, проводимых в традициях критической теории.

Теоретическая и практическая значимость исследования

1. Эксплицирован теоретико-методологический потенциал неклассической теории тоталитаризма. Предложен вариант её актуализации, который делает возможным использование неклассического подхода для изучения общественно-политических феноменов текущего столетия.
2. В ходе исследования антидемократических тенденций, характерных для современных информационных обществ, были определены факторы становления неототалитаризма в XXI веке. Результаты исследования могут быть использованы для разработки конкретных мер, препятствующих воплощению неототалитарных проектов в условиях развития информационной цивилизации.
3. Теоретические выкладки исследования могут быть использованы в специальном курсе по теории тоталитаризма, а также в тематической части учебных курсов по социальной и политической философии.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Тоталитаризм — это не случайная аберрация социально-исторического развития отдельных индустриальных обществ XX века. Тоталитаризм — это устойчивая цивилизационная тенденция, присущая многим технологически развитым странам мира.
2. В условиях информационной эпохи, которая характеризуется стремительным НТП в сфере цифровых, виртуальных и компьютерных технологий, складываются материально-технические условия для тотальной реализации неототалитарных проектов, значительно отличающихся от своих индустриальных версий.

3. В рамках классической теории тоталитаризма, основные положения которой были сформулированы Х. Арендт, Зб. Бжезинским и К. Фридрихом, не представляется возможным адекватно проанализировать современные антидемократические тенденции, которые могут указывать на становление новейшего типа тоталитаризма. Решить данную исследовательскую задачу возможно посредством актуализации неклассического подхода, разработанного главным образом Г. Маркузе.
4. Объединение корпоративных и политических элит в XXI веке делает возможным осуществление тотального контроля над ключевыми коммуникационными каналами и сетевыми потоками, в которых обращаются оцифрованные экономические, социальные, культурные и иные капиталы, что позволяет им эффективно блокировать проекты, ставящие под сомнение status quo, сложившийся в современных информационных обществах.

Апробация исследования

Результаты исследования были представлены в виде докладов на научных мероприятиях:

1. Научно-практическая конференция «Эпидемия как вызов. Время кризиса», 26 апреля 2020 г. РГГУ, Москва. Тема доклада: «Купон на скидку в обмен на персональные данные: как компании подталкивают потребителей раскрывать информацию о себе в эпоху онлайн-торговли».
2. Всероссийская научная конференция молодых ученых «Наука. Технологии. Инновации», 30 ноября – 4 декабря 2020 г. НТИ (НГТУ), Новосибирск. Тема доклада: «Цифровая колонизация персональных данных как глобальный вызов современной цивилизации».
3. Всероссийская научная конференция с международным участием «Алешинские чтения — 2020: порядки дискурса в философии и культуре»,

- 10–12 декабря 2020 г. РГГУ, Москва. Тема доклада: «„Шпионящий капитализм“ Ш. Зубофф: критический анализ современного капитализма».
4. Круглый стол «Новые объекты и новые стратегии современной философии». 30 октября 2021 г. РГГУ, Москва. Тема доклада: «Totalitarianism studies в XXI веке».
 5. Международная научная конференция «Алешинские чтения — 2021: Метафизика зла», 9–11 ноября 2021 г. РГГУ, Москва. Тема доклада: «Тоталитаризм как абсолютное зло индустриализма в социальной философии Б. П. Вышеславцева».
 6. Всероссийская научная конференция «Философия перед лицом новых цивилизационных вызовов», 6–12 декабря 2021 г. МГУ, Москва. Тема доклада: «Концептуальные пути обновления классической теории тоталитаризма в политико-философской мысли XXI века».
 7. Всероссийская научная конференция молодых ученых, посвященная году науки и молодежи в России, «Наука. Технологии. Инновации», 06–12 декабря 2021 г. НТИ (НГТУ), Новосибирск. Тема доклада: «Проблема тоталитаризма в социальной философии Б. П. Вышеславцева».
 8. Аспирантский круглый стол «Трансформация субъекта в современной философии: рецепции и интерпретации». 17 декабря 2021 г. РГГУ, Москва. Тема доклада: «Тоталитаризм и современность: тоталитарная судьба авторитарной личности в XXI веке».
 9. 60-я международная научная студенческая конференция «МНСК — 2022». 10–20 апреля 2022 г. НГУ, Новосибирск. Тема доклада: «Современные концепции власти: критика „цифрового тоталитаризма“ в работах Ш. Зубофф».
 10. Всероссийская научная конференция «Философия перед лицом новых цивилизационных вызовов». 4–5 февраля 2022 г. МГУ, Москва. Тема

доклада: «Постиндустриальный тоталитаризм как глобальная угроза демократическому будущему мировой цивилизации».

11. Всероссийская научная конференция «История систем мысли сегодня: порядок превосходящего». 6 апреля 2022 г. РГГУ, Москва. Тема доклада: «Современные исследования тоталитаризма: основные направления и теоретические подходы».
12. XVIII Таврические философские чтения «Анахарсис» «Человек во власти цифры: мышление, знание, сознание». 14–16 сентября 2022 г. КФУ им. В. И. Вернадского, Новый свет. Тема доклада: «Информационные технологии как фактор становления постиндустриального тоталитаризма».
13. XIII международная конференция Школы философии и культурологии НИУ ВШЭ «Субъект и ответственность: природа, общество, культура». НИУ ВШЭ, Москва. 6–8 октября 2022 г. Тема доклада: «Постиндустриальный тоталитаризм как социально-политическое воплощение технократической тенденции в XXI веке».
14. Конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Философия в XXI веке: новые стратегии философского поиска». 5–9 декабря 2022 г. МГУ, Москва. Тема доклада: «Неклассическая теория тоталитаризма в контексте современных totalitarianism studies: pro et contra».

По теме издано 9 публикаций, 3 из которых в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Прошкин А. С. Тоталитаризм — незавершенный проект: многообразие современных интерпретаций // Полилог. 2022. Том 6. № 3. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110022483-3-1/>. Дата обращения: 25.03.2023.

2. Прошкин А. С. Проблема тоталитаризма в информационном обществе: основания пересмотра классических подходов // Вестник БГУ. Серия 5. Философия. 2022. № 6. С. 46–53.
3. Прошкин А. С. Социальная инженерия в 21 веке: проект социального кредитования граждан в КНР // Социология. 2020. № 6. С. 189–195.
4. Прошкин А. С. Сетевое отчуждение граждан: угроза цифрового тоталитаризма? // Colloquium Journal. 2019. № 15–5 (39). С. 52–54.
5. Прошкин А. С. Цифровая колонизация данных как глобальный вызов современной информационной цивилизации // Наука. Технологии. Инновации: XIV Всероссийская научная конференция молодых ученых: сборник научных трудов в 9 ч. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2020. С. 151–154.
6. Прошкин А. С. «Шпионящий капитализм» Ш. Зубофф: критический анализ современной стадии развития информационного общества // Порядки дискурса в философии и культуре. Алешинские чтения – 2020: Материалы всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 10–12 декабря 2020 г. Барнаул: ИП Колмагоров, 2020. С. 140–142.
7. Прошкин А. С. «Сетевое отчуждение граждан как новейший репрессивный механизм цифрового государства // Философия. Политология. Материалы 58-й Международной научной студенческой конференции. 2020. НГУ. С. 61–62.
8. Прошкин А. С. Проблема тоталитаризма в социальной философии Б. П. Вышеславцева // Наука. Технологии. Инновации: XV Всероссийская научная конференция молодых ученых, посвященная году науки и технологий в России // Сборник научных трудов в 10 ч. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2021. С. 150–153.
9. Прошкин А. С. Современные концепции власти: критика «цифрового тоталитаризма» в работах Ш. Зубофф // Журналистика. Педагогика.

Политология. Философия: материалы 60-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2022. С. 263–264.

Структура работы

В соответствии с целями и задачами исследования диссертация состоит из введения, основной части, заключения, списка источников и литературы. Первая глава включает в себя три параграфа, вторая глава — четыре.

Утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше. И теперь стоит другой мучительный вопрос, как избежать их окончательного «осуществления». Утопии осуществимы... Жизнь движется к утопиям. И открывается, быть может, новое столетие мечтаний интеллигенции и культурного слоя о том, как избежать утопий, как вернуться к не утопическому обществу, к менее «совершенному» и более свободному обществу.

Николай Бердяев

Глава 1. Теоретико-методологические аспекты исследования проблемы тоталитаризма

1.1 Теории индустриального тоталитаризма

В своей книге «Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию» Б. Латур отметил, что выражение «социология», которое в переводе с латинского и греческого языков означает ‘наука о социальном’, было бы отличным названием для упомянутой дисциплины, если бы не два проблемных момента: слова «социальное» и слова «наука»²⁶. Взглянув на название текущего исследования, можно сказать нечто похожее: термины «тоталитаризм» и «информационное общество» с момента их появления в словаре обществоведов стали предметом непрекращающихся споров между учёными. Более того, указанные термины вышли за пределы эзотерического академического дискурса и дополнили повседневный лексикон разнопрофильных экспертов, профессиональных политиков и общественных деятелей. При этом основные научные дискуссии разворачивались не столько вокруг самих терминов, сколько выражаемых с помощью них понятий. К примеру, понятие «информационное общество» за относительно недолгую историю своего использования подверглось активной критике за необоснованное повышение онтологического статуса современного этапа цивилизационного развития (З. Бауман, Э. Гидденс, У. Бек,

²⁶ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом ВШЭ, 2014. С. 12.

Г. Шиллер и другие)²⁷. В свою очередь, процесс критического осмысления понятия «тоталитаризм» продолжается уже более 80 лет, и представляет собой одну из горячих (по крайней мере для XX века) точек на карте столкновения методологических реалистов и номиналистов²⁸. Л. Д. Гудков на страницах статьи «„Тоталитаризм“ как теоретическая рамка: попытки ревизии спорного понятия» приводит несколько традиционных претензий к «тоталитаризму» как генерализированной понятийной конструкции: представителей различных социально-гуманитарных наук (главным образом историков с их лояльностью к идиографическому подходу) чаще всего не устраивает его многозначность, абстрактность и статичность²⁹. В то же время, как отмечал Р. Козеллек, в семантике каждого понятия зафиксирован конкретный исторический опыт³⁰. Поэтому важно обратиться к реальным событиям, лежащим в основе понятия «тоталитаризм».

За период «короткого XX века», историческое время которого, по мнению Э. Хобсбаума, началось вместе с первыми раскатами Первой мировой войны, а истекло с последними отзвуками распада советской системы, произошло несколько событий, поставивших под сомнение само существование человеческой цивилизации: серия кровопролитных революций, две смертоносные мировые войны, огромное количество локальных конфликтов, создание лагерей смерти, ядерная бомбардировка городов с мирным населением³¹... Большинство из перечисленных выше социальных катастроф прошлого столетия пришлось на его первую половину, которая была также ознаменована формированием, функционированием и распадом не встречавшихся никогда прежде в истории

²⁷ В рамках данной работы термины «информационное общество» и «постиндустриальное общество» будут использоваться в качестве синонимов.

²⁸ Подобное можно сказать и о не менее многоликом понятии «фашизм», посредством которого зачастую осмысливаются идентичные исторические феномены.

²⁹ Гудков Л. Д. «Тоталитаризм» как теоретическая рамка ... С. 374.

³⁰ Koselleck R. *Futures past: On the Semantics on Historical Time*. N. Y.: Columbia University Press, 2004. P. 90.

³¹ Хобсбаум Э. *Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914–1991)*. М.: Издательство Независимая Газета, 2004. С. 7.

политических режимов индустриального типа, отличавшихся высокой степенью централизации общественных институтов; проведением агрессивной внешней и репрессивной внутренней политики; коллективистскими экономическими экспериментами; наличием всеохватывающих идеологий, в которых излагаются «конечные» цели исторического процесса; установлением тотального контроля как над жизнью отдельного индивида, так и над всеми сферами управляемого общества. Процесс многоуровневой рефлексии, направленный на осмысление специфики указанных систем, начался практически сразу после триумфа фашистского движения в Италии в октябре 1922 года, в результате которого начали складываться ключевые практики и институты нового тотального режима. Системная объективация большевизма в России и национал-социализма в Германии эксплицировали те экономические, социальные, культурные, политические и идеологические установки, которые в условиях фашистского режима получили недостаточное воплощение на практике. Впоследствии именно эти три режима будут традиционно интерпретироваться в качестве «тоталитарных», хотя с развитием *totalitarianism studies* режим Б. Муссолини будет чаще трактоваться как хрестоматийный пример «авторитаризма»³². Причём ещё до начала их масштабной институционализации многие мыслители из различных областей социально-гуманитарных наук анализировали общественные феномены, непосредственным образом повлиявшие на реальное воплощение тоталитарных проектов прошлого столетия. Среди них можно упомянуть таких авторов, как Г. Лебон, Э. Дюркгейм, М. Вебер, К. Г. Юнг, Х. Ортега-и-Гассет и многих других.

Прежде чем переходить к непосредственному рассмотрению конкретных интерпретаций тоталитаризма следует кратко остановиться на многозначности понятия «тоталитаризм», чтобы прояснить аспекты его употребления в контексте данного исследования. Как отмечает отечественный исследователь тоталитаризма

³² К примеру, Х. Линц квалифицирует фашистский режим в качестве примера авторитарного режима мобилизационного типа. См. Линц Х. Тоталитарные и авторитарные режимы // Неприкосновенный запас. 2018. № 4. С. 22.

В. И. Михайленко, при разговоре о тоталитаризме можно иметь в виду три разных понятия: реальный исторический феномен, социально-политическая объективация которого впервые произошла в прошлом столетии; политическую концепцию тоталитарного государства; теорию тоталитаризма как тему академических исследований, благодаря осуществлению которых был выработан идеальный тип «тоталитарного государства», позволяющий определять степень тоталитарности того или иного общественно-политического режима³³. Относительно вышеизложенного мнения представляется уместным сделать одно важное дополнение: «тоталитаризм» как некий вид позитивной политической программы зачастую трансформируется в негативную идеологическую доктрину, которая используется как в масштабных пропагандистских кампаниях, так и в отдельных дискуссиях политиков, учёных и обывателей. В рамках текущего исследования автор постарается придерживаться принципа «научного эпохе» в отношении «тоталитаризма» как идеологического концепта, направленного на дискредитацию любого общественно-политического явления, произвольно классифицируемого в качестве «тоталитарного».

Далее будут перечислены основные этапы изучения тоталитаризма, представляющие собой переосмысленную и актуализированную версию периодизации, созданной Л. Д. Гудковым в начале 2000-х годов³⁴. Безусловно, представленная ниже хронологическая периодизация является во многом условной. В ней также не учитываются работы, посвящённые, например, осмыслению «восточного» или «африканского» тоталитаризма. Тем не менее, она, как и любой другой вид систематизации, способствует более чёткому пониманию сходств и отличий исследуемых объектов. Как было сказано ранее, развитие тоталитаризма как теоретической модели, непосредственным образом связано с

³³ Михайленко В. И. Современные исследования тоталитаризма // Известия Уральского государственного университета. Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 86. С. 181.

³⁴ Гудков Л. Д. «Тоталитаризм» как теоретическая рамка ... С. 378.

метаморфозами того общественно-исторического феномена, на описание и объяснение которого она претендует.

1. 1922–1933 гг. «Осевое время» тоталитарных режимов. Первые попытки экспликации их сущностных характеристик, ключевых практик и системообразующих институтов.

2. 1934–1950 гг. Анализ (в том числе компаративистский) факторов становления тоталитарных режимов (экономических, технологических, социальных, культурных, политических и др.), а также их отдельных характеристик как в период *Interbellum*, так и после завершения Второй мировой войны, раскрывшей многие имплицитные установки тоталитаризма.

3. 1951–1963 гг. Формирование классической теории тоталитаризма, авторы которой систематизировали идеи предшествующих периодов. Становление неклассической интерпретации тоталитаризма.

4. 1964–1989 гг. Критика классической теории тоталитаризма, в частности за её неспособность ясного объяснения механизмов трансформации советской системы после XX съезда КПСС. Попытки актуализации классического теоретико-методологического аппарата, концептуальное оформление неклассической теории.

5. 1990–2000 гг. Систематизация исследований тоталитаризма, а также осмысление проблемы тоталитаризма в условиях идеологического «конца истории», обусловленного распадом Восточного блока.

6. 2001– настоящее время. Создание подходов, в рамках которых современные антидемократические тенденции, интерпретируются в качестве маркеров как формирования тоталитарных режимов новейшего типа, так и симптомов, указывающих на рецидив знакомого «тоталитарного синдрома».

После общей экспликации основных периодов развития *totalitarianism studies*, перейдём к более подробному рассмотрению его конкретных этапов.

Слово «тоталитарный» (от лат. *totalis* ‘целый, полный’) впервые появляется в политическом дискурсе Италии после «похода на Рим» чернорубашечников в 1922 году, в результате которого Б. Муссолини сместил с политического олимпа стремительно терявшего популярность итальянского короля Виктора Иммануила III. Либеральные круги Италии, сперва оказавшиеся под обаянием фашистской программы, быстро распознали антидемократическую сущность молодого фашистского государства: его этатизм, милитаризм, социальный и экономический интервенционизм. В 1923 году публицист и политический деятель Дж. Амендола одним из первых охарактеризовал новый режим в качестве «тоталитарного», указав на его качественное отличие от всех диктатур, существовавших прежде в истории³⁵. В свою очередь, в работах философа неогегельянца Дж. Джентиле термин «тоталитарное государство» (итал. *stato totalitario*), превращенный дуче в политический лозунг, получил свою концептуальную проработку³⁶. В Германии после прихода Национал-социалистической немецкой рабочей партии к власти в 1933 году термин «тоталитарное государство» не получил широкого распространения ни среди немецких интеллектуалов, симпатизировавших фюреру, ни среди сотрудников Имперского министерства народного просвещения и пропаганды. Использование в СССР как термина «тоталитаризм», так и его производных, было достаточно редким явлением³⁷. В официальных источниках для характеристики режимов Ф. Франко, Б. Муссолини и А. Гитлера намного чаще употреблялся зонтичный «фашизм», пополнивший в конце 20-х годов список советских идеологических клише. Одно из отклонений от генеральной линии — позиция Л. Д. Троцкого,

³⁵ Pipes R. *Russia under Bolshevik regime*. New York: Knopf Doubleday Publishing Group, 1993. P. 243.

³⁶ Bongiovanni B., Rugman J. *Totalitarianism: The Word and Thing* // *Journal of Modern History*. 2005. Vol. 3. № 1. P. 7.

³⁷ Примечательно, что М. С. Горбачёв в своём последнем обращении к советским гражданам на посту президента СССР отметил успешную ликвидацию тоталитарной системы в результате реформ, проводимых с 1985 года. См. Горбачев М. С. *Жизнь и реформы*, в 2-х т. Т. 1. М.: «Новости», 1995. С. 6.

который определил сталинский режим в качестве тоталитарного³⁸. Мнение Троцкого было, скорее, исключением для бывших и ещё действующих членов партии, чего нельзя сказать о значительной диаспоре русских эмигрантов, идеи которых задолго до авторов классических концепций тоталитаризма середины прошлого столетия высветили ключевые признаки тоталитарных режимов промышленной эпохи.

На размышления отечественных мыслителей первой половины XX века, затронувших в своём творчестве проблему тоталитаризма, среди которых можно отметить В. М. Чернова, Г. П. Федотова, Ф. А. Степуна, С. О. Португейса, Н. А. Бердяева, С. И. Франка, П. И. Новгородцева, В. П. Вышеславцева, П. Б. Струве, повлиял главным образом травматичный опыт русского большевизма, практическое осуществление политической программы которого обернулось масштабными социальными катастрофами для населения первого в мире государства рабочих и крестьян. Октябрьская революция 1917 года, а также общественно-политические перемены, которые последовали вскоре после завершения её первых этапов, были восприняты большинством отечественных интеллектуалов не только в качестве трагедии русского народа и российского государства в частности, но и как грозный симптом глубочайшей духовно-нравственной болезни, угрожающей существованию мировой христианской цивилизации в целом. Именно поэтому для многих отечественных интерпретаций тоталитаризма характерен особый религиозный подход, трактующий генезис репрессивных режимов промышленной эпохи как знак наступления последних времен. При этом стремление к тотальности, соответствовавшее, по мнению Н. А. Бердяева, глубоким религиозно-социальным инстинктам русского народа, в условиях промышленной эпохи получило объективацию во всеохватывающем коммунистическом режиме³⁹.

³⁸ Троцкий Л. Д. Преданная революция. Что такое СССР и куда он идёт? М.: RUGRAM, 2017. 172 с.

³⁹ Бердяев Н. А. Русская идея. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 372.

Параллельно интерпретациям тоталитарных режимов, созданных отечественными мыслителями, многие западные авторы в межвоенный период предпринимали попытки осмысления беспрецедентных реалий общественно-политических проектов, реализуемых на территории Италии, Германии и СССР. Типичный признак данных трактовок — акцент на сущностном родстве политических режимов Гитлера и Сталина, а также постепенное выведение государства Дуче за концептуальные скобки тоталитарных схем. Среди сторонников мнения о принципиальном сходстве двух режимов можно упомянуть М. Лернера, Х. Кона, В. Волина, Л. Стурцио, Х. Калена и других авторов.

Академическая институционализация исследований тоталитаризма сопровождала становление тоталитарных систем в реальной жизни. Так, первая научная конференция, посвященная вопросам тоталитаризма, состоялась в 1939 году в США. А в начале 40-х годов прошлого столетия создаются первые крупные произведения, на страницах которых были разработаны аналитические концепции, интерпретирующие репрессивные политические системы того времени в качестве «тоталитарных». Д. Х. Хейс, Ф. Нойманн, Ф. Боркенау, Л. Мизес, Ф. Хайек, К. Поппер и другие авторы эксплицировали специфические особенности тоталитарных режимов, а также обозначили ключевые факторы их становления: психологические, социальные, культурные, технологические и т. д.

Один из подходов, в котором рассматриваются экономические причины формирования тоталитарных режимов, представлен авторами, работавшими в рамках Австрийской школы экономической теории, — главным образом Л. Мизесом и Ф. Хайеком, исходившими из базового тезиса взаимосвязи экономических и политических доктрин⁴⁰. Социализм, который представляет собой квинтэссенцию коллективистских принципов в экономической жизни, ведёт к максимальным ограничениям в политике, реальным воплощением которых стали

⁴⁰ Кубедду Р. Либерализм, тоталитаризм и демократия. Политическая философия австрийской школы. М., Челябинск: Социум, 2020. С. 241.

тоталитарные режимы середины XX века. Вышеизложенный аргумент о взаимной обусловленности командной модели в экономике и тоталитарного режима в политике основан на утверждении необходимости передачи в условиях планового хозяйствования значительных полномочий узкому кругу специалистов, представляющих интересы господствующей власти, что в конечном итоге приводит к монополии на распределение ресурсов, осуществляемое в строгом соответствии с целями официальной идеологии: «Экономический контроль неотделим от контроля над всей жизнью людей, ибо, контролируя средства, нельзя не контролировать и цели»⁴¹. Таким образом, именно плановая экономика, рождение которой как хозяйственной парадигмы произошло во время Первой мировой войны, взросление в период *Interbellum*, а расцвет пришёлся на исторический отрезок, последовавший сразу за вторжением вермахта в Польшу, представляет собой ключевой фактор, спровоцировавший становление тоталитарных институтов и практик. Хайек также разделяет традиционное мнение о сущностном родстве тоталитарных режимов в Италии, Германии и СССР. Однако он по-иному определяет главный признак тоталитарного сходства, указывая на гомогенность их экономик, функционирующих в соответствии с хозяйственными принципами социализма⁴².

К. Поппер продолжил изучение специфических особенностей тоталитарных режимов, сфокусировав свои исследовательские усилия на определении идейных корней тоталитаризма, представляющего собой, по его мнению, общественную объективацию архаичных историцистских спекуляций в индустриальную эпоху. Поппер указал на сущностную характеристику историцизма — претензию на экспликацию предельных законов истории и, как логическое следствие открытия таких закономерностей, предсказание следующих этапов исторического развития. Две тотальные идеологии двух тоталитарных режимов (национал-социализм и

⁴¹ Хайек Ф. Дорога к рабству. С. 145.

⁴² Там же. С. 47.

марксизм-ленинизм) являются наиболее важными современными версиями историцизма, основные идеи которых могут быть возведены к одному теоретическому источнику — спекулятивной философии Гегеля. Однако автор «Нищеты историцизма» не останавливается на анализе тотального характера философии Гегеля, обнаруживая корни историцизма в творчестве античных мыслителей, среди которых Поппер выделяет Гераклита, Платона, Аристотеля и других философов. Из этого следует, что тотальные идеологии XX века — не изолированные интеллектуальные феномены индустриальной эпохи, а звенья единой многовековой тоталитарной тенденции⁴³.

Первые масштабные произведения, на страницах которых политические системы фашистской Италии, сталинского СССР и Третьего Рейха комплексно анализируются в качестве «тоталитарных», создаются после завершения Второй мировой войны, продемонстрировавшей человечеству последствия попыток тотальной реализации тоталитарных проектов. Важную роль в обсуждении и систематизации накопленных знаний о тоталитарных режимах сыграли международные конференции начала 50-х годов. Так, на научном симпозиуме, организованном Американской академией наук и искусств в марте 1953 года, обсуждался ряд принципиальных вопросов, в том числе и об уникальности феномена тоталитаризма. В свою очередь, после публикации Х. Арндт в 1951 году книги «Истоки тоталитаризма» начинает формироваться концептуально-методологический фундамент классической теории тоталитаризма, главными творцами которой, помимо Арндт, выступили Зб. Бжезинский и К. Фридрих, аккумулировавшие идеи Р. Михельса, З. Нойманна, Л. Мизеса, Ф. Хайека, К. Поппера и многих других авторов, исследовавших отдельные грани этого сложного общественно-исторического феномена.

Центральным для теории тоталитаризма Х. Арндт, по наблюдению отечественного социолога А. Д. Ковалёва, является обновлённый концепт

⁴³ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. С. 74.

«массы», раскрывающий социальные истоки тоталитаризма и утверждающий тоталитарные режимы как опосредованное творение предельно атомизированных людских масс, представлявших собой главную опору «тоталитарных движений»⁴⁴. Согласно Арндт, в послевоенной Германии процесс разложения крупных общественных групп, а также эрозия ключевых социальных связей проходили преимущественно естественным путём, в отличие от сталинского СССР, руководство которого после 1929 года проводило систематическую политику террора, направленную на полную атомизацию советского общества⁴⁵. Главными проводниками террора выступали службы тайного государственного контроля (ОГПУ–НКВД–НКГБ), обеспечивавшими уровень предельной централизации государства в условиях крайней дезинтеграции управляемого социума. При этом вышеописанная специфика государственного террора, трагическая история которого начинается ещё в период якобинской диктатуры, выступает в роли отличительного признака тоталитарных режимов⁴⁶. Ещё один важный, по мысли Арндт, элемент эффективного функционирования тоталитарных режимов — масштабный аппарат пропаганды, позволяющий с помощью передовых в технологическом плане коммуникационных средств доносить до масс генеральную линию партии, соответствующую «научно обоснованным» положениям тотальной идеологии. Однако в уравнении тотального контроля пропаганда была, скорее, переменной, в то время как террор выступал в качестве константы тоталитарной политики: «Пропаганда, другими словами, единственный и, может быть, наиболее важный инструмент тоталитаризма при общении с нетоталитарным миром. Террор, наоборот, истинная сущность данной формы правления»⁴⁷.

⁴⁴ Лившиц М. С. Научный семинар по книге Х. Арндт «Истоки тоталитаризма» // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 228.

⁴⁵ Арндт Х. Истоки тоталитаризма. С. 423.

⁴⁶ Там же. С. 39.

⁴⁷ Там же. С. 454.

Результатом научных штудий Зб. Бжезинского и К. Фридриха стала концепция тоталитаризма, идейное влияние которой вышло далеко за рамки научных исследований данной темы. Как и для Арндт, ключевой вопрос, интересующий Бжезинского и Фридриха, заключался в определении специфики тоталитарных режимов, что позволило бы на качественном уровне дифференцировать их от схожих диктатур, существовавших в Античности, Средних веках и Новом времени. Бжезинский и Фридрих на страницах первого издания «Тоталитарной диктатуры и автократии», опубликованного в 1956 году, указали следующие признаки тоталитарных режимов, которые качественно отличают их от всех существовавших прежде в мировой истории типов диктатур: «Эти признаки: идеология; единственная партия, как правило, возглавляемая одной личностью; террористическая полиция; монополия на средства массовой коммуникации; монополия на вооружение; централизованная планируемая экономика»⁴⁸. Рассмотрение данного перечня, дополненного впоследствии, демонстрирует отсутствие принципиально новых свойств тоталитаризма, что указывает на его суммирующий формат. Однако оригинальность мнения Бжезинского и Фридриха состоит в разработке чёткого и конкретного алгоритма диагностирования тоталитаризма, который определяется только при наличии всех перечисленных симптомов, проявляющихся в политической жизни изучаемого государства. Несмотря на то, что отдельные признаки наблюдались в прошлых столетиях, их комбинацию можно встретить только в XX веке, что делает тоталитаризм феноменом именно промышленной эпохи. Более того, Бжезинский и Фридрих выделяют несколько уникальных факторов, которые выступили в качестве *sine qua non* тоталитаризма в индустриальном обществе. Среди них — высокий уровень научно-технического прогресса (НТП), особенно в области военных технологий и сфере коммуникаций⁴⁹. Таким образом, по мысли Бжезинского и Фридриха, одним из ключевых условий возникновения

⁴⁸ Игрицкий Ю. П. Фридрих К., Бжезинский Зб. Тоталитарная диктатура и автократия ... С. 87.

⁴⁹ Там же. С. 90.

тоталитарных режимов является высокий уровень развития технологий в индустриальном обществе: «Итак, еще раз: тоталитарные режимы оказались в состоянии возникнуть исключительно в условиях массовой демократии и современной технологии»⁵⁰. Если вся западная философия — это заметки к сочинениям Платона, то большая часть *totalitarianism studies* — это маргиналии на полях классической теории тоталитаризма. Нисколько не умаляя научных достижений следующих поколений исследователей, важно отметить, что подавляющее большинство из них создавали свои трактовки в диалоге (преимущественно заочном) с Х. Арендт, Зб. Бжезинским и К. Фридрихом.

Наряду с классическим пониманием тоталитаризма в рамках западной социально-философской и политологической традиций, можно выделить ещё одну трактовку данного феномена, интерпретирующую тоталитаризм не столько как тип политического режима, а, скорее, как модель тотального экономическо-технологического господства, скрытые практики которого направлены на подавление любых альтернативных проектов общественного развития, потенциально угрожающих *status quo* властных элит. Для упрощения восприятия специфики данного исследовательского направления, предлагается обозначить его в качестве неклассической интерпретации тоталитаризма. Её ключевые положения разрабатывались представителями Франкфуртской школы — главным образом М. Хоркхаймером, Т. Адорно, Э. Фроммом и Г. Маркузе. Для исследований тоталитаризма, проводимых в рамках неклассического подхода, характерен разносторонний анализ ключевых факторов и признаков тоталитарных режимов: от определения тоталитарного потенциала проекта Просвещения до изучения психотипа авторитарной личности, оказавшей наибольшую поддержку формирующимся тоталитарным движениям⁵¹. Тезис, идейно фундирующий

⁵⁰ Там же. С. 91.

⁵¹ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. 312 с.; Адорно Т. Исследование авторитарной личности. 416 с.

неклассическую теорию тоталитаризма, — утверждение тоталитарного потенциала технологически развитых обществ, примером актуализации которого являлась поздняя индустриальная цивилизация. Причём это касается как демократических, так и недемократических систем, основанных на экономическо-технологической базе индустриализма.

В 60-е годы ключевые положения классической теории тоталитаризма подвергались обоснованной критике, в частности за невозможность на их основе объяснить трансформацию советской системы, в связи чем приходилось вводить теоретические надстройки *ad hoc*. Следует отметить, что постепенное накопление подобных аномалий вело не только к кризису доверия в отношении идей классиков, но и размывало «тоталитаризм» как исследовательскую парадигму в целом⁵². Критические замечания, указывавшие на ограниченность эвристического потенциала классического подхода, высказывались А. Мейером, Р. Такером, Д. Каутским, Ф. Флероном, Г. Холландером и др.

В свою очередь, Х. Линц осуществил идеально-типическую проработку режимов, классифицируемых в качестве авторитарных, тем самым эксплицировав один из реальных вариантов детотализации тоталитарных систем. Взяв за основу анализ диктаторского режима Ф. Франко в Испании, который не только устоял после краха национал-социализма в Германии, но и функционировал вплоть до 1970-х годов, Х. Линц концептуализировал авторитарную модель, а также определил её основные вариации⁵³. Линц выделил следующие типы авторитаризма: бюрократическо-милитаристские авторитарные режимы, мобилизационные авторитарные режимы и посттоталитарные авторитарные режимы в странах с тоталитарным прошлым⁵⁴. Дихотомически разделив все политические режимы на

⁵² На научную линию критики накладывались многочисленные обвинения в принципиальной идеологичности теории «тоталитаризма»: одностороннее утверждение гомогенности национал-социалистического и большевистского режимов часто использовалось в качестве инструмента пропаганды в период холодной войны.

⁵³ Linz J.J. An Authoritarian Regime. The case of Spain. P. 291.

⁵⁴ Линц Х. Тоталитарные и авторитарные режимы. С. 22.

демократические и недемократические, Линц зачисляет авторитарные и тоталитарные системы во вторую категорию. Одно из ключевых различий тоталитаризма и «большинства нетоталитарных недемократических систем» — степень участия населения в реализации официального политического курса: тоталитарный режим нацелен на осуществление тотальной мобилизации масс для реализации тоталитарных проектов⁵⁵. Линц также выделяет в качестве специфических черт тоталитарных систем: единый центр власти, не исключающий ограниченного плюрализма внутри этого центра, а также проработанную всеохватывающую идеологию, на которую опирается господствующая партия⁵⁶.

В 70-х и начале 80-х годов продолжались дискуссии об эвристической ценности генерализированных концепций тоталитаризма в контексте изучения конкретных политических систем. Американские историки Х. Тернер и Дж. Грегор разработали модернизированные интерпретации тоталитаризма, ориентированные на изучение фашистских режимов. При этом, как отмечает отечественная исследовательница Е. В. Мороз, в рамках модернизированных интерпретаций тоталитаризма постулируется историческая уникальность фашистских и коммунистических режимов как способов объективации тоталитарной власти при сохранении традиционной оппозиции демократических и недемократических систем⁵⁷. Что указывает на их «классический» характер, даже учитывая некоторые количественные изменения традиционных маркеров тоталитарности, описанных Зб. Бжезинским и К. Фридрихом.

В качестве варианта снятия указанных сложностей классической теории тоталитаризма можно упомянуть работу З. Мампеля, в которой он предложил разделять константные и переменные элементы при исследовании тоталитаризма⁵⁸.

⁵⁵ Там же. С. 40.

⁵⁶ Там же. С. 40.

⁵⁷ Мороз Е. В. Американская историография тоталитаризма 1970-х годов // Вестник Кузбасского государственного университета. 2006. № 3. С. 164.

⁵⁸ Mampel S. Versuch eines Ansatzes ... S. 15.

Первые выражают сущностные характеристики тоталитаризма, отличающие его от других типов диктатур, вторые — отражают специфику отдельно взятых тоталитарных систем. В то же время, как отмечает Л. Д. Гудков, хотя подобные решения и представляют интерес в контексте компаративистских исследований, принципиальных теоретико-методологических вопросов они не решают⁵⁹.

После 1991 года выходят исследования, в которых предпринимаются попытки систематизации, а также критического осмысления созданных в течение XX века трактовок тоталитаризма. Пример такой работы — опубликованное немецким автором В. Випперманном исследование «Теории тоталитаризма», которое А. Умланд охарактеризовал как наиболее полный и в своем роде уникальный обзор истории изучения тоталитаризма⁶⁰. В 90-е годы проблематика тоталитаризма рассматривается в работах многих отечественных авторов: К. С. Гаджиева, Ю. И. Игрицкого, Ю. Н. Давыдова, А. А. Кара-Мурзы, Р. Х. Кочесокова, Э. Г. Соловьева и др.

В этот же период также выходят работы, в которых, с одной стороны, обозначаются возможные пути демократического преодоления тоталитарного наследия, с другой — эксплицируются факторы становления постсоциалистических форм тоталитаризма. Так, в своей книге «Переходный период, реставрация и неототалитаризм» З. Видоевич обосновывает реальность угрозы формирования постсоциалистического тоталитаризма на территории новых государств, образовавшихся в результате распада Восточного блока⁶¹. Устойчивая авторитарная тенденция, проявляющаяся в постсоциалистических социальных системах, в сочетании с другими факторами (глубоким экономическим кризисом, социальной аномией, антидемократическими традициями, ростом популярности радикальных политических организаций) может способствовать установлению

⁵⁹ Гудков Л. Д. «Тоталитаризм» как теоретическая рамка ... С. 416.

⁶⁰ Умланд А. Теоретическая интерпретация фашизма и тоталитаризма в работах В. Виппермана // Социологический журнал. 2000. № 1–2. С. 208.

⁶¹ Калоева Е. Б. Рецензия на: З. Видоевич ... С. 125–133.

неототалитарных режимов, в том числе и на территории государств Восточной Европы. Ключевой характеристикой постсоциалистического тоталитаризма является его экзотерический фасад из квазидемократических практик, маскирующих неототалитарные институты. Итак, в соответствии с классической теорией тоталитаризма, задававшей основной вектор развития *totalitarianism studies* в академическом дискурсе XX века, ключевыми особенностями тоталитарных режимов являются:

– Плановая экономика, централизация производства, распределения и обмена материальных ресурсов общества.

– Систематический государственный террор, осуществляемый органами тайной полиции.

– Квазинаучная идеология, раскрывающая «конечную» цель истории.

– Высокотехнологичный аппарат пропаганды, эксклюзивно использующийся режимом для идеологической агитации.

– Единственная легальная партия, опирающаяся на поддержку масс.

– Тотальная мобилизация широких слоёв населения для активного участия в реализации тоталитарного проекта.

– Система централизованного управления государством, ключевая роль бюрократии в её функционировании.

– Институты формального контроля, через которые осуществляется надзор практически за всеми сторонами жизни как отдельного гражданина, так и всего социума.

При рассмотрении указанных характеристик необходимо обратить внимание на один важный момент, эксплицирующий социальную природу тоталитарных режимов прошлого столетия, а именно их неразрывную связь с социально-

экономическими особенностями промышленной эпохи: распространением бюрократической модели управления, ключевой ролью масс в политике, широкой популярностью коллективистских идеологий, масштабными хозяйственными экспериментами планового типа и, что особенно примечательно, стремительным развитием науки и техники. К примеру, Э. Гидденс чётко указывал на их связь: «Рассматривая результаты распространения фашизма, Холокоста, сталинизма и других эпизодов истории XX века, мы видим, что возможности для тоталитарного варианта развития событий предполагаются институциональными параметрами современности, а не исключаются ими»⁶². Более того, несомненной представляется их взаимная обусловленность, которую Б. П. Вышеславцев выразил в тезисе о неоспоримой тоталитарной тенденции индустриализма⁶³.

Таким образом, можно сделать вывод, что генезис и функционирование тоталитарных режимов, историческое время которых пришлось на период «короткого XX века», не только хронологически совпадает с эрой индустриализма, но также имеет казуальную связь с технологическим и институциональным развитием индустриального общества. Исходя из этого вывода, интерпретации тоталитаризма, в рамках которых анализируются масштабные социально-политические системы промышленного типа, можно охарактеризовать в качестве *теорий индустриального тоталитаризма*. Специфика современных трактовок неототалитаризма будет рассмотрена в следующей части работы.

1.2 Тоталитаризм — незавершённый проект: многообразие современных интерпретаций

Прошло 43 года с момента, когда Ю. Хабермас произнёс свою знаменитую речь о модерне во Франкфурте-на-Майне по случаю присуждения ему премии Т. Адорно. Размышления Хабермаса о судьбе модерна можно редуцировать до

⁶² Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011. С. 119.

⁶³ Вышеславцев Б. П. Кризис индустриальной культуры. С. 281.

главного вопроса, концептуально фундирующего его выступление: сохраняет ли модерный проект свою витальность в конце XX века? Ответ Хабермаса, отвергнувшего программу постмодерна как антимодерна, прозвучал следующим образом: «Я полагаю, что нам лучше учиться на промахах, сопровождавших проект модерна, на ошибках вычурной программы упразднения культуры, нежели объявлять несостоятельными модерн и сам его проект»⁶⁴. В рамках данной части диссертации предлагается продолжить размышления Хабермаса и кратко рассмотреть взгляды исследователей XXI века, поставивших под сомнение распространенное мнение о завершении ещё одного проекта, исторические следы которого ведут через мрачные бараки ГУЛАГа и Аушвица, к тотальности политических режимов, позднее классифицированных в качестве «тоталитарных»⁶⁵. Перед рассмотрением конкретных интерпретаций представляется уместным воспроизвести общественно-политический и академический контекст современных *totalitarianism studies*.

Актуальность проблематики тоталитаризма, обусловленная историческими событиями прошлого столетия, притягивала исследовательский интерес учёных из различных сфер социально-гуманитарного знания большую часть XX века. При этом интенсивность соответствующих штудий различалась в зависимости от конкретного десятилетия и конкретных стран: к примеру, умеренная активизация научного сообщества в ФРГ в 70-е годы сопровождалась относительным затишьем других европейских исследователей. В любом случае на количество и качество интерпретаций тоталитаризма непосредственным образом влияла историческая судьба реально существовавших режимов, осмысливаемых в качестве «тоталитарных». За их историческим акме, которое пришлось на период Второй

⁶⁴ Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005. С. 25.

⁶⁵ Важно отметить, что в обзор не будут включены интерпретации, авторы которых определяют актуальные антидемократические тенденции как симптомы рецидива индустриального тоталитаризма, а не его новой формы, ключевые признаки которой детерминированы структурными особенностями информационных обществ. Один из наиболее ярких примеров такой интерпретации — концепция Л. Д. Гудкова, известная как «вторичный» или «возвратный» тоталитаризм См. Гудков Л. Д. Вторичный, или возвратный, тоталитаризм. С. 207–260.

мировой войны, последовало создание масштабных аналитических концепций в 50-е годы. Крушение фашистского и национал-социалистического режимов в Италии и Германии вследствие тотальных военных поражений, центрировали исследовательский фокус на советской системе⁶⁶. Её изменения, последовавшие после смерти И. Сталина, продемонстрировали определенную ригидность и герметичность классической теории тоталитаризма, что в 60-е годы запустило процесс критического переосмысления традиционных положений. В свою очередь, падение советского режима непосредственным образом отразилось на специфике современных *totalitarianism studies*: последовала логичная переориентация осуществляемых исследований — с одной стороны, социально-философский и политологический анализ практически полностью уступил место односторонним историческим интерпретациям. С другой — неизбежно снизилось и число опубликованных исследований. Проблема тоталитаризма, которую С. С. Аверинцев охарактеризовал как проблему проблем XX столетия, стремительно теряла свою актуальность: попытки тотальной реализации тоталитарных проектов, казалось, остались трагической частью индустриальной эпохи⁶⁷. А вместе с ними уходил в прошлое и период активной научной проработки «тоталитаризма» как востребованной исследовательской концепции. Слова современного итальянского историка А. Грациози звучат как погребальная эпитафия, резюмирующая реальный эвристический потенциал теории тоталитаризма в контексте социально-гуманитарных наук: «Однако факт остаётся фактом „тоталитаризм“, по-видимому, действительно очень слабая с интерпретативной точки зрения теория, категория, не объясняющая, а лишь создающая иллюзию объяснения феноменов, к которым она применяется...»⁶⁸

⁶⁶ Д. Рисмен, долгое время сотрудничавший с К. Фридрихом, одним из первых предложил вариант внутреннего разложения тоталитарных режимов, сделав акцент на важной роли коррупционного фактора в данном процессе. См. Riesman D. Some Observations on the Limits of Totalitarian Power // *The Antioch Review*. Antioch Review Inc. 1952. Vol. 12. № 2. 155–168.

⁶⁷ Аверинцев С. С. «Великий инквизитор» с точки зрения *advocatus diaboli* // София — Логос: Словарь. К.: Дух и Литера, 2000. С. 320.

⁶⁸ Грациози А. Война и революция в Европе 1905–1956. М.: РОССПЭН, 2005. С. 115.

Однако в XXI веке, наряду с постепенным развитием институтов электронной демократии, можно наблюдать интенсификацию и экстенсификацию антидемократических тенденций, сопровождающих становление информационной цивилизации. Для практической нейтрализации этих тенденций, требуется их адекватная теоретическая интерпретация, в частности определение их политико-онтологического статуса: являются ли они изолированными абберациями всеобщей и комплексной децентрализации и дебюрократизации или же оказываются взаимосвязанными фазами единого антидемократического процесса, угрожающего свободному цифровому будущему человеческой цивилизации? По мнению некоторых зарубежных (В. Хэндрикса, М. Вестергора, Л. Даймонда, Д. Хельбинга, З. Видоевича и др.), а также отечественных исследователей (В. П. Пугачёва, А. В. Фененко, Ю. С. Оганисьяна, И. Н. Тяпина, А. Н. Фатенкова и др.) актуальные антидемократические тенденции могут указывать на генезис новейшей формы тоталитаризма, значительно отличающейся от своей индустриальной версии, всесторонне изученной Д. Х. Хейсом, Р. Лёвенталем, Л. Мизесом, Ф. Хайеком, К. Поппером, Х. Арндт, К. Фридрихом, Зб. Бжезинским, Х. Линцем и многими другими авторами прошлого столетия. Между тем очередное воскрешение теории тоталитаризма после завершения холодной войны вызвало неоднозначную реакцию академического сообщества: так, А. Рабинбах указал на неожиданность «значимого возвращения» («significant comeback») концепции тоталитаризма для многих западных исследователей, уверенно прогнозирувавших её ожидаемое забвение в постсоветскую эпоху⁶⁹. В свою очередь, Э. Траверсо, комментируя «актуальное возрождение» («last rebirth») концепции тоталитаризма после 2001 года, обратил внимание на проблему её понятийной девальвации, неизбежно снижающей аналитический и эвристический потенциал любой научной теории⁷⁰. Сохранилась и имманентная амбивалентность концепции тоталитаризма: как было отмечено ранее, обратная сторона любой интерпретации

⁶⁹ Rabinbach A. Moments of Totalitarianism. P. 72.

⁷⁰ Traverso E. Totalitarianism between history and theory. P. 97.

тоталитаризма — полемическая, трансформирующая этот исследовательский концепт в элемент политической доктрины, зачастую необоснованно используемой для дискредитации оппонентов и их общественно-политических программ. Важно подчеркнуть, что ситуация преднамеренного транзита теоретического концепта в практическую сферу не является чем-то экстраординарным: скорее, это «родовая травма» всех общественных наук, купировать которую в полном объеме не представляется возможным.

Отмечая увеличивающееся число опубликованных исследований, посвящённых анализу различных аспектов формирующегося неототалитаризма, в контексте которых новейший тип тоталитарного режима осмысливается различными авторами в качестве «информационного», «информационно-финансового», «глобалистского», «цифрового», «инвертированного», «постмодернистского», «либерального», «управленческого», soft-тоталитаризма обращает на себя внимание отсутствие масштабных концепций, созданных как зарубежными, так и отечественными исследователями. Отчасти это можно объяснить недостаточной объективацией реальных неототалитарных тенденций, что указывает на предварительный характер указанных интерпретаций. Проблематика современного неототалитаризма в её социально-философском и политологическом прочтении рассматривается преимущественно в рамках отдельных статей, разделов книг и монографий, на страницах которых их авторы пытаются решить несколько исследовательских задач:

– Диагностировать «узкие места» в исследовательской матрице классических подходов с целью пересмотра традиционных маркеров тоталитаризма.

– Установить факторы риска, способствующие становлению неототалитарных институтов и практик в информационную эпоху.

– Определить отличия формирующегося неототалитаризма от его индустриальной версии для экспликации его специфики.

– Сформулировать список контрмер, направленных на противодействие разворачивающемуся неототалитаризму.

Несмотря на плюрализм существующих интерпретаций, в которых решаются вышеизложенные задачи, их можно условно разделить на три основные группы: технологическую, экономическую и идеологическую. Основание для классификации — авторская трактовка определенного фактора в качестве основной причины генезиса неототалитаризма. Условность этой классификации, в свою очередь, обусловлена как фрагментарным характером рассмотренных интерпретаций, так и неизбежной субъективностью систематизирования подобных объектов. Кроме того, большинство создателей современных трактовок подчёркивают мультифакторность общественно-политической объективации неототалитаризма, что в определённой степени затрудняет однозначную систематизацию рассматриваемых ниже интерпретаций. Отдельно стоит обозначить утверждаемую большинством авторов незавершенность процесса развёртывания неототалитаризма, а также промежуточный статус текущего периода, в котором многие неототалитарные тенденции не достигли своей полной актуализации.

Авторы технологических трактовок неототалитаризма: Д. Хельбинг, Л. Даймонд, Д. Пауэр, И. Аль-Амуди, Э. Лазеги, А. В. Фененко, С. А. Барков и др. апеллируют к материальному фактору, раскрывающему значение технологий в формировании и функционировании тоталитарных режимов. По их мнению, именно стремительный НТП информационной эпохи, а именно революционное развитие информационных, цифровых, виртуальных и сетевых технологий, создаёт материальные условия для генезиса неототалитарных систем, потенциальная тотальность которых угрожает свободному будущему как отдельного индивида, так и всего человечества. Рассуждения создателей технологической интерпретации тоталитаризма выстраиваются по единому паттерну, включающему в себя две

посылки и вывод, сделанный на их основе. Ниже они будут рассмотрены более подробно.

Как было отмечено ранее, в соответствии с классической теорией тоталитаризма, распространение современных технологий — важнейшее условие становления тоталитарных институтов пропаганды, надзора и государственного террора⁷¹. Руководствуясь данным тезисом, Зб. Бжезинский и К. Фридрих выводят за понятийные скобки «тоталитаризма» все автократии, существовавшие в мировой истории до индустриальной эпохи: их технологическая отсталость препятствовала реализации тоталитарных проектов. Этот тезис также фундирует первую посылку рассматриваемого неототалитарного аргумента: становление тоталитарных институтов и, как следствие, тоталитарных режимов невозможно без существования развитой технологической базы, в том числе современных средств массовой коммуникации (радио, телевидения, газет, кинематографа и др.), позволяющих институализированным образом как производить, так и распространять правильную с точки зрения господствующей идеологии совокупность взглядов на мир. Однако, возможно, что современные технологии являются не только *sine qua non* тоталитаризма, но и фактором, детерминирующим степень тотальности тоталитарных режимов? Утвердительный ответ на этот вопрос лежит в основании второй посылки, указывающей на технологический фактор не только как на необходимое условие формирования тоталитарных институтов в принципе («технологический минимум», без которого тоталитаризм невозможен), но и определяющего потенциальную тотальность того или иного тоталитарного режима. Именно поэтому тоталитарные проекты XX века не могли быть полностью реализованы: фактический материально-технический уровень индустриализма не позволял достичь подлинной тотальности, а слова Р. Лея, главы Германского трудового фронта (DAF), о вездесущности НСДАП на деле оказались лишь пропагандистским лозунгом, регулятивной идеей национал-социалистической

⁷¹ Игрицкий Ю. П. Фридрих К., Бжезинский Зб. Тоталитарная диктатура и автократия. С. 90.

программы⁷². Контрвласть устремлялась в существующие лакуны, проявляясь на индивидуальном и коллективном уровнях в актах саботажа, многочисленных диверсиях и заговорах против господствующего режима⁷³. Здесь важно отметить обратный эффект массового террора, как одного из ключевых инструментов тоталитарных режимов индустриального типа: постепенное усиление противодействия открытому физическому насилию. В этом смысле справедливо мнение И. Аль-Амуди и Э. Лазеги, что осознанный отказ от масштабных репрессий и переход к политике суггестивного воздействия на флуктуирующие элементы системы делает неототалитарные режимы менее кровавыми, а поэтому более эффективными и стабильными по сравнению с индустриальными тоталитарными режимами⁷⁴.

Следовательно, полная реализация тотальных проектов тоталитаризма возможна лишь в условиях развитой технической цивилизации, намного превосходящей по уровню НТП индустриальное общество. Проиллюстрировать данный вывод можно примером знаменитых антиутопий, авторы которых постоянно обращались к технологиям будущего для описания политических проектов в своих произведениях⁷⁵. Относительный успех Большого Брата в художественном мире Океании не мог быть повторен Муссолини, Гитлером и Сталиным в реальности: они достигли предельного уровня тотальности в условиях индустриальной цивилизации первой половины XX века. Однако технологические горизонты тотальности, которые открываются в информационную эпоху, превосходят материально-техническую базу антиутопий прошлого столетия. Эксплицировав общий тезис о ключевой роли технологий для генезиса и

⁷² Bramstedt E. K. Dictatorship and Political Police. The Technique of Control by Fear. Routledge, Trench, Trubner and Co, 1945. P. 169.

⁷³ Покушение на А. Гитлера, совершенное 20 июля 1944 года, демонстрирует реальный уровень тотальности нацистского режима, достигнутого за 11 лет агрессивной пропаганды и систематического государственного террора.

⁷⁴ Al-Amoudi I. Lazega E. Introduction: Digital society techno-totalitarian matrix. P. 9.

⁷⁵ Оруэлл Дж. 1984 // 1984. Скотный двор. М.: СЗКЭО, 2021. С. 5–268; Хаксли О. О дивный новый мир. М.: АСТ, 2021. 228 с.; Замятин Е. И. Мы // Мы. Повести. Рассказы. М.: Дрофа, 2009. С. 26–193.

функционирования тоталитарных режимов, перейдём к рассмотрению конкретного примера такой интерпретации⁷⁶.

А. В. Фененко классифицировал тоталитарные режимы прошлого столетия в качестве «исторических черновиков», которые человечество сможет переписать только в условиях технологического развития информационной цивилизации⁷⁷. В небольшой по объёму статье «Информационный тоталитаризм» Фененко обращается к тоталитарным системам индустриальной эпохи, политическим элитам которых, несмотря на использование масштабных репрессий, не удалось достичь тотального контроля над населением. Как отмечает Фененко, тоталитарные режимы прошлого столетия были далеки от тотальной реализации своих тоталитарных интенций, ограничившись отдельными территориальными, демографическими, профессиональными завоеваниями⁷⁸. Ключевая причина неудачи индустриальных тоталитарных проектов — отсутствие необходимой технологической базы⁷⁹. Таким образом, согласно А. В. Фененко, главное препятствие на пути полноценной реализации тоталитарных проектов прошлого столетия — недостаточный уровень научно-технического развития индустриальной цивилизации. Однако стремительный НТП текущего столетия открывает способы контроля и управления, недоступные для элит XX века.

Авторы экономических интерпретаций неототалитаризма (Ш. Волин, К. Хеджес, В. Хэндрикс, П. Менелл, В. П. Пугачёв и др.) указывают на ключевую роль цифрового капитализма в генезисе неототалитарных систем. По их мнению, разработка, внедрение и использование новейших технологий позволяет крупнейшим IT-корпорациям контролировать не только локальные информационные потоки, но и распространять механизмы контроля,

⁷⁶ Важно отметить, что акцент на технологиях присутствует у подавляющего большинства авторов, однако лишь немногие отдают ему однозначный примат.

⁷⁷ Фененко А. В. Информационный тоталитаризм. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/informatsionnyu-totalitarizm/>. Дата обращения: 18.02.2023.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

прогнозирования и управления на глобальный уровень. В результате агрессивной корпоративной экспансии постепенно устраняется автономность и спонтанность человеческой деятельности — главные препятствия на пути тотальной реализации всех тоталитарных проектов. Так, В. П. Пугачёв рассматривает разворачивающийся неототалитаризм как мутацию современного цифрового капитализма, угрожающую существованию информационной цивилизации⁸⁰. Современный тоталитаризм, по его мнению, объективируется в двух взаимосвязанных формах:

– Национально-государственной (информационной или информационно-финансовой), охватывающей все общественные сферы отдельного государства⁸¹.

– Надгосударственной (глобалистской или планетарной), формирующейся на основе национально-государственного тоталитаризма⁸².

Объективный процесс глобализации корпоративные и финансовые элиты, а также глобалистские группы, используют для установления нового мирового порядка, отражающего интересы западных привилегированных групп. Институциональная опора глобалистского тоталитаризма — международные организации, движущая сила — транснациональные корпорации. Современным примером глобалистского тоталитаризма, по мнению В. П. Пугачёва, являются США: «Сегодня именно эта страна в наибольшей степени воплощает основополагающие качества и национально-государственного, и глобалистского тоталитаризма она является своего рода эталоном, образцом и двигателем неототалитарной организации общества для других государств»⁸³.

⁸⁰ Следует отметить постоянство интереса В. П. Пугачева к проблематике неототалитаризма: на протяжении нескольких десятилетий он осмысливает неототалитарные тенденции как на локальном, так и глобальном уровне. См. Пугачев В. П. Информационно-финансовый тоталитаризм ... С. 3–32; Пугачев В. П. Глобалистский тоталитаризм — тренд развития ... С. 5–17.

⁸¹ Пугачев В. П. Глобалистский тоталитаризм: Социальные мутации ... С. 19.

⁸² Там же. С. 20.

⁸³ Там же. С. 22.

Концептуальная проработка тезиса о центральной роли капитализма в становлении новых форм тоталитаризма была осуществлена Ш. Волиным, автором одной из наиболее известных (не только в академических, но и в околонаучных кругах) теорий неототалитаризма. Осмысливая постепенную эрозию основных демократических институтов в США, ускорившуюся после окончания Второй мировой войны, с одной стороны, и стремительное усиление позиций крупного бизнеса в американском обществе, вышедшее на качественно иной уровень в эпоху Р. Рейгана, — с другой, Волин пришёл к выводу о взаимообусловленности данных процессов. Демократическая деволюция, окончательно институционализировавшаяся в период президентства Дж. Буша-младшего, была концептуализирована Ш. Волиным в качестве «инвертированного» (перевернутого) тоталитаризма, который следует дифференцировать от классических тоталитарных режимов прошлого столетия. Если в гитлеровской Германии или сталинском СССР экономика была подчинена политике, несмотря на декларируемую разницу хозяйственных парадигм этих режимов, то в условиях инвертированного тоталитаризма экономика доминирует над политикой — господствуют крупнейшие транснациональные корпорации⁸⁴. Эта конверсия, на теоретическом уровне идейно фундирующая не только концепцию Ш. Волина, но и все экономические интерпретации неототалитаризма, в реальности задаёт и другие особенности перевернутого тоталитаризма. К примеру, в отличие от тоталитарных режимов XX века в её инвертированной версии частные медиакомпании сменяют государственные органы пропаганды⁸⁵. Волин обращает особое внимание на квазидемократичность инвертированного тоталитаризма, скрывающую его подлинный тоталитарный облик: жёсткие меры будут реализованы, когда большинство граждан перестанут участвовать в фиктивных демократических процедурах, обеспечивающих легитимность режима⁸⁶. В свою

⁸⁴ Хеджес К. Шелдон Волин и перевернутый тоталитаризм. С. 149.

⁸⁵ Wolin S. Democracy Incorporated ... P. 44.

⁸⁶ Хеджес К. Шелдон Волин и перевернутый тоталитаризм. С. 150.

очередь, злокачественная трансформация неолиберализма как ключевой фактор становления новой формы тоталитаризма, была эксплицирована авторами идеологических интерпретаций неототалитаризма.

Несмотря на глобальный характер «третьей демократической волны», о которой писал С. Хантингтон, и идеологический «конец истории», провозглашённый Ф. Фукуямой вскоре после распада социалистического лагеря, борьба за мировую гегемонию неолиберализма продолжилась на геополитических обломках СССР: распространение радикального индивидуализма, рыночной модели хозяйствования и западной демократии должны были заполнить идеологический вакуум постсоветского пространства⁸⁷. Наступление информационной эпохи с её революционным НТП и взрывным ростом влияния транснациональных IT-корпораций, радикальным образом изменило как стратегию достижения поставленных целей, так их содержание: сложились материально-технические условия для глобальной реализации неолиберального проекта. Однако сохранил ли этот проект свой демократический импульс в XXI веке? Или же он трансформировался в новейшую форму тоталитаризма?

З. Видоевич, Э. Траверсо, Я. Варуфакис, И. Н. Тяпин и другие авторы дают положительный ответ на вопрос о неототалитарной судьбе современного неолиберализма. Формальное сохранение демократических институтов и процедур при стремлении современных неолиберальных элит к тотальному господству во всём мире лишь маскируют реальный status quo. За террористическими атаками 11 сентября 2001 года последовали инициированные западными государствами масштабные атаки на приватные сферы жизни граждан, сопровождающиеся неформальным объявлением чрезвычайного положения, которое, по мнению Дж. Агамбена, стало нормой в условиях пандемии COVID-19⁸⁸. Подобно

⁸⁷ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в XX веке. М.: «РОССПЭН», 2003. С. 36; Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 135.

⁸⁸ Агамбен Дж. Эпидемия показывает, как чрезвычайное положение стало нормой // Куда мы пришли? Эпидемия как политика. М.: Ноократия, 2022. С. 27.

создателям экономических трактовок неототалитаризма, авторы идеологических интерпретаций указывают на ключевую роль транснациональных корпораций, которые обеспечивают государство высокотехнологичными инструментами контроля, манипулирования и цензуры.

З. Видоевич, который в середине 90-х годов создал кратко рассмотренную в первом параграфе концепцию «постсоциалистического тоталитаризма», в начале текущего столетия разрабатывает трактовку «либерального тоталитаризма», отражающую социально-политический результат тоталитарного перерождения либерализма. Высокий уровень жизни как один из самых притягательных атрибутов неолиберальной модели для развивающихся государств более не может быть обеспечен в полной мере из-за кризисных тенденций в американской экономике. Однако процесс всесторонней вестернизации, основанный на экспорте рыночной парадигмы, не подлежал остановке — это подмывало идеологический фундамент западной гегемонии. Реальная перспектива крушения либерального проекта, обусловленная экономическим упадком её главных сторонников на мировой арене, приводит, по мысли Видоевича, к изменению основной тактики её реализации — силовому сценарию, разыгранному на территориях Югославии, Ирака, Афганистана и других государств⁸⁹. Либеральные идеалы, трансформировались в общеобязательные догматы неолиберализма, приверженность которым в масштабах мировой цивилизации контролируется силами военно-политического блока НАТО. Неолиберализм как наиболее прогрессивная система ориентиров социально-политического развития претендует на общемировое распространение, в рамках которого иные культуры имеют право на существование только в качестве туземной культуры, причудливых составляющих постмодернистской мозаики XXI века: «„Миссионерство” неолиберализма, уверенность его идеологов, что они призваны всеми средствами создавать мир по меркам своих интересов и ценностей, главная характеристика

⁸⁹ Видоевич З. Либеральный тоталитаризм. С. 41.

нового тоталитаризма»⁹⁰. Анализируя разворачивающийся либеральный тоталитаризм, Видоевич констатирует неэффективность тоталитарных критериев, сформулированных Бжезинским и Фридрихом на страницах «Тоталитарной диктатуры и автократии»⁹¹. Он выделяет три главных недостатка классической модели: отсутствие объяснения вырождения либерализма в тоталитаризм, недостаточный акцент на внешнеполитической стороне, отсутствие экспликации потенциальной тоталитарности капитализма. Объективация сущности тоталитаризма, всеохватывающей подчиненности насильственной силе, может отличаться в зависимости от конкретного типа тоталитарного режима: от массовых репрессий XX века до интериоризированных репрессивных механизмов в рамках либерального тоталитаризма. Более того, некоторые авторы, в частности А. В. Щипков, утверждает имманентную тоталитарность либерализма, а также несамостоятельный характер нацистской и коммунистической идеологий⁹². На основе данного тезиса А. В. Щипков делает вывод о несостоятельности «морально устаревшей» теории двойного тоталитаризма: «Теорию „двойного“ тоталитаризма пора признать несостоятельной. В действительности есть только один тоталитарный режим — либеральный. Фашизм и коммунизм являются не его конкурентами, а его составными частями»⁹³.

Анализ технологических, экономических и идеологических интерпретаций демонстрирует сближение современных исследований неототалитаризма (totalitarianism studies) с междисциплинарным направлением, в рамках которого современные общества осмысливаются как общества контроля (surveillance studies). В контексте актуальных totalitarianism studies высокотехнологичные инструменты слежения и контроля трактуются в качестве основных способов поддержания стабильности и воспроизводства неототалитарных

⁹⁰ Там же. С. 42.

⁹¹ Там же. С. 41.

⁹² Щипков А. В. Три тоталитаризма: о состоянии идеологического пространства // Москва. 2013. № 11. С. 183.

⁹³ Там же. С. 183.

систем — альтернативы масштабным террористическим кампаниям индустриального тоталитаризма. В контексте актуальных *surveillance studies* слежение и контроль осмысливаются как фундаментальный метод извлечения и обработки данных, позволяющий в условиях информационного общества обеспечить экономическое, политическое и другие виды господства. Также обращает на себя внимание отсутствие комплексных теорий, в рамках которых была бы осуществлена единая концептуализация рассмотренных факторов и признаков неототалитаризма. При объяснении этой теоретической особенности следует учитывать и актуальную общественно-историческую ситуацию: продолжается процесс формирования неототалитарных институтов и механизмов⁹⁴. Одно из следствий отсутствия комплексных интерпретаций тоталитаризма в XXI веке — недостаточная проработка авторами, трактующими актуальные антидемократические тенденции в качестве симптомов современной версии тоталитаризма, теоретико-методологических вопросов, что имеет важное значение для адаптации и интеграции ключевых положений классических подходов. Недостаточная проработка методологических аспектов ведёт к путанице на практическом уровне, что ставит под вопрос адекватность всего исследования. Данная формула сработала и в случае с рассматриваемыми трактовками, методологическая противоречивость которых поставила под сомнение теоретическую правомерность использования зонтичного понятия «тоталитаризм» для изучения антидемократических тенденций в XXI веке (подробная экспликация противоречий, а также конкретные варианты их преодоления будут представлены в третьей главе данного исследования).

Итак, три типа консерваторов, по-разному отрицающих программу модерна, выделил в своей речи «Модерн — незавершённый проект» Ю. Хабермас: младоконсерваторов, староконсерваторов и неоконсерваторов. Три типа неототалитарных интерпретаций, в которых по-разному утверждается

⁹⁴ Так, масштабные концепции индустриального тоталитаризма были созданы только после Второй мировой войны — периода максимальной реализации тоталитарных проектов в XX веке.

возможность тотальной реализации тоталитарных проектов в XXI веке, были выделены в данной части диссертации: технологические, экономические и идеологические. Несмотря на некоторые различия, для указанных интерпретаций характерно два проблемных аспекта:

– Отсутствие комплексного подхода, который бы объединял технологические, экономические и идеологические интерпретации в рамках единой концепции.

– Недостаточная проработка теоретико-методологического аппарата, что провоцирует возникновение многоуровневой противоречивости при анализе актуальных антидемократических тенденций.

Снятие обозначенных противоречий позволит создать теоретико-методологическую основу для создания комплексной трактовки неототалитаризма, в которой синтезируются ключевые идеи, сформулированные в рамках технологических, экономических и идеологических интерпретаций. Проработка адекватного методологического аппарата будет осуществлена в следующей части диссертации.

1.3. Методологические сложности исследования проблемы тоталитаризма в информационном обществе

Одним из ключевых недостатков современных интерпретаций неототалитаризма является недостаточная проработка их авторами теоретико-методологической базы, от которой главным образом и зависит адекватность анализа общественно-политических реалий текущего столетия, результаты которого зафиксированы в разноплановых (во многом отрывочных) трактовках, рассмотренных в предыдущем параграфе. Хотя, как было отмечено ранее, недостаточная проработка методологических аспектов обусловлена главным образом «естественными» причинами, это не отменяет необходимости решения вопроса об адекватной тактике исследования неототалитарных тенденций в XXI

веке: не уделяя методологическому вопросу отдельного внимания, авторы современных интерпретаций неототалитаризма не могут обойтись без использования определенного теоретико-методологического аппарата, в частности задающего нормативную дефиницию «тоталитаризма» как такого. Несмотря на заявления большинства авторов о необходимости пересмотра традиционных маркеров тоталитаризма, сформулированных Х. Арндт, Зб. Бжезинским и К. Фридрихом, de facto они остаются в методологической парадигме классической теории тоталитаризма, утверждающей тоталитаризм в качестве репрессивной политической системы индустриального типа, которую можно идентифицировать по ряду традиционных признаков⁹⁵. Это хорошо заметно на примере кратко проанализированных выше отдельных трактовок неототалитаризма, созданных А. В. Фененко, В. П. Пугачевым, Ш. Волиным и З. Видоевичем. Так, Фененко на страницах своей статьи «Информационный тоталитаризм» размышляет над следующим вопросом: «Что, если К. Фридрих и Зб. Бжезинский описали не тоталитаризм прошлого, а тоталитаризм будущего, к которому наша цивилизация только приближается?»⁹⁶ Анализируя приведенную цитату, можно сделать вывод, что Фененко использует в качестве основы традиционное понимание тоталитаризма, сформулированное в середине прошлого столетия классиками теории тоталитаризма, — К. Фридрихом и Зб. Бжезинским. Подобное можно сказать и про В. П. Пугачева, который, хотя и указывает на неэффективность традиционных критериев в условиях информационной цивилизации, пытается осуществить их актуализацию через введение теоретических конструкций ad hoc: «Анализ вышеназванных направлений и общих критериев тоталитарной мутации современного капитализма непосредственно служит разработке более частных, специфических критериев глобалистского тоталитаризма как его современной разновидности»⁹⁷. Ш. Волин, посвятивший много страниц в своей

⁹⁵ Игрицкий Ю. П. Фридрих К., Бжезинский Зб. Тоталитарная диктатура и автократия. С. 87.

⁹⁶ Фененко А. В. Информационный тоталитаризм. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/informatsionnyu-totalitarizm/> (дата обращения: 24.02.2023).

⁹⁷ Пугачев В. П. Глобалистский тоталитаризм: Социальные мутации ... С. 48.

знаменитой работе «Демократия инкорпорейтед: управляемая демократия и призрак перевернутого тоталитаризма» дескриптивной демаркации тоталитарных режимов прошлого столетия и системы инвертированного тоталитаризма, практически полностью оставил без внимания основополагающий вопрос о методологии описания последней⁹⁸. В свою очередь, З. Видоевич, осмысливающий тоталитарное перерождение неолиберализма в рамках интерпретации «либерального тоталитаризма», на первый взгляд, указывает на несостоятельность классического подхода при изучении актуальных социально-политических реалий: «Критерии тоталитаризма, которые в свое время привели К. Фридрих и Зб. Бжезинский, не являются больше адекватными для идентификации этого феномена сегодня в его новых формах»⁹⁹. В то же время, определяя дополнительные симптомы тоталитаризма, диагностирование которых может указывать на генезис новейшей формы неототалитаризма, он предлагает только вариант обновления классического подхода, способ его адаптации для решения современных исследовательских задач, не подвергая сомнению идейное ядро классического подхода, — понимание тоталитаризма как масштабной репрессивной социально-политической системы. Таким образом, большинство авторов современных интерпретаций неототалитаризма, по-прежнему работают в рамках теоретико-методологической парадигмы классической теории тоталитаризма, а попытки её актуализации, предпринимаемые с их стороны, не затрагивают её ключевых положений, то есть носят преимущественно *количественный* характер.

Однако является ли, согласно основным положениям классической концепции тоталитаризма, легитимной трактовка антидемократических тенденций XXI века в качестве предвестников генезиса современной формы тоталитарного режима? Или же в традиционной системе координат данная интерпретация оказывается принципиально противоречивой, что препятствует созданию единой

⁹⁸ Wolin S. Democracy Incorporated ... 384 p.

⁹⁹ Видоевич З. Либеральный тоталитаризм. С. 41.

концепции неототалитаризма? Как было установлено в первом параграфе данного исследования, интерпретации тоталитаризма, созданные в течение XX века, можно условно обозначить в качестве «индустриальных». Это объясняется тем, что специфика социально-политических режимов, рассматриваемых в рамках большинства трактовок прошлого столетия, имеют казуальную связь с индустриальной цивилизацией. Реальные прототипы идеального тоталитарного типа — режимы Б. Муссолини, А. Гитлера и И. Сталина, представляющие собой масштабные социально-политические системы, нацеленные на форсированное осуществление модернизации, коллективизации, индустриализации, мобилизации всех доступных ресурсов как материальных, так и людских. Соответственно, и традиционные маркеры тоталитаризма были сформулированы на основе дескриптивного анализа вышеперечисленных систем первой половины прошлого столетия.

Итак, актуальны ли маркеры индустриального тоталитаризма для изучения неототалитарных тенденций XXI века? Для ответа на данный вопрос следует обозначить специфические социально-экономические признаки информационной эпохи. Несмотря на отсутствие консенсуса среди исследователей как в установлении онтологического статуса современного цивилизационного этапа (информационализм, постиндустриализм, постмодерн vs высокий модерн, поздний модерн, рефлексивный модерн и др.), так и в определении его конкретных критериев (доминирование третичного сектора экономики; рост занятости в сфере услуг; релятивистская трансформация культуры и др.), большинство из них едины во мнении о ключевой роли информации как в жизни отдельного индивида, так и в функционировании ключевых институтов развитых социумов XXI века¹⁰⁰.

Среди важных особенностей современного цивилизационного этапа также можно выделить:

¹⁰⁰ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект пресс, 2004. С. 12.

– Мировое распространение рыночной парадигмы хозяйствования после распада социалистического лагеря.

– Завершение эпохи метанарративов, выражающееся, по наблюдению Ж.-Ф. Лиотара, в предельном недоверии населения к тотальным «объяснительным системам»¹⁰¹.

– Мировозренческий триумф неолиберальных ценностей, символизирующий идеологический «конец истории»¹⁰².

– Возросшая рискогенность современных обществ, и, как следствие, нестабильность основных социально-политических паттернов¹⁰³.

– Стремительная эрозия института национального государства, интенсификация процессов глобализации¹⁰⁴.

– Деполитизация масс, их трансформация в пассивное «молчаливое большинство»¹⁰⁵.

– Радикальная приватизация общественного модуса существования индивидов¹⁰⁶.

– Кризис бюрократической модели управления¹⁰⁷.

– Деконструкция большинства институциональных механизмов надзора¹⁰⁸.

¹⁰¹ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. С. 98.

¹⁰² Фукуяма Ф. Конец истории? С. 135.

¹⁰³ Гидденс Э. Последствия современности. С. 262.

¹⁰⁴ Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 14.

¹⁰⁵ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург: Издательство Уральского Университета, 2000. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/BODRIJAR/silent.txt>. Дата обращения: 04.03.2023.

¹⁰⁶ Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. С. 48.

¹⁰⁷ Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. С. 34.

¹⁰⁸ Делёз Ж. Post Scriptum к обществам контроля // Переговоры. СПб.: Наука, 2004. С. 226.

– Революционная форма НТП, характеризующаяся стремительным развитием цифровых, сетевых, виртуальных и коммуникационных технологий¹⁰⁹.

Приведенные выше характеристики свидетельствуют о значительных метаморфозах в социальной, экономической, политической, культурной сферах современных информационных обществ, что существенным образом трансформирует их онтологию, и, следовательно, феномены ею обусловленные. Если тоталитарные режимы прошлого столетия представляют собой сложные общественно-политические явления индустриальной эпохи, то неототалитарные системы, генезис и развитие которых приходится на XXI век, — феномены информационной цивилизации. Таким образом, используя теоретико-методологический аппарат классической концепции тоталитаризма, адаптированный под анализ тоталитарных режимов индустриального типа, для изучения актуальных неототалитарных тенденций неизбежны многоуровневые противоречия, блокирующие возможность создания эффективной объяснительной модели.

Более того, перечисленные выше социально-экономические признаки информационной эпохи, согласно теоретикам индустриального тоталитаризма, выступают маркерами формирования общественной среды, которая должна не только препятствовать распространению старого вируса тоталитаризма, но и предотвращать возникновение его новых мутаций, угрожающих свободному будущему человечества. Как было установлено ранее, авторы классической теории тоталитаризма аккумулировали в своих концепциях идеи других исследователей тоталитарной проблемы: Л. Мизеса, Ф. Хайека, Ф. Боркенау, К. Поппера и др. В результате были установлены не только ключевые признаки и факторы, провоцирующие становление тоталитаризма, но и их антиподы-антидоты, ингибирующие опасный вирус тоталитаризма. Тезис о либеральной модели

¹⁰⁹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 50.

общественного развития как главным противоядием от тоталитарного перерождения принимался *de facto* в качестве аксиомы — это искусственным образом герметизировало дискурс о тоталитаризме, оставляя вопрос о тоталитарном потенциале либеральной модели за концептуальными скобками классической теории. Учитывая тот факт, что большинство современных государств на текущий момент времени успешно прошло вакцинацию рыночной экономикой и демократией, кумулятивный эффект от которых усиливается применением новейших информационных технологий, можно сделать вывод о глобальном торжестве либерализма / неолиберализма, что, согласно вышеперечисленным авторам, должно свидетельствовать о формировании общемирового иммунитета к вирусу тоталитаризма. Очевидно, что данное утверждение расходится с гипотезой о разворачивающемся в данный момент неототалитаризме.

Итак, если исходить из изложенного ранее понимания тоталитаризма как феномена индустриального общества, а также принимать во внимание социально-экономические характеристики текущего цивилизационного этапа, которые значительно расходятся с ключевыми особенностями промышленной эпохи, — интерпретация актуальной политической жизни через концептуальную призму классического тоталитаризма представляется принципиально противоречивой. Главным выводом, вытекающим из обоснованного выше тезиса о неизбежной многоуровневой противоречивости при использовании концепции индустриального тоталитаризма для понимания современных общественно-политических процессов, оказывается мысль о необходимости обновления классической теории тоталитаризма. Однако, разделяя вышеизложенное мнение В. П. Пугачева и З. Видоевича о неэффективности традиционных маркеров тоталитаризма, сформулированных Зб. Бжезинским и К. Фридрихом, автор данного исследования настаивает не только на актуализации изолированных элементов классической концепции, но и на ее *качественном* пересмотре, что *in concreto* означает переход к альтернативной теории тоталитаризма: необходимо

не только пересмотреть устоявшиеся признаки тоталитаризма, но и осуществить ревизию основной идеи, концептуально фундирующей классическую теорию, — понимание тоталитаризма как масштабной социально-политической системы репрессивного типа, ключевой движущей силой которой выступают массовые тоталитарные движения, постепенно вовлекающие в партийную орбиту большинство государственных институтов и организаций.

Один из вариантов теоретико-методологического подхода, который соответствует задаче адекватно осмысления актуальных неототалитарных тенденций, представляет собой неклассическая интерпретация тоталитаризма, разработанная сторонниками критического метода в социальных исследованиях, прежде всего, Г. Маркузе. Как известно, ключевая цель критической теории — поиск альтернативных общественных проектов для улучшения существующих социально-экономических порядков¹¹⁰. Однако, обращаясь к неклассической теории тоталитаризма как объяснительной модели, созданной в соответствии с ключевыми положениями критической теории, следует сфокусироваться на эвристическом потенциале этого подхода, оставаясь в рамках строго научного дискурса.

Как было показано в первом параграфе данной работы, в основе неклассической теории тоталитаризма лежат главным образом идеи Г. Маркузе. Анализируя социальные и политические реалии, сложившиеся в индустриальных обществах после завершения Второй мировой войны, которая, по мнению классиков тоталитаризма, разделила мир на две части: демократический и тоталитарный, Маркузе обратил внимание не на их акцидентальные различия, а на сущностное сходство этих систем, обусловленное принципиальной гомогенностью их технологического и экономического устройства. Следовательно, тоталитаризм — это имманентная тенденция индустриально развитых обществ, присущая в том числе и либеральным демократиям западного мира. Поэтому

¹¹⁰ Маркузе Г. Одномерный человек. С. XII.

абсолютно нелегитимным представляется их априорная квалификация в качестве «свидетелей», а не «подозреваемых» в междисциплинарном расследовании о тоталитаризме, главный итог которого — безапелляционный приговор всем масштабным репрессивным системам прошлого столетия, включая фашистскую Италию, национал-социалистическую Германию и большевистский СССР. Более того, достав дело «тоталитаризма» из архива социальных и политических наук, создатели неклассической теории тоталитаризма и, конечно, Г. Маркузе указали на качественно иной уровень угрозы, исходящей от технологически развитых демократий второй половины XX века: развитые индустриальные общества обладают материально-техническими условиями для реализации тоталитарных проектов, потенциальная тотальность которых значительно превосходит репрессивные системы прошлого. Потребительский террор вместо террора физического, скрытое манипулирование вместо открытого подавления, удовольствие вместо боли — таков тоталитарный инструментарий нового типа: «Отличие современного общества в том, что оно усмиряет центробежные силы скорее с помощью техники, чем Террора, опираясь одновременно на сокрушительную эффективность и повышающийся жизненный уровень»¹¹¹. Однако Маркузе не остановился на ревизии традиционных маркеров тоталитарности, он пересматривает определение «тоталитаризма» *per se*: тоталитаризм — это система технологического и экономического господства, которая позволяет элитарным группам эффективно блокировать любые общественно-политические проекты, угрожающие сложившемуся *status quo*¹¹². Этот тезис, который занимал маргинальное положение в условиях господства классической интерпретации в *totalitarianism studies* той эпохи, концептуально оформляется именно в работах Маркузе.

В связи с этим теоретико-методологический фундамент диссертации составляет подход, характерный для критической теории общества, включающий в

¹¹¹ Там же. С. XI.

¹¹² Там же. С. 4.

себя неклассическую интерпретацию тоталитаризма, разработанную главным образом Г. Маркузе. Далее на его основе будет осуществлён анализ актуальных антидемократических тенденций, проявляющихся в политической сфере современных информационных обществ, что и составляет одну из центральных задач текущего исследования. Однако для успешного решения указанной задачи представляется недостаточным односторонне экстраполировать рассмотренный подход на постиндустриальные реалии. Необходимо обновить неклассическую теорию тоталитаризма, ключевые положения которой были сформулированы в середине XX века: в условиях «текущей современности» централизованные, стабильные, иерархически упорядоченные структуры промышленной эпохи сменяются децентрализованными и ацентричными сетями, конституирующими нестабильную архитектуру современных обществ. Актуализация неклассической теории тоталитаризма в рамках данного исследования осуществляется посредством обращения к концепциям Ш. Зубофф, Ж. Делёза, и М. Кастельса.

Экспликация угрозы тоталитарной мутации капитализма — одно из ключевых достижений неклассической теории тоталитаризма. Однако «лёгкий» капитализм XXI века значительно отличается от своей «тяжёлой» версии, апостолами которой выступили Г. Форд с его огромными заводами и технологией массового производства однотипных товаров, а также Ф. Тейлор, сформулировавший «азбуку» менеджмента и «катехизис» научной организации труда в промышленную эпоху. В этой связи вполне обоснованным представляется дополнить неклассическую теорию тоталитаризма, в рамках которой было показано тоталитарное перерождение индустриального капитализма, подходом, автор которого концептуализировал актуальную трансформацию капиталистической системы. Концепция «надзорного тоталитаризма» Ш. Зубофф, выполненная в духе критической теории, соответствует, по мнению автора диссертации, данному запросу.

Зубофф в своём magnum opus «Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти» не только подробно изложила ключевые аспекты современной рыночной экономики, но и определила фундаментальные институты и практики капитализма в XXI веке¹¹³. Размышляя над секретом фантастического успеха таких корпораций как Alphabet / Google, Amazon, Meta / Facebook (признана экстремистской организацией и запрещена в России) и других IT-гигантов, Зубофф развенчивает сознательно распространенный миф об инновационности их продуктов как главной причине коммерческого триумфа упомянутых компаний. По мнению Ш. Зубофф, поразительный успех этих корпораций обуславливается не столько перечисленными факторами, сколько агрессивной эксплуатацией и коммодификацией персональных данных потребителей, которые, на первом этапе, выступают в качестве ценного сырья для разработки искусственным интеллектом прогностических моделей, способных предсказывать возможный вектор покупательской активности на рынке¹¹⁴. В дальнейшем эти модели используются высококвалифицированными специалистами с целью односторонней коррекции поведения потенциальных клиентов, суггестивным образом подталкивая их к совершению «правильного» потребительского решения с помощью системы различных поощрений (бонусные программы, карты лояльности, купоны на скидку и т. п.) как в мире виртуального шопинга, так и в реальности. Таким образом, главным ресурсом цифрового капитализма является информация, основным средством производства — компьютеризированные фабрики, а ключевым продуктом — прогностические модели поведения индивидов, которые впоследствии продаются на закрытых рынках частным или государственным

¹¹³ По мнению автора данной работы, русскоязычный вариант перевода *surveillance capitalism* — «надзорный капитализм» не совсем адекватен, учитывая устойчивую связь концепта «надзора» с эпохой модерна.

¹¹⁴ Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. С. 130.

клиентам¹¹⁵. Надзорный капитализм беспрецедентен не столько в силу уникальности своих институтов, сколько в отношении потенциальных угроз человеческой свободе и спонтанности, которые коренятся в степени контроля, выходящего за пределы экономической активности индивида и претендующей на всю его жизнь: высокотехнологичные инструменты контроля создают материально-техническую основу для реализации корпоративной версии тотального господства над всем обществом, которую Зубофф концептуализирует как систему «инструментарной власти»¹¹⁶. Исходя из вышеизложенной позиции, можно сделать вывод, что Зубофф развивает как тезис о тоталитарности надзорного капитализма, так и разделяет мнение Н. Хомски о современных корпорациях как масштабных тоталитарных институтах¹¹⁷. Однако Зубофф настаивает на качественном различии между формирующейся системой инструментарной власти и масштабными тоталитарными режимами: «...приравнивать инструментарную власть к тоталитаризму — значит только затруднять наше понимание, а также нашу способность сопротивляться, нейтрализовать и в конечном счёте побеждать эту власть»¹¹⁸. Поэтому следует перейти от архаичной теории тоталитаризма (центральная метафора Big Brother) к инструменталистской модели власти (центральная метафора Big Other)¹¹⁹. Одной из главных особенностей инструментализма, претендующего на тотальную реализацию основных принципов бихевиоризма, сформулированных ещё Б. Скиннером, согласно Зубофф, является радикальное безразличие — предельная индифферентность к содержанию и смыслам поведения людей, акцент на объёме получаемых данных¹²⁰. Противоречивость данной характеристики можно обосновать, обратившись к

¹¹⁵ Там же. С. 17.

¹¹⁶ Там же. С. 460.

¹¹⁷ Chomsky N., Barsamian D. *The Common Good*. Odonian Press, 1998. P. 19.

¹¹⁸ Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. С. 460.

¹¹⁹ Zuboff S. *Big Other: Surveillance Capitalism and the Prospects of an Information Civilization* // *Journal of Information Technology*. 2015. Vol. 30. P. 82.

¹²⁰ Там же. С. 490.

актуальным кейсам из общественной жизни современных информационных обществ (например, США и КНР), которые более подробно будут проанализированы во второй главе диссертации:

– Если содержательная сторона активности принципиально неважна, то каким образом можно объяснить блокировку виртуальных аккаунтов бывшего президента США Д. Трампа и его многочисленных сторонников на платформах таких надзорных капиталистов, как например: Twitter, Reddit, Twitch, Meta / Facebook (признана экстремистской организацией и запрещена в России)?

– Каким образом можно согласовать принцип «радикального безразличия» с многочисленными попытками внедрения систем социального кредита (ССК) в КНР с целью качественной коррекции нежелательного поведения граждан Поднебесной?

Очевидно, что тезис о «радикальном безразличии» ключевых проводников инструментальной власти (главным образом транснациональных IT-корпораций), который можно описать формулой «контроль ради контроля», опровергается реальными примерами из социально-политической жизни современных информационных обществ, на основе дескриптивного анализа которых Зубофф и разработала концепт «инструментарной власти». Главное заблуждение Зубофф в вопросе о возможности неототалитаризма в информационную эпоху состоит в её понимании тоталитаризма как репрессивной социально-политической системы, художественный образ которой создал Дж. Оруэлл на страницах «1984»¹²¹. Исходя из этой трактовки тоталитаризма, Зубофф делает логичный вывод о невозможности повторения этого общественно-политического феномена индустриальной эры в информационную эпоху, и, соответственно, неэффективности классической теории тоталитаризма для анализа актуальных антидемократических тенденций, что полностью соответствует мнению автора диссертации. Однако, если

¹²¹ Там же. С. 485.

интерпретировать рассматриваемые Зубофф антидемократические тенденции через актуализированную теоретико-методологическую призму неклассического подхода, то мы увидим симптомы, указывающие на развитие неототалитарного синдрома во многих обществах XXI века. Рассмотренная аберрация не влияет на качество исследования современного этапа развития капитализма, осуществленного Зубофф, и принимается в роли первого дополнения к неклассической теории тоталитаризма.

Следующее дополнение к неклассической теории тоталитаризма — тезисно изложенная Ж. Делёзом концепция «общества контроля», в рамках которой раскрывается смена логики инструментов контроля и подчинения: с «надзора» индустриального общества к «контролю» постиндустриального общества. Индустриальный тоталитаризм — высшая стадия объективации дисциплинарной власти, которую в своих произведениях концептуализировал М. Фуко. Степень регламентации, стандартизации и формализации поведения индивидов, доступная в пространстве школы, больницы, казармы или завода выходит на иной уровень в тоталитарном государстве. Причём это касается не только количественного модуса (микроуровень / макроуровень), но и качественного: максимальный надзор осуществляется не только тогда, когда ученик, больной, солдат или рабочий находятся в поле зрения преподавателя, врача, командира или начальника, — при тоталитарном режиме надзору в равной степени подлежит и их частная жизнь. Ж. Делёз, указывает на постепенный, но неизбежный закат дисциплинарных обществ, в то же время констатируя рождение нечто нового: «Но и дисциплинарные общества, в свою очередь, вошли в стадию кризиса, уступая постепенно место новым силам, которые особенно развились и усилились после Второй мировой войны. Теперь мы перестали быть дисциплинарным обществом, мы не являемся более таковым»¹²². Завершение дисциплинарной эпохи не несёт качественной эмансипации для современных

¹²² Делёз Ж. Post Scriptum к обществам контроля. С. 226.

индивидов — это лишь временная передышка перед реализацией более совершенной модели господства: при видимом освобождении индивидов (главным образом от физического насилия) фактический контроль становится ещё более жестким, ещё более тотальным. «Послушным телам» отныне дозволено выйти из мрачных дисциплинарных пространств и послушаться всемогущего голоса «Ты должен». Теперь индивид добровольно квантифицируется и переходит в виртуальные пространства, руководствуясь новой максимой, — «Я хочу», которая выражает не только желание говорящего, но и репрезентирует волю новых элит — архитекторов общества контроля. Статичный и мерцающий надзор сменяется динамичным и перманентным контролем. Континуальность контроля, обеспечиваемая новейшими технологиями, — одна из ключевых характеристик новой модели. В свою очередь, именно злокачественная мутация современного капитализма, определившая вектор материально-технических изменений, лежит в основе описываемой трансформации. Как пишет Ж. Делёз, «Корпорация — это душа, это газ», — невидимый и смертоносный, распространяющийся далеко за пределы заводских цехов прошлого столетия¹²³.

Однако какова реальная причина высокой эффективности новой модели контроля в эпоху «текучей современности»? Возможно, дело в её соответствии онтологии современных обществ? Для ответа на этот вопрос автор диссертации обращается к концепциям «сетевого общества» и «коммуникативной власти», сформулированными М. Кастельсом. Это заключительные дополнения к неклассической теории тоталитаризма, финальный этап её актуализации. Именно сеть как один из традиционных способов социетальной организации в результате стремительного развития НТП обретает особый статус фундаментального паттерна жизни обществ в XXI веке¹²⁴. Современные цифровые, виртуальные и компьютерные технологии, основанные на революционных достижениях в области

¹²³ Там же. С. 228.

¹²⁴ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 13.

микроэлектроники, создают материальную инфраструктуру для объективации экономических, социальных, культурных и политических сетей. Децентрализованный и нелинейный характер сетей можно проиллюстрировать метафорой «ризомы», введённой в современный философский словарь Ж. Делёзом и Ф. Гваттари. У «ризомы» отсутствуют как единый принцип центрирования, так и четкие границы. Многослойные переплетения корней, беспорядочные ответвления побегов, а также отсутствие осевого ствола, характеризующего традиционное «дерево» — все это, позволяет использовать данный образ для описания модели сетей¹²⁵. Сетевое общество — это также глобальное капиталистическое общество, в котором национальные государства постепенно утрачивают могущество индустриальной эпохи, не выдерживая натиска транснациональных корпораций, исповедующих принципы постфордизма. Статичность, централизация и излишняя бюрократизация, которые в прошлом столетии являлись константами успешного функционирования практически любой социальной системы, сейчас выступают синонимами стагнации и кризиса. В сетевом обществе трансформируются и властные отношения: доминируют акторы и группы акторов, создающие и программирующие ключевые общественные сети или же обладающие способностью их переключения¹²⁶. Кто контролирует сетевые потоки — тот управляет обществом, господствуя через регулирование доступа к сетевому механизму включения / отключения новых элементов сети. А кто контролирует коммуникационные каналы — тот управляет сознанием индивидов: «Влияние на умы, формирование сознания — более глубокая и более устойчивая форма доминирования, нежели власть над телом посредством устрашения или насилия»¹²⁷. Этим объясняется резкий рост влияния IT-корпораций и медиагигантов в XXI веке как в экономической, так и в политической сфере. Власть

¹²⁵ Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. С. 12.

¹²⁶ Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Издательский дом ВШЭ, 2020. С. 91.

¹²⁷ Там же. С. 9.

стремится к контролю за коммуникацией, а контрвласть зависит от его прорыва¹²⁸. В свою очередь, тоталитарная власть стремится к тотальному контролю над коммуникацией и абсолютной герметизации альтернативных дискурсов, так как «социальные переменны — это результат коммуникативных действий»¹²⁹.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что классическая теория тоталитаризма срывает на устойчивых, централизованных, иерархически упорядоченных структурах и институтах индустриальной эпохи, однако при переходе на уровень информационного общества, архитектура которого конституируется децентрализованными и ацентричными сетями, её методологический аппарат перестаёт справляться с исследовательскими задачами. Это можно проиллюстрировать примером, который использовал Б. Латур, когда сравнивал «социологию вещей» и «социологию ассоциаций»: первая парадигма, в основе которой лежат идеи Э. Дюркгейма, подобна «дорелятивистской» физике, соответствующей задаче объяснения природных явлений при нормальных скоростях¹³⁰. Вторая парадигма, основателем которой является Г. Тард, подобна «релятивистскому» подходу, адекватно описывающему природные феномены при сверхскоростях¹³¹. Эти теоретико-методологические подходы (как в социологии, так и в физике) не отрицают друг друга, а, скорее, наоборот, дополняют. То же можно сказать и о рассматриваемых теориях тоталитаризма: классической и неклассической. Если исследовательской задаче описания и объяснения тоталитарных режимов индустриального типа соответствует классический подход, основные идеи которого были сформулированы Х. Арендт, Зб. Бжезинским и К. Фридрихом, то, чтобы адекватно проанализировать актуальные неототалитарные тенденции требуется современная методология, аппарат которой заточен под изучение специфики общественных феноменов текущего столетия.

¹²⁸ Там же. С. 48.

¹²⁹ Там же. С. 36.

¹³⁰ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. С. 25.

¹³¹ Там же. С. 25.

Такой задаче отвечает актуализированная неклассическая теория тоталитаризма, в основе которой лежат идеи авторов критической теории (главным образом Г. Маркузе), дополненные подходами современных исследователей: Ш. Зубофф, Ж. Делёза и М. Кастельса.

Практическое применение сформулированного в данном параграфе теоретико-методологического подхода для анализа актуальных антидемократических тенденций, которые могут указывать на становление новейшей формы тоталитаризма, будет осуществлено в следующей главе диссертации.

Глава 2. Постиндустриальный тоталитаризм как вызов информационной цивилизации

2.1. Постиндустриальный тоталитаризм: факторы становления и основные признаки

«В развитой индустриальной цивилизации царит комфортабельная, мирная, умеренная, демократическая несвобода, свидетельство технического прогресса», — с этого тезиса Г. Маркузе начинает свою книгу «Одномерный человек», на страницах которой он интерпретировал антидемократические тенденции позднего индустриализма в качестве симптомов утвердившегося тоталитаризма¹³². Однако, что изменилось в современном постиндустриальном обществе, в эпоху всеобщей дигитализации и рождения «трёхмерного человека»?

Постиндустриальная эра сопровождается стремительным развитием цифровых, виртуальных и компьютерных технологий, которые, как отмечал Д. Нейсбит, стали для информационного века тем, чем была механизация для промышленной революции¹³³. Современный НТП затрагивает не только небольшие группы индивидов или отдельные страны Западного мира, он оказывает существенное влияние на всю человеческую цивилизацию, изменяет все сферы общественной жизни. Так, трансформируются фундаментальные хозяйственные процессы: вследствие автоматизации и роботизации увеличивается производительность труда, криптовалюта становится нормой экономической жизни, а широкая компьютеризация финансовых рынков не просто многократно увеличивает скорость осуществляемых транзакций, но и делает современные вычислительные машины полноправными участниками человеко-компьютерного взаимодействия, — яркого примера постсоциальных отношений¹³⁴.

¹³² Маркузе Г. Одномерный человек. С. 1.

¹³³ Naisbitt J. Megatrends: Ten new directions transforming our lives. N.Y.: Warner books, 1984. P. 10.

¹³⁴ Кнорр-Цетина К., Брюггер У. Рынок как объект привязанности: исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках // Социология вещей. Сборник статей. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. С. 307–341.

Возможности для коммуникации в эпоху широкополосного Интернета практически безграничны: отныне для общения между людьми не существует пространственных и временных преград. А с глобальным распространением недорогих мобильных устройств с функцией доступа в Интернет стремительно стираются и классовые преграды для цифровой коммуникации. Социальные сети предоставляют пользователям бесплатную возможность простой регистрации, удобной навигации и мгновенной коммуникации, способствуя объединению людей по всему миру. Согласно аналитическому отчёту Digital 2023. Global Overview Report, опубликованному агентством We are social в сотрудничестве с компанией Meltwater, к январю 2023 года из 8,01 миллиардной популяции Земли:

– 5,44 млрд человек были зарегистрированными абонентами мобильных сетей — 68 % от населения мира.

– 5,16 млрд человек были Интернет-пользователями — 64,4 % от населения мира¹³⁵.

– 4,76 млрд человек активно использовали социальные сети — 59,4 % от населения мира.

– 6 ч. 37 м. — среднее время использования Интернета в сутки.

– 2 ч. 31 м. — среднее время использования социальных сетей в сутки¹³⁶.

В свою очередь, открытая и децентрализованная архитектура Интернета, предусмотренная ещё в 70-е годы XX века разработчиками его сетевого предшественника — ARPANET, заложила материально-технические условия для свободной и приватной коммуникации — *sine qua non* современного гражданского

¹³⁵ Для сравнения: в 1996 году по всему миру насчитывалось около 45 млн Интернет-пользователей См. Кастельс М. Галактика Интернет. С. 246.

¹³⁶ Digital 2023. Global Overview Report. The essential guide to the world's connected behaviors. URL: <https://wearesocial.com/blog/2023/01/the-changing-world-of-digital-in-2023/>. Дата обращения: 11.03.2023.

общества. Новой эпохе — новые герои. Хакеры — бунтари-пассионарии, бросившие, по мнению П. Химанена, вызов архаичной протестантской этике, которая ещё не потеряла своей власти в XXI веке¹³⁷. Идеалы свободы, солидарности, взаимопомощи, творчества — вот новый этос «трёхмерного человечества». Современная жизнь рядовых обитателей постиндустриальных мегаполисов становится всё более безопасной: на страже их благополучия стоят алгоритмы искусственного интеллекта; веб-фильтры для обнаружения незаконного контента в глобальной сети; беспилотные летательные аппараты и видеокамеры с автоматической системой распознавания лиц. Так, по состоянию на 2021 год только в КНР функционировало около 540 млн умных видеокамер¹³⁸.

Интенсивно изменяются и политические реалии текущего столетия: динамично формируются уникальные избирательные и управленческие институты, а традиционные государственные структуры и механизмы быстро цифровизируются. В свою очередь, конец «короткого XX века», ознаменовавшийся распадом СССР, политико-экономическая система которого, по мнению М. Кастельса, не была способна обеспечить постиндустриальную трансформацию советского общества, подвёл финальную черту под попытками реализации всеобъемлющих проектов индустриального тоталитаризма¹³⁹. Масштабные общественные эксперименты коммунизма сменила планомерная неолиберальная социальная инженерия, главная цель которой — создание рыночных демократий по западному образцу во всём мире. В условиях третьей промышленной революции, которую К. Шваб и Н. Девис охарактеризовали в качестве «цифровой революции», и надвигающейся четвёртой инновационной волны также открываются широкие возможности для дальнейшей демократизации, деbüroкратизации и децентрализации современных государств, благодаря

¹³⁷ Химанен П. Хакерская этика и дух информатизма. М.: АСТ, 2019. С. 28.

¹³⁸ Surveillance camera statistics: which cities have the most CCTV cameras? URL: <https://www.comparitech.com/vpn-privacy/the-worlds-most-surveilled-cities/>. Дата обращения: 11.03.2023.

¹³⁹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. С. 438.

распространению новейших технологий, которым свойственна асимметричность, ацентричность и нелинейность как собственных узлов, так и связей между ними¹⁴⁰. Не вызывает сомнений, что современная эпоха — экономически и технологически наиболее продвинутая среди всех исторических периодов мировой истории. Анализируя приведенные данные, можно прийти к выводу, схожему с мнением Г. Маркузе, исследовавшим структурные особенности развитой индустриальной цивилизации: «Тотальный характер достижений развитого индустриального общества оставляет критическую теорию без рационального основания для трансцендирования данного общества»¹⁴¹. В то же время Маркузе, отмечавший значительный прогресс современных ему западных обществ в области технического оснащения и уровня жизни, также указывал и на усилившиеся антидемократические тенденции, общественно-политическая объективация которых в итоге обрела тоталитарные очертания. Обратная сторона актуальной тотальности экономических и технологических достижений — потенциальная тотальность политическая, блокирующая любые альтернативные проекты общественного развития. Если обратиться к реалиям информационных обществ в начале XXI века, то можно также, как и в середине прошлого столетия, проследить усиление антидемократических тенденций при значительном повышении общего уровня благосостояния и ускорении НТП. При этом децентрализованность современных социумов, на первый взгляд, имеет мало общего с их централизацией в индустриальную эпоху.

Сетевое общество — это общество, социальная структура которого конституируется сетями, активируемыми посредством оцифрованной информации и основанными на микроэлектронике коммуникационных технологий¹⁴². Причём цифровизация и датификация как два основополагающих процесса информационного этапа общественного развития взаимно дополняют друг

¹⁴⁰ Шваб К. Технологии Четвёртой промышленной революции. М.: Эксмо, 2018. С. 92.

¹⁴¹ Маркузе Г. Одномерный человек. С. XVII.

¹⁴² Кастельс М. Власть коммуникации. С. 69.

друга¹⁴³. Позитивные эффекты комплексной цифровизации и датификации (особенно на микро- и мезоуровне) хорошо известны, благодаря их широкому освещению в медиaprостранстве. Однако куда менее очевидны для массовой аудитории риски (особенно на макроуровне), сопровождающие цифровую и информационную трансформацию в XXI веке. Сетевое общество остаётся капиталистическим, поэтому в роли главных агентов этой всесторонней дигитализации выступают транснациональные ИТ-корпорации — движущая сила современной версии капитализма, который, по мысли Ш. Зубофф, не может существовать без масштабной оцифровки реальных процессов¹⁴⁴. Частные компании создают не только software — нематериальное программное обеспечение, но и производят hardware — электронные и механические части, обеспечивающие работу сетей и компьютеров, включая микропроцессоры, оптоволоконные кабели, батареи, аккумуляторы и т. д. Это позволяет компаниям из ИТ-сектора контролировать как основные сетевые потоки, в которых обращаются оцифрованные экономические, социальные, культурные и политические капиталы, так и ключевые каналы связи, включая социальные сети. Вследствие чего ускоряется монополизация ИТ-рынка — ещё одна общемировая тенденция последних десятилетий, усилившаяся в период пандемии COVID-19. Стремительное формирование цифровых монополий обуславливается и архаичным состоянием антимонопольных законодательств, которые были адаптированы под экономические тенденции индустриальной эпохи. В свою очередь, ИТ-монополизация многократно увеличивает риск формирования постиндустриального тоталитаризма за счёт значительной концентрации материальных и нематериальных активов, позволяющих осуществлять

¹⁴³ Майер-Шенбергер В., Кукьер К. Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живём, работаем и мыслим. М.: «Манн, Иванов и Фербер», 2014. С. 89.

¹⁴⁴ При этом комплексная оцифровка возможна без надзорного капитализма. См. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. С. 307.

одностороннюю регламентацию цифрового пространства, что, в свою очередь, приводит к монополизации других сфер информационного общества.

Оцифрованные данные — новая нефть, важнейший стратегический ресурс, обладание которым во многом определяет положение в сетевом обществе. Как отмечает Н. Срничек, автор книги «Капитализм платформ», в XXI веке капитализм выстроился вокруг задачи извлечения и использования данных, в результате в экономике господствует новый класс, владеющий не средствами производства, а информацией¹⁴⁵. Этим по большей части объясняется значительное усиление нового поколения технических специалистов и менеджеров, пополнивших состав современной корпоративной элиты. Настойчивое стремление её членов упрочить своё технологическое и экономическое доминирование реализуется посредством интенсивного взаимодействия с государственными структурами. Так, многие американские (Apple, Amazon, Alphabet, Microsoft, Meta — признана экстремистской организацией и запрещена в России и др.), а также китайские (Alibaba, Tencent, Didi, Baidu, Jingdong Mall и др.) IT-корпорации активно сотрудничают с госсектором, тем самым содействуя постепенному слиянию корпоративных и политических элит. В результате возрастает вероятность формирования нового технократического класса, способного централизованно контролировать ключевые коммуникационные каналы и сетевые потоки, а также эффективно блокировать альтернативные проекты, ставящие под сомнение сложившийся в постиндустриальных обществах status quo. Предельного социально-политического воплощения актуальная технократическая тенденция может достигнуть в рамках постиндустриального тоталитаризма, значительно отличающегося от своей индустриальной версии. Тоталитарные последствия слияния экономических и политических элит в условиях технологически развитых обществ XX века осмысливал Б. П. Вышеславцев. Господство тоталитарной технократии, с её техникой власти и властью техники, по мысли Вышеславцева,

¹⁴⁵ Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Издательский дом ВШЭ, 2021. С. 37.

впервые стала возможной в индустриальную эпоху¹⁴⁶. В результате объединения групп, обладающих властью над индустриальным аппаратом, и политическими элитами формируется новая технократическая группа, обладающая необходимыми средствами для установления тотального контроля в рамках формирующегося тоталитарного государства: «Угроза состоит в соединении политической и экономической власти в руках единой олигархии. Такое соединение необходимо принимает форму тоталитарного государственного хозяйства в тоталитарном государстве»¹⁴⁷. И далее: «В индустриальную эпоху тоталитарная власть невозможна без захвата индустриального техно-бюрократического аппарата, он именно и дает экономическую власть, а в сущности, и политическую власть. Поэтому индустриальное тоталитарное государство есть непременно технократия, и технократия есть техника власти и власть техники»¹⁴⁸. В современных информационных обществах одна часть сетевых потоков и коммуникационных каналов контролируется компаниями, другая — государством. В первом случае усиление контроля над сетями ведёт главным образом к монополизму в экономике, во втором — к автократии в политической сфере. Как отмечает отечественный исследователь цифрового капитализма А. П. Климович, государственным структурам в некотором смысле выгодна монополизация ИТ-сектора, так как реализация сотрудничества с несколькими монополиями проходит более эффективно, чем с множеством отдельных игроков рынка¹⁴⁹. Объединение корпоративных элит, владеющих новейшими инструментами социотехнического контроля, с политическими элитами, обладающими традиционным правом и средствами осуществления легитимного насилия, создаёт условия для достижения тоталитарной тотальности. Экстраполируя приведенный тезис Б. П. Вышеславцева на общественно-политические реалии информационной эпохи, можно сделать

¹⁴⁶ Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. С. 283.

¹⁴⁷ Там же. С. 274.

¹⁴⁸ Там же. С. 274.

¹⁴⁹ Климович А. П. Риски концентрации власти в эпоху искусственного интеллекта: между следящим капитализмом и цифровым левиафаном // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 165.

предположение о постепенном формировании в настоящее время нового технократического класса, в рамках которого объединяются современные корпоративные и политические элиты. Подобное слияние — ключевой фактор становления постиндустриального тоталитаризма.

Таким образом, можно сформулировать предварительное определение постиндустриального тоталитаризма, который представляет собой социетально-технологическую систему, управляемую объединившимися корпоративными и политическими элитами, осуществляющими тотальный контроль над ключевыми сетевыми потоками и коммуникационными каналами, а также блокирующими альтернативные проекты общественного развития для поддержания сложившегося status quo. В основе понимания постиндустриального тоталитаризма лежит неклассическая интерпретация тоталитаризма, подробно рассмотренная в предыдущих параграфах. Её отличие от классического взгляда на тоталитарность эксплицировал Г. Маркузе: «Сам способ организации технологической основы современного индустриального общества заставляет его быть тоталитарным; ибо „тоталитарное” здесь означает не только террористическое политическое координирование общества, но также нетеррористическое экономико-техническое координирование, осуществляемое за счет манипуляции потребностями посредством имущественных прав»¹⁵⁰. Тоталитарность в рамках постиндустриального тоталитаризма характеризуется не массовым террором, осуществляемым специальными органами внутреннего порядка, или единственной партией, сливающейся с государственными структурами, а способностью элит осуществлять тотальный контроль над ключевыми в условиях информационного общества сетевыми потоками и коммуникационными каналами, тем самым утверждая сложившийся порядок в тени «молчаливого большинства». Более того, если сопоставить перечень традиционных тоталитарных маркеров, сформулированных авторами классической теории тоталитаризма Зб. Бжезинским

¹⁵⁰ Маркузе Г. Одномерный человек. С. 4.

и К. Фридрихом, с характерными аспектами складывающейся неототалитарной системы, то несоответствие большинства из них представляется очевидным¹⁵¹. Рассмотрим этот момент подробнее. Индустриальный тоталитаризм / постиндустриальный тоталитаризм:

– Командная экономика / рыночная экономика.

Директивное хозяйствование, обеспечивавшее проведение форсированной коллективизации, индустриализации и модернизации в XX веке, во многом детерминировало значительную политическую централизацию, максимальной объективацией которой выступили тоталитарные режимы прошлого столетия. В современную эпоху капитализм, являющийся наиболее распространенной общественно-экономической моделью XXI века, определяет существенную централизацию и монополизацию на макроуровне при значительной децентрализации и плюрализме на мезо- и микроуровнях, что маскирует тоталитарный потенциал современной версии капиталистической экономики. В свою очередь, основой индустриального тоталитаризма являлись национальные государства, основой постиндустриального тоталитаризма — транснациональные корпорации. Это также объясняет имманентную глобальность постиндустриального тоталитаризма.

– Массовый террор / опосредованный контроль и манипулирование.

Проведение масштабных репрессивных кампаний теряет свою актуальность в эпоху «текучей современности». С одной стороны, искусственное поддержание атомарности общества террористическими средствами, которое, по мысли Х. Арендт характеризовало некоторые тоталитарные режимы прошлого, в значительной степени более не имеет смысла. В текущем столетии «естественная» индивидуализация выходит на новый уровень¹⁵². С другой — низкая эффективность открытого террора, который неизбежно порождает сопротивление

¹⁵¹ Игрицкий Ю. П. Фридрих К., Бжезинский Зб. Тоталитарная диктатура и автократия. С. 87.

¹⁵² Арендт Х. Истоки тоталитаризма. С. 423.

разной степени интенсивности со стороны объектов репрессий. Скрытый контроль, суггестивные приёмы и таргетированное подавление, берущие своё начало в рыночных практиках современного капитализма, являются эффективной и эффективной альтернативой физическому насилию.

– Тотальная идеология / принципиальная идеологическая аморфность.

Всеобъемлющие идеологии, претендующие на изложение объективной истины, — стржевой элемент индустриального тоталитаризма, задававший предельные ориентиры развития общества и воспитания человека. В условиях конца эпохи «великих нарративов» возможность опоры на эсхатологию подобных хилиастических идеологий представляется маловероятной. Вынужденная идеологическая аморфность и фрагментарность, соответствующая установкам постмодерна, — мировоззренческая основа постиндустриального тоталитаризма. Пожалуй, единственные идеи, постепенно обретающие догматические очертания, — необходимость перманентного подключения всё новых акторов к ключевым коммуникационным потокам, а также требование ускорения дигитализации различных общественных процессов.

– Единственная массовая партия, возглавляемая общепризнанным лидером / внешний плюрализм и сохранение квазидемократических институтов.

Фрустрированные массы сыграли ключевую роль как в становлении, так и развитии тоталитарных систем индустриального типа. Олицетворением их чаяний обычно выступал лидер партии (фюрер, дуче и т. п.). Гиперконформизм, инертность и политическая апатия широких слоёв населения в XXI веке ведёт к существенному снижению возможности их партийного объединения и последующего вовлечения в процесс реализации тоталитарного проекта, что делает постиндустриальный тоталитаризм радикально герметичным и элитарным. В то же время в условиях постиндустриального тоталитаризма *de jure* функционируют основные демократические институты, посредством которых легитимизируется

сложившийся status quo, отражающий интересы объединившихся корпоративных и политических элит.

Итак, совпадают только два традиционных критерия тоталитарности, репрезентирующих два типа монополий: на средства массовой коммуникации и на вооружение. Если учитывать обоснованное мнение классиков о необходимости одновременного диагностирования всех вышеперечисленных симптомов для постановки тоталитарного диагноза, то ошибочность утверждаемого в данной главе вердикта оказывается самоочевидной¹⁵³. Однако тоталитаризм как сложный общественно-политический феномен не редуцируется до перечня признаков, сформулированных в рамках классического подхода. Об их адекватности можно говорить только в условиях индустриального тоталитаризма, функционировавшего в первой половине прошлого столетия. Формирующийся в текущем столетии постиндустриальный тоталитаризм обладает иным набором характеристик, которые обусловлены, как было отмечено ранее, структурными особенностями информационного общества. Эксплицировать специфику постиндустриального тоталитаризма возможно при рассмотрении основополагающих тактик, направленных на обеспечение тотальности на всех уровнях и во всех сферах общества, а именно неототалитарных механизмов высокотехнологичного контроля, скрытого управления и селективного подавления.

Надзор, по утверждению Э. Гидденса, имеет фундаментальное значение для всех типов организаций, связанных с «возникновением» современности, и особенно для национальных государств, становление которых переплеталось с развитием капитализма¹⁵⁴. Практики надзора прошлого столетия, сущностные аспекты которого эксплицировал М. Фуко, сыграли ключевую роль в функционировании режимов индустриального тоталитаризма — исторических примеров предельной объективации этатизма¹⁵⁵. В XXI веке статичная механика

¹⁵³ Игрицкий Ю. П. Фридрих К., Бжезинский Зб. Тоталитарная диктатура и автократия. С. 87.

¹⁵⁴ Гидденс Э. Последствия современности. С. 182.

¹⁵⁵ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.

надзора уступает место ризомному слежению, на основе которого выстраиваются ключевые неототалитарные практики контроля, управления и подавления. Многоуровневое слежение, согласно Д. Лайону, означает любой сбор и обработку персональных данных, будь то идентифицируемых или нет в целях оказания влияния или управления теми, чьи данные были собраны¹⁵⁶. В рамках постиндустриального тоталитаризма слежение осуществляется посредством высокотехнологичных систем, перманентно регистрирующих разнородные потоки информации, недоступные для идентификации в прошлом. «Ассамбляжи слежения» — так К. Хаггерти и Р. Эриксон охарактеризовали подобные феномены¹⁵⁷. По мнению З. Баумана, «текучесть» современных технологий открывает перед технократическими элитами новые горизонты контроля и управления: «Это дает власть предержавшим действительно беспрецедентную возможность: теперь можно избавиться от неудобных и раздражающих аспектов техники власти по типу Паноптикума»¹⁵⁸. И хотя подобные пролиферирующие ассамбляжи состоят из дискретных потоков, перманентно фиксирующих данные, что *de facto* означает рассеянность на индивидуальном и групповых уровнях, важно обратить внимание на их предельную структурную и институциональную централизацию.

Пассивное слежение — основа для активного контроля, краткосрочного и молниеносного, но в то же время непрерывного и безграничного, как подчёркивал Ж. Делёз¹⁵⁹. Постоянный сбор метаданных впоследствии позволяет осуществлять селективный контроль за конкретными индивидами, который с развитием технологий становится всё более скрытым. Характер инструментов и методов контроля, получивших распространение в условиях развития постиндустриальной

¹⁵⁶ Lyon D. *Surveillance society. Monitoring everyday life*. Buckingham: Open University Press, 2001. P. 2.

¹⁵⁷ Haggerty K., Ericson R. *The surveillant assemblage* // *British Journal of Sociology*. 2001. Vol. 51. № 4. P. 606.

¹⁵⁸ Бауман З. *Текущая современность*. С. 17.

¹⁵⁹ Делёз Ж. *Post Scriptum к обществам контроля*. С. 232.

цивилизации, подтверждает прогноз Г. Маркузе о векторе их развития: «Если, как мы предположили, ядерная война или иная катастрофа не прервет развитие технического прогресса, то он поведет к устойчивому повышению уровня жизни и постепенной либерализации форм контроля»¹⁶⁰. «Либерализация форм контроля» в контексте постепенного развёртывания институтов постиндустриального тоталитаризма означает главным образом редукцию элементов открытого принуждения, которые неизбежно провоцируют сопротивление со стороны объектов контроля¹⁶¹. В рамках постиндустриального тоталитаризма также широко применяются высокотехнологичные суггестивные практики. В частности, использование искусственного интеллекта (ИИ) для всестороннего анализа персональных данных позволяет создавать поведенческие паттерны и прогностические модели, позволяющие с высокой точностью предсказывать потенциальные векторы активности как индивидов, так и больших групп населения. К примеру, в своём эмпирическом исследовании, опубликованном в январе 2021 года, М. Косински установил, что ИИ посредством анализа изображений лица индивида способен с вероятностью в 72 % определять его политические предпочтения (консервативные / либеральные)¹⁶². Неуправляемое развитие подобных технологий угрожает автономии человека как свободного субъекта и способствует достижению тотального контроля — главного элемента тоталитаризма, по мнению В. Хендрикса и М. Вестергора¹⁶³.

Тенденция на интродукцию механизмов контроля, эксплицированная Г. Маркузе, также усиливается в рамках постиндустриального тоталитаризма¹⁶⁴.

¹⁶⁰ Маркузе Г. Одномерный человек. С. 55.

¹⁶¹ Однако, как справедливо отмечал Ш. Волин, на текущем этапе развития в неототалитарных системах могут использоваться и меры открытого принуждения. См. Хеджес К. Шелдон Волин и перевернутый тоталитаризм. С. 149.

¹⁶² Kosinski M. Facial recognition technology can expose political orientation from naturalistic facial images // Scientific reports. 2021. Vol. 11. P. 1. URL: <https://www.nature.com/articles/s41598-020-79310-1>. Дата обращения: 13.03.2023.

¹⁶³ Hendricks V., Vestergaard M. Reality Lost. P. 134.

¹⁶⁴ Маркузе Г. Одномерный человек. С. 13.

Наиболее очевидный пример — значительное распространение феномена самоквантификации. Большая часть армии тайных осведомителей, снабжавших полицейские органы тоталитарных режимов индустриальной эпохи ценной информацией, в условиях постиндустриального тоталитаризма осталась бы без работы: теперь эту роль выполняют сами объекты слежения. Повышение комфорта и безопасности — два кита, на основе которых осуществляется последовательная интенсификация и экстенсификация неототалитарного контроля на микро-, мезо- и макроуровнях. Таким образом, переход от одномерного человека к человеку трёхмерному изменяет и характер контроля: от телесности к сознанию. Поэтому очевидной представляется и решающая роль коммуникационных и сетевых технологий как средств объективации господства в информационную эпоху. Обсуждение данной темы снова приводит к вопросу об основополагающей роли современной версии капитализма не только в становлении, но и функционировании постиндустриального тоталитаризма.

«Множество технологий контроля появились как средство пересечения интересов коммерции и государства», — такое мнение выражает М. Кастельс, размышляя над актуальными тенденциями сетевого общества¹⁶⁵. Дополним приведенный выше тезис следующим наблюдением: подавляющее большинство современных технологий контроля разрабатываются, тестируются и непрерывно совершенствуются крупнейшими транснациональными корпорациями, и только затем они видоизменяются и применяются государственными структурами. Итак, подавляющее число революционных технологий контроля были впервые открыты надзорными капиталистами, что и определяет их ключевую роль в формирующейся системе постиндустриального тоталитаризма.

В рамках постиндустриального тоталитаризма задача трансформации общества решается не через радикальные изменения, реализациях которых была характерна для тоталитарных режимов прошлого столетия, а, скорее, посредством

¹⁶⁵ Кастельс М. Галактика Интернет. С. 201.

осуществления программы постепенных социальных изменений, разработанной на основе научных достижений и внедряемой с помощью современных технологий¹⁶⁶. Такие практические способы, нацеленные на точечную модификацию существующих и постепенное создание новых социальных институтов, были названы К. Поппером «поэлементной социальной инженерией»¹⁶⁷. Главные особенности данного вида «социальной инженерии» (в отличие от ее «утопической» или «холической» разновидности):

- реализация путем поэтапных реформ;
- экспериментальный характер;
- антихолистическая и антирадикальная ориентация;
- направленность на устранение конкретных общественных проблем;
- опора на научную базу социальных наук;
- многоуровневость¹⁶⁸.

В свою очередь, методы «утопической социальной инженерии», характерные для тоталитарных режимов прошлого столетия, были направлены на качественное изменение общества в целом. В их основе — историцистская теоретическая база, идейно фундирующая масштабные преобразования¹⁶⁹. Поппер связывал реальные перспективы «поэтапной социальной инженерии» с функционированием демократических или «открытых» режимов, однако, по его мнению, она может также иметь и иную политическую направленность: «Таким образом, наклонности социальной инженерии могут быть весьма разнообразными — и тоталитарными, и

¹⁶⁶ Примером новой общественной науки, направленной на практическое изменение социума, является актуальная версия социальной физики, основной метод которой состоит в математическом анализе релевантных потоков Big data. См. Пентленд А. Социальная физика. Как распространяются хорошие идеи: уроки новой науки. М.: Издательство АСТ, 2018. 351 с.

¹⁶⁷ Поппер К. Ницета историцизма. М.: Издательская группа «Прогресс» — VIA, 1993. С. 76.

¹⁶⁸ Фадеева В. Н. Феномен социальной инженерии в концепции К. Поппера // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2008. Т. 312. № 6. С. 109.

¹⁶⁹ Поппер К. Ницета историцизма. С. 81.

либеральными...»¹⁷⁰. Неототалитарный вариант поэлементной социальной инженерии, выгодно отличающий её от революционных проектов тоталитаризма прошлого столетия, лежит в основе трансформации на институциональном уровне. В свою очередь, управление на индивидуальном уровне осуществляется главным образом посредством манипулирования и скрытого воздействия на сознание индивидов, что обеспечивает низкий уровень их сопротивления.

Основной репрессивный механизм постиндустриального тоталитаризма — принудительное сетевое отчуждение локальных и глобальных пользователей от многочисленных сетевых каналов, осуществляемое новым технократическим классом, объединяющим корпоративные и политические элиты. Как обоснованно замечает М. Кастельс, сегодня на каждого жителя планеты оказывает влияние происходящее в глобальных сетях, конституирующее большинство общественных сфер и процессов¹⁷¹. При этом сетевое общество функционирует на основе логики включения / исключения, что обуславливается характером её сетевой архитектуры: «Сетевое общество работает, как я уже отмечал, на основе бинарной логики включения / исключения, границы которой меняются с течением времени...»¹⁷². В ситуации глобальной сетевизации ключевым моментом, определяющим статус любых актантов в любых сетях, по мнению Б. Латура, является их включение / отключение относительно сетевых узлов¹⁷³. Иными словами, положение индивидуальных и групповых акторов в современном информационном обществе все чаще определяется их доступом к определенным сетям, в которых циркулируют различные оцифрованные ресурсы, к примеру электронные деньги или виртуальные версии социальных благ. В свою очередь, подключение к определенным сетевым потокам или коммуникационным

¹⁷⁰ Там же. С. 78.

¹⁷¹ Кастельс М. Власть коммуникации. С. 70.

¹⁷² Там же. С. 71.

¹⁷³ При этом Латур подразумевал не только и не столько технические сети. См. Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные ещё большими усложнениями // Логос. 2017. Т. 27. № 1. С. 180.

каналам осуществляется посредством соответствующего кода. Двойной логике «включения / исключения» соответствует бинарность кодирования. Именно принципиальный «бинарный схематизм» кода, упоминаемый Н. Луманом, обеспечивает универсализм и спецификацию, то есть позволяет однозначно определить статус каждого элемента в системе¹⁷⁴. Ж. Делёз в «Обществе контроля» точно уловил смену логики власти в современных обществах: «Цифровой язык обществ контроля основан на коде, который допускает вас к информации или отказывает вам в доступе»¹⁷⁵. Как было упомянуто ранее, ключевые сетевые потоки, в которых обращаются оцифрованные экономические, социальные, культурные и политические капиталы, а также основные коммуникационные каналы, включая виртуальные платформы для массовой самокоммуникации, в условиях постиндустриального тоталитаризма контролируются объединившимися частными IT-корпорациями и государственными структурами. В этих условиях новый технократический класс имеет возможность по своему усмотрению отключать пользователей от этих сетей, базовой из которых остается глобальная сеть Интернет. Подобный репрессивный механизм также может реализовываться и на макроуровне, например в рамках санкционной политики. В контексте постиндустриального тоталитаризма именно бинарный код «альтернативный / безальтернативный» по отношению к сложившемуся status quo определяет подключение / отключение акторов к сетям и коммуникационным каналам.

Таким образом, не представляется возможным установить единственную причину, обуславливающую становление постиндустриального тоталитаризма. На этот комплексный процесс влияют экономические, социальные, культурные, правовые и политические факторы, среди которых можно отдельно выделить развитие современных технологий в качестве необходимого условия генезиса и функционирования любых типов тоталитаризма. *Ключевыми факторами*

¹⁷⁴ Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. С. 68.

¹⁷⁵ Делёз Ж. Post Scriptum к обществам контроля. С. 230.

становления постиндустриального тоталитаризма в условиях развития информационного общества являются:

– Формирование современной версии капитализма, в рамках которой персональные данные выступают в качестве стратегического ресурса для извлечения прибыли.

– Бесконтрольное развитие цифровых, виртуальных и компьютерных технологий.

– Стремительная монополизация IT-сферы.

– Ультраиндивидуализм и значительная аполитичность широких слоёв населения, характерная для большинства обществ XXI века.

– Упадок публичной сферы, проявляющейся в активной приватизации общественного пространства.

– Эрозия традиционных демократических институтов.

– Кризис этики хакерства, репрезентирующей идеалы свободы, солидарности, плюрализма и децентрализации в цифровом мире.

– Слияние корпоративных и государственных элит, в результате чего формируется новый технократический класс, способный реализовывать тотальный контроль над ключевыми сетями и коммуникационными каналами.

Характерные особенности постиндустриального тоталитаризма, как было показано ранее, отличаются от специфики индустриального тоталитаризма, осмысленной Ф. Боркенау, К. Поппером, Ф. Хайеком, Х. Арндт, Зб. Бжезинским, Р. Ароном, Х. Линцем и многими другими авторами. *Ключевыми признаками* формирующегося постиндустриального тоталитаризма являются:

– Непосредственная связь с развитием капитализма, а также утверждением его современной версии. Опора на рыночную, а не командную модель экономики.

– Использование цифровых, виртуальных и компьютерных технологий для скрытого слежения, контроля и управления индивидами. Манипулирование сознанием, а не насилие над телом.

– Таргетированное подавление оппозиционных элементов и нейтрализация альтернативных инициатив посредством их блокировки или отключения от основных сетевых потоков и коммуникационных каналов. Селективное подавление, а не массовый террор.

– Применение методов тоталитарной поэлементной социальной инженерии для трансформации общества. Постепенные социальные изменения, а не радикальные общественные перемены.

– Квазидемократичность, сохранение формальных демократических институтов и практик. Декларируемый плюрализм, а не законодательное утверждение монополии партии-гегемона.

– Глобальность, обусловленная ведущей ролью транснациональных корпораций в системе постиндустриального тоталитаризма. Международная универсальность частных компаний, а не изолированность национальных государств.

– Анонимность, отсутствие харизматичного лидера, возглавляющего тоталитарное движение к тотальным целям. Корпоративная обезличенность, а не персональный культ вождя.

– Элитарность, исключение широких слоёв населения из функционирования неототалитарной системы. Радикальная деполитизация масс, а не их перманентная мобилизация для реализации тоталитарных проектов.

– Идеологическая аморфность и фрагментарность, отход от утопических ориентиров всеобъемлющих идеологий. Адаптивная утилитарность, а не догматическая идеологичность.

Итак, если формирование постиндустриального тоталитаризма возможно в случае слияния корпоративных и политических элит информационной эпохи, то от их соотношения в рамках этого союза зависит конкретный тип постиндустриального тоталитаризма. Соответственно, можно условно выделить две его версии: корпоративно-государственную, в которой доминируют корпорации, и государственно-корпоративную, в которой доминирует государство. Их общий признак — использование современных технологий для реализации тотального господства, обеспечивающего безальтернативное сохранение актуального status quo. Важно снова акцентировать внимание на идеально-типическом характере разрабатываемой модели, что представляется вполне естественным для подобных теоретических конструкций. Несмотря на то, что, как отмечал М. Вебер, идеальные типы нельзя обнаружить в реальности, в них всё-таки отражены черты явления, «...взятые из действительности и объединенные в идеальном образе»¹⁷⁶. Поэтому справедливой представляется ремарка А. М. Эткинда о важности понимания дистанции между идеальным типом, с одной стороны, и конкретным опытом — с другой: «Если игнорировать различие между идеальным типом и эмпирическим описанием, не выдержит критики ни одна из политических теорий от Гоббса до Хабермаса. Эта проблема вовсе не специфична. На свете нет абсолютно черных тел, но идея черного цвета остается полезна»¹⁷⁷.

Г. Маркузе пришёл к выводу об имплицитной тоталитарности развитой индустриальной цивилизации после анализа антидемократических тенденций в наиболее развитых обществах промышленной эпохи: «Мой анализ сосредоточен на тенденциях в наиболее развитых современных обществах»¹⁷⁸. Он также отметил, что как вне, так и внутри этих обществ существуют значительные сферы и процессы, для которых указанные тенденции на момент осуществления анализа не

¹⁷⁶ Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 391.

¹⁷⁷ Эткинд А. М. Из измов в демократию: Айн Ранд и Ханна Арентс // Знамя. 2000. № 12. С. 169.

¹⁷⁸ Маркузе Г. Одномерный человек. С. XXII.

являются преобладающими¹⁷⁹. Ввиду чего прогнозы на значительное усиление и масштабирование описываемых тенденций следует воспринимать в качестве некоего рода гипотез. Эти рассуждения Маркузе, которые предваряли основную часть его исследования, посвящённого рассмотрению тоталитарных трендов в индустриальных обществах, справедливы и для этой работы. В свою очередь, в рамках данной диссертации будут проанализированы развитые общества, которые можно квалифицировать в качестве «постиндустриальных»: США и КНР. Иные современные государства, которые некоторые авторы определяют в качестве тоталитарных (например, КНДР), остаются за скобками данного исследования: особенности их социально-политического устройства больше напоминают малоэффективные в текущих условиях архаичные практики и институты индустриального тоталитаризма, а не характерные особенности его постиндустриальной версии. И хотя, по мнению Б. П. Вышеславцева, не имеет особого значения в какой именно комбинации произойдёт тоталитарное соединение политических и техноэкономических элит, с точки зрения автора диссертации это играет важную роль в определении конкретного типа тоталитаризма / неототалитаризма¹⁸⁰. Поэтому в следующих параграфах будут проанализированы по три реальных кейса из общественно-политической жизни США и КНР, на основе которых будет рассмотрена специфика корпоративно-государственной и государственно-корпоративной форм постиндустриального тоталитаризма.

2.2. Корпоративно-государственная форма постиндустриального тоталитаризма

Для подтверждения актуальности «постиндустриального» статуса США обратимся к релевантным статистическим данным, описывающим стремительную цифровизацию и датификацию большинства сфер жизни современного

¹⁷⁹ Там же. С. XXII.

¹⁸⁰ Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. С. 380.

американского общества. Так, к январю 2023 года население США составляло около 339,1 млн человек, из которых:

– 383,4 млн зарегистрированных абонентов мобильных сетей — 113,1 % от населения (sic!).

– 311,3 млн человек были Интернет-пользователями — 91,8 % от населения.

– 246 млн человек активно использовали социальные сети — 72,5 % от населения.

– 6 ч. 59 мин. — среднее время использования Интернета в сутки.

– 2 ч. 16 мин. — среднее время использования социальных сетей в сутки¹⁸¹.

Особенно важно то, что американские IT-компании являются активными двигателями глобальной цифровизации, что обеспечивает их экономическое доминирование в XXI веке. Такие корпорации, как Google / Alphabet, Facebook / Meta (признана экстремисткой и запрещена в России), Apple, Amazon и Microsoft (так называемая «Большая пятёрка» или GAFAM / GAMAM) входят в число крупнейших экономик мира: в 2020 году суммарная рыночная капитализация этих компаний достигла отметки в 6,4 трлн долл., что превышает совокупный ВВП за 2019 год таких стран как Австралия, Канада, Франция и Великобритания¹⁸². Более того, ведущая роль в распространении глобальной цифровизации позволяет GAFAM контролировать важнейшие сетевые потоки и коммуникационные каналы большей части мира (Северная и Южная Америки, Европа, Африка, Азия, за исключением территории Китая), что в сочетании со значительной экономической мощностью позволяет оказывать существенное влияние на внешнюю и внутреннюю политику некоторых национальных государств. В тоже время всё чаще

¹⁸¹ Digital 2023. The United States of America. The essential guide to the latest connected behaviors. URL: wearesocial.com/us/blog/2023/01/digital-2023/. Дата обращения: 16.03.2023.

¹⁸² Getting at GAFAM's Power: A Structural and Relational Framework. URL: <https://www.heliotropejournal.net/helio/gafams-power-in-society>. Дата обращения: 17.03.2023.

прослеживается тенденция на многоуровневое сотрудничество крупнейших американских IT-компаний и правительства США, которое за последние 20 лет значительно усилило контроль за жизнью рядовых американцев.

События 11 сентября 2001 года потрясли не только американских граждан, но и большую часть мировой общественности: в результате крупнейшей в истории террористической атаки погибло 2977 человек, были разрушены четыре пассажирских самолета, а также три здания Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Власти США, возглавляемые на тот момент Дж. Бушем-младшим, объявили тотальную войну мировому терроризму, олицетворением которого была экстремистская группировка Аль-Каида (запрещенная в России террористическая организация) и её лидер У. бен Ладен. Последовавшие за этим меры как во внутренней (принятие «Патриотического акта»), так и во внешней политике (военные кампании в Афганистане и Ираке) казалось восстановили прежний status quo. При этом, как известно, у каждой медали есть две стороны: повышение безопасности сопровождалось симметричным расширением полномочий государственных органов¹⁸³. Причём ограничения гражданских прав и свобод, вводимые для стабилизации кризисной ситуации, затем редко восстанавливаются в объёме ex ante¹⁸⁴. Примерно в то же время, в 2001 году, начался головокружительный взлёт корпорации Google, инженеры которой разработали ключевые практики высокотехнологичного слежения, контроля и манипулирования. Использование персональных данных — так называемого «поведенческого излишка» не только для улучшения работы собственных сервисов, но главным образом для создания таргетированной онлайн-рекламы за

¹⁸³ Согласно Дж. Агамбену, после 11 сентября 2001 года в США de jure был введён режим чрезвычайного положения, который с течением времени только набирал обороты. См. Агамбен Дж. Homo Sacer. Чрезвычайное положение. М.: Издательство «Европа», 2011. С. 10.

¹⁸⁴ К примеру, прослушивание телефонных разговоров, получившее распространение в рамках реализации мер по борьбе с терроризмом, впоследствии было свёрнуто лишь частично. См. Barriga A. C. The COVID-19 pandemic: yet another catalyst for governmental mass surveillance? // Social Sciences & Humanities Open. 2020. Vol. 2. Issue 1. P. 2. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2590291120300851>. Дата обращения: 19.03.2023.

несколько лет принесла владельцами этого IT-гиганта невероятную прибыль: уже в 2004 году выручка Google увеличилась на 3590 % и составила 3,5 млрд долларов¹⁸⁵. Доля доходов от рекламы в первом квартале 2016 г. составляла 89 % от прибыли Google¹⁸⁶. А к 2022 году, по данным аналитического агентства Statista, многоотраслевой холдинг Alphabet, управляющий Google, стал ведущей Интернет-компанией по рыночной капитализации в мире (более 1,9 трлн долл.)¹⁸⁷. Таким образом, один из ключевых секретов коммерческого триумфа Google и других IT-корпораций заключается в агрессивной эксплуатации и коммодификации персональных данных потребителей. Подобные процессы, институционализация которых впоследствии и приводит к становлению надзорного капитализма, по мнению Ш. Зубофф, не только угрожают приватной жизни рядовых граждан, но и бросают вызов рыночной демократии¹⁸⁸.

Однако, как было отмечено в предыдущем параграфе, по отдельности эти антидемократические тенденции не ведут к формированию постиндустриальной версии тоталитаризма: тотальный контроль сетевых потоков и коммуникационных каналов, обеспечивающий эффективную блокировку альтернативных общественно-политических проектов и инициатив, возможен только при условии многоуровневого слияния корпоративных и политических элит. Их значительное сближение, начавшееся в США после событий 2001 года, интенсифицировалось в период президентства Б. Обамы: обнародованы данные о 55 случаях перехода сотрудников Google на позиции в федеральных государственных структурах США, и 157 кейсов, когда чиновники разного уровня устраивались на работу в компанию,

¹⁸⁵ Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. С. 118.

¹⁸⁶ Срничек Н. Капитализм платформ. С. 50.

¹⁸⁷ Google, Amazon, Meta, Apple, and Microsoft (GAMAM) — Statistics & Facts. URL: <https://www.statista.com/topics/4213/google-apple-facebook-amazon-and-microsoft-gafam/#topicOverview>. Дата обращения: 17.03.2023.

¹⁸⁸ Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. С. 10.

основанную С. Брином и Л. Пейджем в 1998 году¹⁸⁹. О реальных результатах масштабного сотрудничества между крупнейшими игроками Кремневой долины и Белого дома, которое вышло на качественно новый уровень в течение президентства Б. Обамы, поведал миру Э. Сноуден, бывший сотрудник Агентства национальной безопасности (АНБ), подразделения Министерства обороны США.

Далее будут рассмотрены три реальных кейса из современной социально-политической жизни США, на основе которых будут проанализированы тактики высокотехнологичного контроля, скрытого управления и селективного подавления для экспликации специфики корпоративно-государственной формы тоталитаризма: комплексное взаимодействие АНБ с частными IT-корпорациями при создании высокотехнологичных систем контроля, данные о функционировании которых были впервые обнародованы в 2014 году; масштабные веб-кампании по манипуляции мнениями избирателей во время выборов президента США в 2016 году; массовая блокировка цифровых аккаунтов членов республиканской партии и сторонников Д. Трампа в крупнейших американских социальных сетях в 2018 году. Как и 80 лет назад, широкая общественность впервые узнаёт о скрытых методах реализации тоталитарных проектов от немногочисленных свидетелей и ренегатов, которые сегодня снимают занавес неведения с современной версии неолиберализма (У. Бинни, Дж. Ассанж, Ч. Мэннинг, Э. Сноуден, К. Уайли и др.)¹⁹⁰. Обратимся к свидетельствам Э. Сноудена, пожалуй, наиболее влиятельного разоблачителя формирующегося тотального контроля корпораций и государства над индивидом и обществом в XXI веке.

Эдвард Сноуден и АНБ

¹⁸⁹ The Android Administration. Google's Remarkably Close relationship with the Obama White House. URL: <https://theintercept.com/2016/04/22/googles-remarkably-close-relationship-with-the-obama-white-house-in-two-charts>. Дата обращения: 17.03.2023.

¹⁹⁰ Необходимо принимать во внимание неизбежную субъективность этих разоблачений. Эта модальность задаёт особые условия анализа подобных свидетельств.

В январе 2013 американская журналистка Л. Пойтрас получила зашифрованное электронное письмо от анонима, утверждавшего, что он обладает секретной и чрезвычайно важной информацией, после обнародования которой современный мир уже не будет прежним. Вскоре колумнист The Guardian Г. Гринвальд получил похожее послание. Через несколько месяцев в одном из отелей Гонконга состоялась их первая встреча с Э. Сноуденом, сотрудником консалтинговой компании Booz Allen Hamilton, работавшим на контрактной основе в качестве инфраструктурного аналитика в одном из офисов АНБ в штате Гавайи. Его цель — рассказать широкой общественности о тотальной слежке за людьми по всему миру, осуществляемой международными корпорациями и национальными государствами. Для подтверждения своих слов в июне 2013 года Сноуден передал журналистам ряд материалов о системах массового контроля. Так, он предоставил копию документа, подтверждающего ежедневную передачу АНБ данных обо всех звонках, совершенных на территории США, одним из крупнейших американских операторов сотовой связи Verizon¹⁹¹. Значительная часть раскрытых данных касалась секретной системы слежения PRISM, развитием которой занимались служащие АНБ в сотрудничестве с сотрудниками крупнейших IT-компаний.

PRISM — это секретная система массового слежения и сбора информации, за развитие которой отвечало АНБ. В 2007 году система PRISM заменила The Terrorist Surveillance Program, программу по мониторингу данных, запущенную АНБ после событий 11 сентября 2001 года как часть масштабной кампании по борьбе с международным терроризмом, инициированной 43-м президентом США Дж. Бушем-младшим. Юридическое основание для мероприятий такого типа — федеральный закон, принятый Сенатом США 26 октября 2001 года, который значительно расширил полномочия американских

¹⁹¹ NSA collecting phone records of millions Verizon customers daily. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/jun/06/nsa-phone-records-verizon-court-order>. Дата обращения: 18.03.2023.

силовых структур и ограничил ряд гражданских свобод (так называемый «Патриотический акт»). По информации Э. Сноудена, которую в медиа транслировал Г. Гринвальд, ежедневно технологические мощности PRISM позволяли перехватывать более 1,7 млрд телефонных звонков, электронных писем и других типов коммуникаций¹⁹². С помощью системы PRISM Агентство имело доступ к электронным почтовым ящикам многих пользователей, их чатам, профилям в социальных сетях, а также пересылаемым фотографиям, журналам Интернет-браузеров и т. д. Особый акцент был сделан на контроле за людьми без американского гражданства. С Агентством активно сотрудничали крупнейшие информационно-коммуникационные корпорации: Google, Microsoft, Apple, Yahoo!, Facebook (признана экстремистской организацией и запрещена в России)¹⁹³. Мощности PRISM, основанные на использовании алгоритмов ИИ и применении технологий Big Data, позволяли осуществлять перманентный сбор метаданных, из которых впоследствии с помощью специального цифрового селектора можно было получить доступ к конкретной информации¹⁹⁴.

Однако проект PRISM не был чем-то уникальным: так, на территории Великобритании функционировала схожая система под названием Tempora. Tempora — это тайная программа слежения, реализуемая Центром правительственной связи Великобритании при активном содействии АНБ. Как и в случае с PRISM, разработка и реализация проекта Tempora была бы невозможна без тесного сотрудничества с частными корпорациями, которые в некоторых документах под грифом «секретно» фигурировали как «партнёры по перехвату» («intercept partners»)¹⁹⁵. Летом 2011 были запущены 200 линий передач данных,

¹⁹² Are all telephone calls recorded and accessible to U.S. government? URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2013/may/04/telephone-calls-recorded-fbi-boston>. Дата обращения: 18.03.2023.

¹⁹³ Сноуден Э. Личное дело. М.: Эксмо, 2019. С. 131.

¹⁹⁴ Там же. С. 131.

¹⁹⁵ GCHQ taps fibre-optic cables for secret access to world's communications. URL: <https://www.theguardian.com/uk/2013/jun/21/gchq-cables-secret-world-communications-nsa>. Дата обращения: 18.03.2023.

перехватывающих около 10 гигабит каждую секунду¹⁹⁶. Слежка осуществлялась также и на высшем уровне: спецслужбы Великобритании и АНБ отслеживали Интернет-активность и телефонные звонки участников саммита Большой двадцатки в Лондоне в 2009 году. После обнародования значительной части материалов последовала деанонимизация Сноудена, в результате чего он был вынужден спешно покинуть Гонконг. После месячного пребывания в транзитной зоне аэропорта Шереметьево, 1 августа 2013 года Э. Сноудену было предоставлено временное убежище на территории России, а в сентябре 2022 года и гражданство РФ¹⁹⁷.

Примечательно, что Сноуден сравнивает раскрытую им картину тотального контроля, реализуемую американским правительством и крупнейшими транснациональными корпорациями, с тоталитарным миром, описанным Дж. Оруэллом на страницах антиутопии «1984»¹⁹⁸. Эту параллель проводит в своей книге и журналист Г. Гринвальд: «Обращение к роману Джорджа Оруэлла „1984“ — это, конечно, клише, но сходства между миром, о котором он предупреждал, и политикой АНБ трудно не заметить: они опираются на существование технологичной системы, обладающей способностью следить за действиями и словами каждого гражданина»¹⁹⁹. Эти сравнения, безусловно, указывают на то, что непосредственные участники этих событий *de facto* квалифицируют проект, реализуемый в США, в качестве тоталитарного, хотя и интерпретируют его через художественный образ индустриального тоталитаризма подобно Ш. Зубофф²⁰⁰. Итак, кейс Э. Сноудена и АНБ демонстрирует реальный вариант высокотехнологичного контроля, осуществляемого международными

¹⁹⁶ Ibid.

¹⁹⁷ Это не первый случай бегства действующих и бывших сотрудников АНБ в СССР / РФ: в 1960 в Советский союз транзитом через Кубу бежали криптологи У. Мартин и Б. Митчелл.

¹⁹⁸ TV message by Snowden Says Privacy Still Matters. URL: https://www.nytimes.com/2013/12/26/world/europe/snowden-christmas-message-privacy.html?_r=1&. Дата обращения: 19.03.2023.

¹⁹⁹ Гринвальд Г. Негде спрятаться. Эдвард Сноуден и зоркий глаз Дядюшки Сэма. СПб: Питер, 2015. С. 221.

²⁰⁰ Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. С. 485.

корпорациями совместно с национальными государствами. Однако в рамках формирующегося корпоративно-государственного тоталитаризма элиты могут не просто контролировать индивидов, но и управлять ими, используя для этого различные цифровые инструменты. Рассмотрим этот случай на примере кейса с Cambridge Analytica.

Кристофер Уайли и Cambridge Analytica

Феноменальный результат, который показал на праймериз президентских выборов 2016 года Тед Круз — один из кандидатов от республиканской партии, произвёл фурор как среди однопартийцев, так и у сторонников демократов. Крузу удалось одержать победу в нескольких штатах и навязать серьёзную борьбу главному претенденту на участие в основной президентской гонке — Дональду Трампу, который в итоге и одержал в ней победу, став 45-м президентом США. Но в чём же заключалась формула успеха Т. Круза, который с 2013 года представляет штат Техас в Сенате? Возможно, его секрет в консервативной политической программе: с одной стороны, отрицание однополых браков и абортов, с другой — поддержка смертной казни и права на свободное ношение оружия? Или дело в популярности среди латиноамериканцев, голосующих за «своего» кандидата²⁰¹? Кристофер Уайли, специалист по обработке данных и бывший сотрудник Cambridge Analytica, в 2018 году раскрыл широкой общественности не только формулу успеха Т. Круза, но и секретный элемент триумфа Д. Трампа, покоровшего американский политический олимп двумя годами ранее.

Cambridge Analytica — это частная компания, использовавшая технологии Big Data, для предоставления услуг политического консалтинга. Широкую известность эта организация получила после того, как К. Уайли в 2018 году передал журналистам The Guardian ряд документов, подтверждающих незаконный сбор

²⁰¹ У Т. Круза латиноамериканское происхождение: его отец был эмигрантом из Кубы.

персональных данных 50 млн пользователей крупнейшей социальной сети в мире Facebook (признана экстремистской и запрещена в России), а также их использование для продвижения политиков, пользующихся услугами Cambridge Analytica²⁰². Специалисты Cambridge Analytica оказывали скрытое влияние на избирателей, принимавших участие в выборах различного уровня, начиная с 2014 года. По словам К. Уайли, в 2016 году именно манипулятивные технологии помогли Т. Крузу добиться столь высоких результатов на предварительных выборах кандидата в президенты от республиканской партии, а затем они внесли вклад в победу Д. Трампа в общенациональной президентской гонке²⁰³.

В основе высокоэффективных манипулятивных практик Cambridge Analytica, позволяющих оказывать имплицитное влияние на поведение пользователей как в виртуальном, так и в реальном мире, — метод создания личностных профилей, отражающих в том числе и психологические особенности юзеров. Одним из первых подобные эксперименты со сбором и обработкой «цифровых следов» для создания персональных профилей пользователей социальных сетей предпринял М. Косински — учёный из Стэнфордского университета. В 2009 году он присоединился к экспериментам с приложением MyPersonality для Facebook (признана экстремистской и запрещена в России), созданным двумя годами ранее Д. Стиллвеллом. Первоначально MyPersonality предлагал пользователям заполнить онлайн-анкету для определения типа личности. Продолжив свои исследования в области психометрии, Косински вместе с коллегами разработал методику, позволявшую составлять психологические портреты посредством изучения виртуального поведения пользователей, то есть

²⁰² Revealed: 50 million Facebook profiles harvested for Cambridge Analytica in major data breach. URL: <https://www.theguardian.com/news/2018/mar/17/cambridge-analytica-facebook-influence-us-election>. Дата обращения: 18.03.2023.

²⁰³ Ted Cruz using firm that harvested data on millions of unwitting Facebook users. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2015/dec/11/senator-ted-cruz-president-campaign-facebook-user-data>. Дата обращения: 18.03.2023.

без их непосредственного участия в опросах²⁰⁴. Так, на основе анализа поставленных лайков, сделанных репостов и установленных статусов можно с высокой долей вероятности определить возраст, пол, национальность, сексуальную и политическую ориентацию юзеров. Как отмечают В. Майер-Шенбергер и К. Кукьер: «Подобно Google, социальные сети, такие как Facebook, Twitter, LinkedIn, Foursquare, Zynga и другие, сидят на сокровищнице датифицированной информации, проанализировав которую можно было бы пролить свет на динамику человеческого и социального поведения на всех уровнях — от личности до общества в целом»²⁰⁵. Таким образом, данные, генерируемые пользователями в цифровом пространстве, в частности в социальных сетях, могут быть скрытно извлечены, проанализированы, а затем и использованы для воздействия на их поведение в реальном и виртуальном мире. Эти теоретические разработки легли в основу практической деятельности Cambridge Analytica.

Главный секрет эффективности Cambridge Analytica — таргетированная политическая реклама, которая создаётся на основе анализа различных «цифровых следов» избирателей. Алгоритмы ИИ определяют не только поразительно точный психологический профиль исследуемой личности, но и позволяют предсказывать наиболее вероятные варианты его поведения: так, к примеру, был выявлен устойчивый паттерн, в соответствии с которым американцы, покупающие автомобили американского производства, вероятнее всего отдадут свой голос Трампу. Прогнозирование поведения, в свою очередь, делает возможным его модуляцию посредством суггестивных практик, в частности микротаргетинга: заявления Трампа о поддержке автомобильной промышленности в США персонализируются и транслируются проанализированным пользователям. Чем совершеннее алгоритмы, тем выше шанс, что индивид, воспринявший

²⁰⁴ Kosinski M., Bachrach Y., Kohli P., Stillwell D., Graepel D. Manifestations of user personality in website choice and behavior on online social networks // *Machine Learning*. 2013. Vol. 95. № 3. 357–380.

²⁰⁵ Майер-Шенбергер В., Кукьер К. Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живём, работаем и мыслим. С. 101.

таргетированное сообщение, сделает то, что желает его автор. Мощность алгоритмов непосредственным образом зависит от количества обрабатываемой персональной информации. Учитывая стремительную глобальную цифровизацию, ИИ становится мощнее с каждым месяцем. В 2017 году М. Косински и Й. Ванг опубликовали эмпирическое исследование, согласно результатам которого алгоритмы искусственного интеллекта способны определять сексуальную ориентацию индивида с вероятностью более 90 %²⁰⁶. Более того, технологии слежения и манипулирования с каждым годом становятся всё более доступными. Однако возможности в сфере разработки подобных манипулятивных технологий, которые есть у корпораций и государственных служб, представляют собой качественно иной уровень по сравнению с потенциалом отдельных групп индивидов, даже обладающих выдающимися интеллектуальными способностями.

Итак, кейс К. Уайли и Cambridge Analytica демонстрирует реальный вариант применения современных манипулятивных тактик в социальных сетях — важнейших коммуникационных каналах XXI века, которые в рамках постиндустриального тоталитаризма могут использоваться корпоративными и политическими элитами для суггестивного воздействия на пользователей с целью односторонней коррекции их политических взглядов, а также виртуальной и реальной активности. Далее будет рассмотрен конкретный пример селективного подавления альтернативного политического проекта, блокировка которого осуществлялась посредством цензурирования социальных сетей провластными медиакорпорациями.

Дональд Трамп и социальные сети

Итоги президентских выборов в США, которые были оглашены осенью 2020 года, ознаменовали важные перемены в Белом доме: новым президентом был

²⁰⁶ Kosinski M., Wang Y. Deep neural networks are more accurate than humans at detecting sexual orientation from facial images // Journal of Personality and Social Psychology. 2018. Vol. 114. № 2. P. 246.

избран кандидат от Демократической партии Дж. Байден, который должен был сменить на этом посту республиканца Д. Трампа. На 6 января 2021 года был назначен масштабный митинг сторонников республиканской партии и лично Трампа, который перерос в штурм здания Капитолия США с целью срыва официальной процедуры утверждения результатов президентских выборов. Проникнув в здание, протестующим удалось попасть в Капитолий, в результате чего было прервано заседание Сената, а его участники были спешно эвакуированы. В ходе штурма часть прорвавшихся в здание протестующих не только совершали акты вандализма, но и фиксировали свои действия путём публикации многочисленных фото- и видеоматериалов на просторах крупнейших американских социальных сетей (Twitter, YouTube, Facebook — признана экстремистской организацией и запрещена в России — и др). Поздним вечером 6 января заседание Сената возобновилось, а уже ночью результаты прошедших выборов были официально утверждены. Вступление в должность Дж. Байдена, нового президента США, состоялось 20 января 2021 года.

Как отмечает отечественный исследователь Е. В. Ефанова, считается, что социальные сети, в частности Twitter, стали активно политизироваться со времен первой предвыборной кампании Б. Обамы в 2007 году²⁰⁷. После его победы на президентских выборах огромная аудитория социальных медиа стала объектом постоянных информационных бомбардировок со стороны конкурирующих кандидатов, партий и представителей государственных органов: так, согласно данным аналитического агентства Statista, в 2021 году члены Конгресса США опубликовали 477 586 тыс. сообщений на платформе Twitter и сделали 295 521 тыс. записей на Facebook (признана экстремисткой и запрещена в России)²⁰⁸. Не стал исключением и Д. Трамп, который, как было показано ранее, прибегнул к помощи

²⁰⁷ Ефанова Е. В. Социальные медиа в американской публичной политике (на примере социальной сети Twitter) // Вестник ВолГУ. Серия 4. 2020. Т. 25. № 3. С. 175.

²⁰⁸ Total number of social media posts by members of the U.S. Congress in 2021, by platform. URL: <https://www.statista.com/statistics/958814/total-number-posts-per-platform-congress-members-usa/>. Дата обращения: 23.03.2023.

манипулятивных практик Cambridge Analytica для восхождения на политический олимп США. Однако Трамп использовал наиболее популярные социальные медиа не только для привлечения новых сторонников, с помощью этих коммуникационных каналов он транслировал своё мнение глобальной публике уже в статусе президента. Используя платформу Twitter, Трамп комментировал множество событий внутренней и внешней политики США: угрожал КНДР во время очередного Корейского кризиса 2017 года, критиковал правительство Б. Асада в ходе конфликта в Сирии в 2018 году, пытался урегулировать ситуацию с протестами в Гонконге, происходившими в 2019 году, анонсировал масштабную депортацию нелегальных мигрантов из США. Причём его оцифрованные и многократно копируемые высказывания относительно того или иного события могли оказывать существенное влияние на реальный мир: критический выпад в сторону корпорации Amazon обвалил её капитализацию на 5,7 млрд долларов²⁰⁹.

Более того, представляется обоснованным мнение Т. В. Харламовой о том, что микроблог Д. Трампа является ярким примером применения коммуникационного ресурса социальных сетей для борьбы за власть, а также способом её удержания: виртуальные платформы активно использовались Трампом во время президентской гонки 2016 года, а в 2021 году с помощью них был опубликован анонс митинга сторонников республиканцев в центре американской столицы²¹⁰. И хотя активность Трампа в социальных сетях и ранее вызывала неоднозначную реакцию как среди политического истеблишмента, так и широкой общественности, вышеуказанные публикации были использованы политическими оппонентами республиканцев в качестве своеобразного *casus belli*, что на языке цифровых коммуникаций XXI века означает тотальную блокировку профилей Трампа в социальных медиа. 8 января 2021 года Twitter бессрочно закрыл

²⁰⁹ Что происходит с рынком, когда Трамп пишет в Твиттере: 7 ярких примеров. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/5d429da29a79476a1b54765b>. Дата обращения: 18.03.2023.

²¹⁰ Харламова Т. В. Социальные сети как инструмент современной политической власти (на материале микроблога Д. Трампа в Твиттере) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. Серия. Серия Филология. Журналистика. 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 402.

доступ к личной странице Д. Трампа, которая на тот момент насчитывала более 88 млн подписчиков. В течение января Twitter также заблокировал десятки тысяч аккаунтов сторонников 45-го президента США. Личные страницы Трампа на Facebook и Instagram (признаны экстремистскими и запрещены в России) с десятками млн подписчиков также были заблокированы. Далее последовали блокировки аккаунтов на стриминговой платформе Twitch, принадлежащей Amazon, Discord, Reddit, Snapchat. Социальная сеть Tik Tok ограничила возможность добавления хэштегов, использовавшихся сторонниками Трампа (например, #Stopthesteal), а видеохостинг YouTube удалил последнее видеообращение Трампа. Более того, блокировке подверглись не только коммуникационные каналы: в январе 2021 года сервис электронных платежей PayPal и краудфандинговая платформа GoFundMe запретили сторонникам Трампа собирать пожертвования. Мобильное приложение социальной сети Parler, отказавшаяся присоединиться к масштабной кампании массовых блокировок, было удалено Apple из App Store и Google из Play Store. Важно отметить, что технологические гиганты не смогли бы автономно реализовать блокировку подобных масштабов без непосредственной санкции заинтересованных политических групп: в рассматриваемом случае — Демократической партии США. De facto демократы совместно с крупнейшими IT-корпорациями отключили Д. Трампа и его сторонников от крупнейших коммуникационных каналов и сетевых потоков, тем самым заблокировав возможность реализации альтернативного политического проекта в его республиканской версии.

Итак, кейс с блокировкой аккаунтов в социальных сетях Д. Трампа и его сторонников демонстрирует реальный вариант селективного подавления альтернативного общественно-политического проекта путём отключения его авторов и сторонников от ключевых сетевых потоков и коммуникационных каналов, который, в свою очередь, иллюстрирует общий принцип функционирования репрессивного механизма постиндустриального тоталитаризма.

На основе анализа рассмотренных выше примеров реализации тактик высокотехнологичного контроля, скрытого управления и селективного подавления, а также других актуальных антидемократических тенденций, характерных для современных США, удалось эксплицировать специфику корпоративно-государственной формы постиндустриального тоталитаризма, характеризующуюся доминированием корпоративных элит в рамках нового технократического класса, объединяющего корпоративные и политические элиты. Это задаёт отличительные особенности данной формы постиндустриального тоталитаризма, в частности существенную редукцию элементов открытого принуждения, а также особый фокус на потребительских тактиках сдерживания центробежных сил внутри системы. Причём они могут проявляться как при становлении институтов корпоративно-государственной формы тоталитаризма, так и при её функционировании. К примеру, в процессе первоначального сотрудничества государственных структур и частных компаний преобладают косвенные (финансовые), а не прямые (административные) способы интенсификации их взаимодействия. Таким образом, уровень открытого принуждения выступает в качестве одной из «переменных», дифференцирующих два типа постиндустриального тоталитаризма. При этом «переменная» открытого принуждения не отменяет установленной ранее «константы» скрытого манипулирования: речь идёт не о массовом терроре, а, скорее, о селективном применении насилия. Как справедливо отмечал Х. Линц: «Террор не является ни необходимой, ни достаточной характеристикой тоталитарных систем, однако вероятность его применения в таких системах, судя по всему, выше, чем в любых других, причём определенные формы террора представляются характерными для определенных форм тоталитаризма»²¹¹. Специфика государственно-корпоративной формы постиндустриального тоталитаризма будет эксплицирована в следующем параграфе диссертации.

²¹¹ Линц Х. Тоталитарные и авторитарные режимы. С. 46.

2.3. Государственно-корпоративная форма постиндустриального тоталитаризма

Для подтверждения актуальности «постиндустриального» статуса КНР обратимся к релевантным статистическим данным, описывающим стремительную цифровизацию и датификацию большинства сфер жизни современного китайского общества. К январю 2023 года населения КНР составляло около 1,43 млрд человек, из которых:

– 1,69 млрд зарегистрированных абонентов мобильной связи — 118,6 % от населения (sic!).

– 1,05 млрд человек были Интернет-пользователями — 73,7 % от населения.

– 1,03 млрд человек активно использовали социальные сети — 72 % от населения.

– 5 ч. 25 мин. — среднее время использования Интернета в сутки.

– 1 ч. 59 мин. — среднее время использования социальных сетей в сутки²¹².

Как и в случае с США, особенно важным представляется не просто количество пользователей Интернета или число зарегистрированных мобильных абонентов в Китае, а существование в КНР крупных IT-корпораций, выступающих в роли ведущих проводников цифровизации и датификации. Китайские компании Baidu, Alibaba и Tencent (BAT) часто сравниваются с американскими Google / Alphabet, Facebook / Meta (признана экстремисткой и запрещена в России), Apple, Amazon и Microsoft (GAFAM / GAMAM). Так, Baidu принадлежат наиболее популярные в Китае веб-сервисы, включая одноименную поисковую систему. Alibaba специализируется на электронной коммерции, а Tencent доминирует в сфере развития социальных сетей. Пожалуй, основное различие между упомянутыми американскими и китайскими IT-гигантами — разные сферы

²¹² Digital 2023. China. The essential guide to the latest connected behaviors. URL: <https://wearesocial.com/cn/blog/2023/01/digital-2023/>. Дата обращения: 21.03.2023.

влияния: если ВАТ доминирует главным образом на внутреннем рынке, то в орбите GAFAM находятся Северная и Южная Америки, Европа, Африка, а также часть Азии. В последнее время наблюдается устойчивая международная экспансия ВАТ и других китайских корпораций: к примеру, сервис для загрузки и просмотра коротких видеороликов TikTok (Douyin в КНР), принадлежащий компании ByteDance со штаб-квартирой в Пекине, является одной из самых популярных социальных сетей в мире (причём самая большая аудитория у TikTok среди жителей США: более 113 млн пользователей на январь 2023 года)²¹³.

Продолжение курса на комплексную дигитализацию, внедрение инноваций и развитие цифровой экономики декларируется Коммунистической партией Китая (КПК) в качестве одной из стратегических целей нового 14-го пятилетнего плана (2021–2025 гг.): к середине XXI века Китай намерен стать ведущей инновационной державой мира²¹⁴. В подавляющем большинстве случаев целевые показатели по дигитализации конкретных общественных процессов для определенных провинций устанавливаются из Пекина. В то же время, как отмечает исследовательница Г. Костка, локальные администрации обладают определённой долей автономии в сфере методов выполнения установленных показателей, достижение которых представляется затруднительным без внедрения элементов принудительной цифровизации²¹⁵. При этом значительную роль в ней играют крупнейшие китайские корпорации: без технологических возможностей таких компаний, как Alibaba, Tencent, Huawei, Hikvision, Xiaomi и др., невозможно полностью реализовать цифровые планы лидеров КПК. Многоуровневое сотрудничество корпораций и государства для достижения общих экономических,

²¹³ Countries with the largest TikTok audience as of January 2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/1299807/number-of-monthly-unique-tiktok-users/>. Дата обращения: 21.03.2023.

²¹⁴ Заклязьминская Е. О. Стратегическое планирование ключевых направлений науки и техники Китая в 14-й пятилетке (2021–2025 гг.) // Новые горизонты экономики КНР в 14-й пятилетке (2021–2025). Рос. акад. наук, Ин-т Китая и совр. Азии. М.: ИКСА РАН, 2022. С. 34.

²¹⁵ Kostka G., Nahm J. Central-Local relations: recentralization and environmental governance in China // The China Quarterly. Cambridge University Press. 2017. Vol. 231. P. 569.

социальных и политических целей стремительно сближает корпоративные и политические элиты в КНР. В условиях Китая импульс к комплексному взаимодействию исходит преимущественно от государства, что и определяет аспекты его реальной материализации. Одним из примеров такой «форсированной интеграции» является создание партийных отделов или внедрение уполномоченных представителей в корпоративные структуры. Их цель — контроль за выполнением предписаний партии, осуществляемый, в частности, путём регулирования кадровых процессов в компании для найма лояльных КПК соискателей. В случае отказа или сопротивления возможны различные санкции. Потенциальное усиление тенденции на слияние корпоративных и политических элит впоследствии может привести к их объединению в рамках нового технократического класса, способного осуществлять тотальный контроль над ключевыми сетевыми потоками и коммуникационными каналами, а также реализовывать политику по герметизации сложившегося status quo, посредством эффективной блокировки альтернативных общественно-политических проектов и подавления оппозиционных элементов системы. Это, как было показано ранее, основной фактор как становления постиндустриального тоталитаризма, так и его государственно-корпоративной формы.

Далее будут рассмотрены три реальных кейса из современной социально-политической жизни КНР, на основе которых будут проанализированы тактики высокотехнологичного контроля, скрытого управления и селективного подавления для экспликации специфики государственно-корпоративной формы тоталитаризма: национальный проект фильтрации данных в Интернете «Золотой щит», реализация которого началась в 1998 году; создание централизованной системы социального кредита, разработка которой продолжается с середины 2014 года; внедрение комплексной системы безопасности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая после массовых беспорядков 2009 года.

Проект «Золотой щит»

В конце XX века лидеры КПК анонсировали планы по реализации ряда масштабных проектов, охарактеризованных в качестве «золотых». Специфическая особенность этих проектов — использование для их разработки, реализации и функционирования современных технологий. Один из таких амбициозных планов — проект «Золотой щит», в рамках которого государственные структуры и частные корпорации установили высокотехнологичный контроль над пользователями Интернета из Китая.

В 1987 году учёный из ФРГ В. Цорн и китайский исследователь В. Юньфень отправили первое в истории КНР электронное письмо: «Через Великую Китайскую стену наше послание дойдёт до всех уголков планеты»²¹⁶. Это во многом символическое событие ознаменовало начало цифровизации Поднебесной: в 1994 году появился первый частный интернет-провайдер, после чего распространение глобальной сети в КНР стремительно набирало обороты. Постепенно руководство КПК начало осознавать политические риски Интернета как цифровой платформы для свободной и приватной коммуникации. С другой стороны, полный запрет Интернета привёл бы к непреодолимым препятствиям на пути к трансформации Китая в современное технологически развитое государство информационной эпохи. Было принято решение отринуть архаичный путь КНДР и взять под контроль сетевые потоки оцифрованной информации, сохранив при этом коммуникационный потенциал глобальной сети. 1 февраля 1996 года Ли Пэн, министр Госсовета КНР, подписал приказ № 195 «О временных мерах по регулированию компьютерных информационных сетей и Интернета», который предоставлял властям широкие полномочия в новой сфере. Настал момент для создания цифровой версии Великой Китайской стены, которая не только защитила бы пользователей Поднебесной от многочисленных Интернет-угроз, но и способствовала бы сохранению гегемонии КПК в информационную эпоху.

²¹⁶ Гриффитс Дж. Великий Китайский Файрвол. С. 43.

«Возведение» Великой Китайской стены 2.0 началось в 1998 году с реализации проекта «Золотой щит».

Система фильтрации Интернет-трафика «Золотой щит» используется властями КНР для контроля за всеми входящими и исходящими потоками информации, циркулирующими в сетевом пространстве и потенциально доступными населению Китая. Для этого используется двухуровневая система фильтрации Интернета: глобальная, через которую отслеживаются данные, поступающие с международных серверов, и локальная, предназначенная для мониторинга внутренней активности китайских пользователей²¹⁷. За внешний уровень фильтрации отвечает так называемый «Великий китайский файрвол» — одна из подсистем «Золотого щита», мощности которого, в свою очередь, обеспечивают внутренний сетевой порядок. Две основные функции «Золотого щита»: управление данными и контроль пользователей. Архитектура китайского Интернета способствует предельной изолированности системы, что делает его похожим на своеобразную вариацию Интранета в национальных масштабах. В то же время функционал «Золотого щита» как технологически сложной системы расширялся поэтапно.

На первом этапе фильтрация Интернета осуществлялась посредством блокировки определённых доменных имён и конкретных IP-адресов. Этот базовый метод используется и сейчас: «чёрные списки» постоянно обновляются. Блокировке подвергаются не только порнографические или террористические материалы, но и любые «чувствительные» с точки зрения представителей КПК данные, ставящие под сомнение официальную позицию партии. В этот период был также реализован ряд мер по деанонимизации пользователей: так, киберкафе на всей территории КНР были обязаны установить на свои компьютеры специальное программное обеспечение, а перед непосредственным выходом в Интернет посетители данных заведений должны были идентифицировать свою личность,

²¹⁷ Там же. С. 45.

предъявив документы²¹⁸. На втором этапе была реализована технология блокировки, функционирующая на основе мониторинга ключевых слов, определяемых госорганами КНР. Список таких выражений условно делится на две части: постоянной и временной блокировки. Бессрочно блокируются главным образом ключевые слова и соответствующие материалы, затрагивающие политические вопросы: так, при вводе «события на площади Тяньаньмэнь» сетевое соединение неуклонно сбрасывается, а сайты, содержащие подобное сочетание слов, подлежат перманентной блокировке²¹⁹. В этот же период был запрещён доступ к крупнейшим западным цифровым сервисам: социальная сеть Facebook (признана экстремистской и запрещена в России), поисковая система Google и видеохостинг YouTube, сервис микроблогов Twitter, Vimeo и др. Причём в Китае успешно работают схожие по функционалу ресурсы: Baidu Search, Youku, Sina Weibo, QQ Video соответственно. На третьем и четвёртом этапе разработчики «Золотого щита» разработали способы борьбы с попытками обхода фильтрации, участвовавшими в начале XXI века. Один из самых частых способов — использование технологий VPN («виртуальная частная сеть»), позволяющих настроить защищённое сетевое соединение между пользователем и сервером через маскировку IP-адреса и других данных Интернет-подключения. Для нейтрализации этой угрозы были идентифицированы основные VPN-протоколы, чтобы нарушить нормальное функционирование многих популярных среди китайских пользователей VPN-сервисов. В январе 2017 году власти КНР запретили использование VPN без специального разрешения. Непрерывное совершенствование Великой Китайской стены 2.0, обеспечивающей перманентный

²¹⁸ Chandel S., Jingij Z., Yunnan Y., Jingyao S., Zhipeng Z. The Golden shield project of China: a decade later — an in-depth study of the Great Firewall // International Conference on Cyber-Enabled Distributed Computing and Knowledge Discovery URL: <https://www.acsu.buffalo.edu/~yunnanyu/files/papers/Golden.pdf>. Дата обращения: 21.03.2023.

²¹⁹ Rambert R., Weinberg Z., Barradas D., Christin N. Chinese Wall or Swiss Cheese? Keyword filtering in the Great Firewall of China // International World Wide Web Conference Committee. URL: <https://www.andrew.cmu.edu/user/nicolasc/publications/Rambert-WWW21.pdf>. Дата обращения: 21.03.2023.

контроль над виртуальным пространством Поднебесной, продолжается и в 20-х годах текущего столетия.

Интенсификация и экстенсификация процессов общественной цифровизации и датификации облегчают процесс централизованного контроля за виртуальным поведением пользователей, который осуществляется посредством децентрализации на пользовательском уровне. Так, самая популярная в КНР социальная сеть WeChat (более 1 млрд пользователей на декабрь 2022 года), разработанная IT-корпорацией Tencent, не только дублирует коммуникационные возможности WhatsApp, но и значительно расширяет её функционал: например, выступает в качестве средства осуществления денежных транзакций, то есть позволяет пользователями управлять своими оцифрованными финансами в режиме реального времени²²⁰. Контроль подобных платформ, а также доступ к иным частным сетевым потокам и коммуникационным каналам со стороны государства осуществляется на основе соответствующей законодательной базы, в частности Закона о кибербезопасности КНР, который вступил в силу 1 июня 2017 года.

Итак, кейс реализации проекта «Золотой щит» демонстрирует реальный вариант высокотехнологичного контроля, осуществляемого международными корпорациями совместно с национальными государствами. Однако современные технологии позволяют лидерам КПК и крупнейшим китайским IT-компаниям не только эффективно контролировать активность граждан в виртуальном мире, но и оказывать существенное влияние на их поведение в реальности.

Системы социального кредита

Отличительная особенность многоуровневого процесса цифровизации в КНР — запуск множества пилотных программ в различных провинциях Китая.

²²⁰Monthly active users of the leading apps in China in December 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/1032630/china-leading-apps-by-monthly-active-users/>. Дата обращения: 21.03.2023.

Один из таких проектов был официально анонсирован Государственным советом КНР 14 июня 2014 года в документе «План создания системы социального кредита» (2014–2020 гг.), направленном на создание национальной системы социального кредита за 6 лет²²¹. Высокие темпы развития экономики Китая на рубеже веков сопровождались ростом преступности, в частности существенно возросло число финансовых правонарушений. Широкое распространение подобных негативных феноменов свидетельствует, по мнению высших партийных органов КНР, о кризисе в социальной сфере современного Китая, обусловленного эрозией традиционных китайских ценностей²²². Упадок доверия и честности, как среди отдельных граждан, так и в деловой сфере не только портит международную репутацию Китая, но и препятствует построению гармоничного и справедливого общества — главной цели партии. Внедрение системы социального кредита должно качественно изменить сложившуюся ситуацию. Реализация этого проекта осуществлялась в несколько этапов: в первый период было запущено ряд пилотных программ как в частном, так и публичном секторе.

Правительство КНР предоставило возможность крупнейшим китайским IT-корпорациям разработать и протестировать собственные системы социального кредитования, расширенный функционал которых позволил бы учесть не только финансовые аспекты, но и дополнительные социальные факторы: были привлечены восемь компаний, включая Tencent и Alibaba²²³. В 2015 году стартовала пилотная система Zhima Credit (Sesame Credit). Эта система аккумулирует и обрабатывает данные с различных сервисов Alibaba (главным образом с платформы для электронных платежей Alipay и цифровой площадки для e-commerce Taobao),

²²¹ Woesler M., Warnke M., Lafner J., Kettner M. The Chinese Social Credit System. Origin, political design, exoskeletal morality and comparisons to Western systems // *European journal of Chinese studies*. 2019. № 2. P. 8.

²²² Wong K., Dobson A. We're just data: Exploring China's social credit system in relation to digital platform ratings cultures in Westernised democracies // *Global Media and China*. 2019. Vol. 4. Issue 2. P. 221.

²²³ Ibid. P. 223.

конвертируя их в индивидуальный рейтинг. Помимо персональных данных анализируются кредитная история, уровень образования, место работы, поведение в социальных сетях и список онлайн-друзей. Имеет значение и ваша потребительская активность: покупка товаров для новорождённых — индикатор ответственности — рейтинг повышается, приобретение алкогольных напитков или видеоигр — индикатор зависимости — рейтинг снижается²²⁴. Диапазон рейтинга от 350 до 950 баллов, в соответствии с которым пользователи Zhima Credit делятся на «неблагонадёжных» и «благонадёжных» соответственно. При достижении отметки в 600 баллов открываются различные привилегии: возможность аренды самоката или автомобиля без залога, бесплатные медицинские осмотры, ускоренная процедура получения туристических виз и т. п. В свою очередь, значительное снижение рейтинга блокирует возможность оформления различных кредитных продуктов. В 2017 году ни одна из 8 компаний, разрабатывающих коммерческие ССК, не получили финального одобрения от правительства КНР на создание единой национальной системы. Лицензии были отозваны, а эксперименты продолжены²²⁵.

К июлю 2018 года было запущено более 40 пилотных систем социального кредита в различных муниципалитетах и провинциях КНР, учитывающих как уровень законопослушности и финансовой благонадёжности, так и их социальную, а также политическую активность²²⁶. Несмотря на некоторые различия в этих системах, их объединяет общая цель — с помощью современных технологий изменить реальное и виртуальное поведение китайских граждан, а также повлиять на бизнес-политику частных компаний. Так, в соответствии с одной из локальных ССК, каждый житель города Жунчен, входящего в провинцию Шаньдун на востоке

²²⁴ Chuncheng L. Multiple social credit systems in China // *Economic Sociology: The European Electronic Newsletter*. 2019. Vol. 22. № 1. P. 24.

²²⁵ Ibid. P. 24.

²²⁶ Kostka G. China's social credit systems and public opinion: Explaining high levels of approval // *New Media & Society*. 2019. Vol. 21. Issue 7. P. 1567.

Китай, стартует с 1000 очками персонального социального рейтинга²²⁷. В случае положительной динамики (более 1050 баллов) пользователь зачисляется в красный список, отрицательной (менее 599 баллов) — в чёрный. На рейтинг влияют различные факторы: например, с жителей города Фунчон в провинции Фунзянь снимается 30 баллов за пересечение дороги на красный сигнал светофора более 5 раз; 50 баллов за вождение в состоянии алкогольного опьянения; в случае уклонения от службы в армии баллы обнуляются, а нарушитель попадает в чёрный список²²⁸. Донорство крови объемом 400 мл гарантирует 10 дополнительных очков; получение региональной премии за спортивные достижения — 30 очков; титул «образцового» члена КПК — 50 очков²²⁹. Распространенные виды негативных санкций: лимитирование доступа в Интернет, запрет на покупку билетов на скоростные поезда и самолёты, ограничение поступления в престижные школы и университеты, запрет на государственную службу²³⁰. Руководители компаний из чёрного списка больше не смогут занимать руководящие должности в частных и государственных организациях. В дополнение к материальным санкциям также распространены меры репутационного воздействия: публикация имён нарушителей на билбордах, государственных веб-сайтах или в социальных сетях. Однако не только нарушение закона, но и общественная позиция и политические взгляды могут снижать кредитный рейтинг: в 2019 году по крайней мере 10 городов из различных провинций (среди них: Чжэцзян, Шаньдун, Цзянсу, Фуцзянь) публично интегрировали в локальные ССК негативные санкции за протесты или жалобы в отношении властей²³¹. Итак, кейс внедрения национальной системы социального кредита демонстрирует реальный вариант применения современных

²²⁷ Wong K., Dobson A. We're just data ... P. 223.

²²⁸ Trivium China: understanding China's social credit system. 2019. P. 26. URL: <https://socialcredit.triviumchina.com/report/social-credit-101-understanding-chinas-social-credit-system/>. Дата обращения: 22.03.2023.

²²⁹ Ibid. P. 29.

²³⁰ Kostka E., Xu X., Cao X. Information control and public support for social credit systems in China // The journal of politics. 2022. Vol. 84. Issue 4. P. 2235.

²³¹ Ibid P. 2236.

манипулятивных тактик на микро- и мезо- уровнях, а также методов социальной инженерии на макроуровне, которые в рамках постиндустриального тоталитаризма могут использоваться корпоративными и политическими элитами для суггестивного воздействия на пользователей с целью односторонней коррекции их политических взглядов, а также виртуальной и реальной активности. В свою очередь, попытка интеграции механизмов социального кредитования в масштабную экосистему высокотехнологичного контроля, скрытого управления и селективного подавления была предпринята в провинции Синьцзянь.

КПК и Синьцзян-Уйгурский автономный район

Синьцзян — самая большая по площади провинция в Китае и самая большая «лаборатория» по тестированию высокотехнологичных инструментов контроля, скрытого управления и селективного подавления. Основная часть 25 млн населения — уйгуры, тюркоязычный народ, исповедующий ислам суннитского толка. История покорения уйгуров началась задолго до провозглашения Мао Цзэдуном образования КНР в 1949 году: регион перешёл под власть Китая ещё XVIII веке в эпоху империи Цин. Вековой сепаратизм уйгуров, обусловленный главным образом этническими противоречиями с китайцами (хань), дестабилизирует не только ситуацию в этом важнейшем с геополитической точки зрения для Пекина регионе, но и угрожает установившейся гегемонии КПК. С наступлением информационной эры методы решения этой проблемы перешли на качественно иной уровень.

Массовые волнения июля 2009 года, вспыхнувшие в столице провинции Синьцзян, городе Урумчи, послужили ключевым импульсом для поэтапного внедрения высокотехнологичной системы безопасности в этом регионе. Событие, спровоцировавшее беспорядки, — инцидент в Шаогуане, городе на юге КНР, в результате которого погибло несколько уйгуров-рабочих, обвиненных в насилии над местными женщинами. Важную роль в подавлении волнений в Урумчи и стабилизации ситуации в Синьцзяне сыграло отключение ключевых

коммуникационных каналов: мобильной связи, а также Интернета как основного медиаканала, по которому распространялась информация о Шаогуаньском инциденте, а также координировались действия протестующих²³². После частичного восстановления сетевого доступа популярные уйгурские Интернет-ресурсы Diyarim.com, Salkin.com, Xabnam.com были бессрочно заблокированы²³³. Протесты в Синьцзяне продемонстрировали властям КНР недостаточную интеграцию уйгурского населения, низкую эффективность существовавшей на тот момент системы безопасности в провинции, а также уязвимость «Золотого щита». Корректирующие действия последовали практически незамедлительно: число открытых вакансий для сотрудников силовых структур в регионе увеличилось с 8647 в 2006–2008 гг. до 17 352 в 2009–2011 гг.²³⁴. Однако партия не ограничилась традиционными методами борьбы с тремя «силами зла», угрожающим стабильности КНР: терроризмом, сепаратизмом и религиозным экстремизмом. Для решительной победы в провинции Синьцзянь требовались особые методы, основу которых составили высокотехнологичные инструменты контроля, скрытого управления и селективного подавления, разрабатываемые китайскими IT-корпорациями. Их активное внедрение началось в 2014 году с публичного объявления «войны терроризму». Ускорение этого процесса произошло в 2016 году с назначением Чэнь Цюанго, бывшего партийного секретаря Тибета, главой КПК в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

Видеокамеры с технологией распознавания лиц — первый элемент новой системы безопасности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Современный Китай — глобальный лидер по числу таких камер: в 2021 году 54 % (около 540 млн) от общего количества мировых камер с функцией распознавания лиц

²³² Cliff T. The partnership of stability in Xinjiang: state–society interactions following the July 2009 unrest // *The China Journal*. 2012. № 68. P. 92.

²³³ Гриффитс Дж. Великий Китайский Файрвол. С. 196.

²³⁴ Leibold J., Zenz A. *Securitizing Xinjiang: police recruitment, informal policing and ethnic minority co-optation* // *The China Quarterly*. London: Cambridge University Press. 2020. Vol. 242. P. 332.

функционировало в КНР (около 373 камер на 1000 граждан)²³⁵. Крупнейший в мире разработчик и поставщик видеонаблюдения — компания Hikvision, со штаб-квартирой в Хуанжоу, ключевой государственный партнёр, разрабатывающий, устанавливающий и обслуживающий «умные» видеокамеры в Синьцзяне. Видеокамеры осуществляют постоянный мониторинг не только территориальных зон, на которые условно разделён Синьцзян (к примеру, город Урумчи разделён на 6281 участков, за которые персонально отвечают назначенные властями граждане), но и контролируют пространство внутри конкретных зданий, включая мечети²³⁶. Технологии распознавания лиц интегрированы и в другие объекты. Первые в КНР умные ворота были установлены на железнодорожном вокзале в Урумчи в 2016 году; в настоящее время ворота с распознаванием лиц размещаются на перекрёстках и заправочных станциях, в университетах и жилых кварталах²³⁷. Цифровое сканирование лиц и, в некоторых случаях, отпечатков пальцев сопоставляется с зарегистрированными персональными данными индивида, мгновенно определяя тех, кто был добавлен в «чёрный список» Синьцзянской версии системы социального кредита. Однако фиксируются и более устойчивые характеристики индивидов, например их оцифрованная биометрическая информация. С 2017 года местные органы полиции начали систематически собирать биометрические данные всех жителей Синьцзяна, включая 3D-портреты, изображения радужной оболочки, образцы голоса и отпечатки пальцев, а в 2016 году также началась кампания по забору генетического материала, в ходе которой удалось получить около 23 млн образцов ДНК людей, живущих в Синьцзян-Уйгурском автономном районе²³⁸. В следующем году в КНР началось создание

²³⁵ Surveillance camera statistics: which cities have the most CCTV cameras? URL: <https://www.comparitech.com/vpn-privacy/the-worlds-most-surveilled-cities/>. Дата обращения: 23.03.2023.

²³⁶ Leibold J. Surveillance in China's Xinjiang region: ethnic sorting, coercion, and inducement // *Journal of contemporary China*. 2019. Vol. 29. Issue 121. P. 50.

²³⁷ Ibid. P. 51.

²³⁸ Leibold D., Dirks E. Genomic surveillance. Inside China's DNA dragnet. Australian Strategic Policy Institute. Policy Brief. № 34. 2020. URL: <https://www.aspi.org.au/report/genomic-surveillance>. Дата обращения: 23.03.2023.

национальной базы ДНК²³⁹. Если на локальном уровне, в Тибете или Синьцзяне, генетическому учёту подлежало всё население этих провинций, то на общекитайском уровне образцы-ДНК собирались только у мужского населения: менее затратный, но сопоставимый по эффективности метод, посредством которого возможно создать генетическое древо семьи. Крупнейшие китайские компании (Beijing Highershine Biotechnology, Microread Genetics, Yuanqi Technology и др.) обеспечивали материально-техническую реализацию проекта. К 2020 году удалось собрать генетическую коллекцию 5-10 % процентов всего населения Китая, охватывающую жителей 22 провинций²⁴⁰.

Итак, данный кейс демонстрирует реальный вариант создания единой системы безопасности, интегрирующей тактики высокотехнологичного контроля, скрытого управления и селективного подавления, что, в свою очередь, иллюстрирует возможный вариант институционализации репрессивного механизма постиндустриального тоталитаризма.

На основе анализа рассмотренных выше примеров реализации тактик высокотехнологичного контроля, скрытого управления и селективного подавления, а также других актуальных антидемократических тенденций, характерных для современного Китая, удалось эксплицировать специфику государственно-корпоративной формы постиндустриального тоталитаризма, характеризующуюся доминированием политических элит в рамках нового технократического класса, объединяющего корпоративные и политические элиты. Это задаёт отличительные особенности данной формы постиндустриального тоталитаризма, в частности важную роль элементов открытого принуждения как при становлении институтов государственной-корпоративной формы тоталитаризма, так и при её функционировании. К примеру, в процессе первоначального сотрудничества государственных структур и частных компаний

²³⁹ Ibid.

²⁴⁰ Ibid.

преобладают прямые (административные), а не косвенные (финансовые) способы интенсификации их взаимодействия. В то же время при реализации эксплицированных выше тактик высокотехнологичного контроля, скрытого управления и особенно селективного подавления относительно высоким остаётся уровень непосредственного принуждения в сравнении с корпоративно-государственной формой постиндустриального тоталитаризма. Отчасти это можно объяснить традиционной опорой политических элит на государственный аппарат насилия, которое, как отмечал М. Вебер, «...не является нормальным или единственным средством государства, об этом нет и речи, но оно, пожалуй, специфическое для него средство»²⁴¹. Поэтому маловероятно, что элементы открытого принуждения будут полностью редуцированы как в рамках корпоративно-государственного или государственно-корпоративного постиндустриализма, так и в любой другой общественно-политической системе. В то же время степень открытого принуждения выступает в качестве одной из «переменных», дифференцирующих два типа постиндустриального тоталитаризма. Предварительные варианты практической нейтрализации разворачивающейся корпоративно-государственной и государственно-корпоративных форм постиндустриального тоталитаризма представлены в следующем параграфе.

2.4. Альтернативный проект развития информационной цивилизации в условиях становления постиндустриального тоталитаризма

На основе рассмотренных кейсов были эксплицированы как общие признаки, отличающие постиндустриальный тоталитаризм от тоталитарных режимов индустриальной эпохи, так и выявлена специфика его корпоративно-государственной, а также государственно-корпоративной форм. В рамках постиндустриального тоталитаризма корпоративные и политические элиты

²⁴¹ Вебер М. Политика как призвание и политика // Власть и политика. М.: Рипол-Классик, 2017. С. 253.

постепенно объединяются в новый технократический класс, способный обеспечить тотальный контроль над основными сетевыми потоками, в которых обращаются оцифрованные экономические, социальные, культурные и иные капиталы, а также ключевыми коммуникационными каналами современного общества. В свою очередь, постиндустриальный уровень развития технологий позволяет неототалитарным элитам с высокой эффективностью блокировать альтернативные общественные проекты, реализация которых угрожает сложившемуся status quo. Таким образом, тенденция, присущая, по мнению Г. Маркузе, развитым технологическим обществам в прошлом столетии, в XXI веке выходит на новый уровень: «Очевидно, что современное общество обладает способностью сдерживать качественные социальные перемены, вследствие которых могли бы утвердиться существенно новые институты, новое направление производственного процесса и новые формы человеческого существования»²⁴².

При этом события последних лет указывают на экстенсификацию и интенсификацию вышерассмотренных на примере США и КНР антидемократических тенденций, в результате анализа которых были концептуализированы корпоративно-государственная и государственно-корпоративная формы постиндустриального тоталитаризма. Во-первых, пандемия COVID-19, первая вспышка которой была зарегистрирована в китайском городе Ухань, запустила ещё одну пандемию, в ходе которой тактики высокотехнологичного контроля, управления и подавления, обеспечивающие функционирование постиндустриального тоталитаризма, начали активно использоваться во многих странах мира: если теракты 11 сентября в США или протесты уйгуров в КНР послужили основанием для внедрения широкого спектра подобных технологий на локальном уровне, то мировое распространение коронавирусной инфекции запустило глобальный процесс их активной интеграции. Пандемия COVID-19 также выступила в качестве своеобразного

²⁴² Маркузе Г. Одномерный человек. С. XIV.

полигона для тестирования частными компаниями и государственными структурами как существующих, так и новейших инструментов контроля. К примеру, многоуровневый кризис, вызванный стремительным распространением коронавирусной инфекции во многих провинциях Китая, продемонстрировал недостатки некоторых региональных систем социального кредита²⁴³.

Во-вторых, усилилась конкуренция между крупнейшими американскими и китайскими IT-корпорациями, поддерживаемыми местными правительствами, за контроль над мировыми потоками персональных данных, а также за расширение экспорта собственных технологий контроля: борьба за сферы влияния в реальном мире всё чаще трансформируется в борьбу за инфраструктурную власть в цифровом пространстве. Как отмечают К. Шваб и Т. Маллере в своей книге «COVID-19: The Great Reset», геополитическую ситуацию в постпандемийный период можно охарактеризовать в качестве нового типа холодной войны между США и КНР²⁴⁴. В то же время, несмотря на обоюдную санкционную политику, на примере актуального этапа соперничества этих развивающихся постиндустриальных обществ можно проследить их глубокую взаимообусловленность, особенно в IT-сфере. Например, Китай, на который приходится более 80% мировой добычи руд редкоземельных металлов, необходимых для производства большинства оптических и электронных устройств, выступает для американских компаний крупнейшим поставщиком этого важнейшего ресурса²⁴⁵. С одной стороны, это демонстрирует глобальность экономических процессов в информационную эпоху, с другой — позволяет спрогнозировать потенциальное взаимодействие неототалитарных систем на мировой арене при их тенденции к международной экспансии. По-видимому,

²⁴³ Creemers R., Knight A. Going viral: The social credit system and COVID-19 // SSRN Electronic Journal. 2021. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3770208. Дата обращения: 13.02.2023.

²⁴⁴ Schwab K., Malleret T. COVID-19: The great reset. World Economic Forum, 2020. URL: <https://www.math.uwaterloo.ca/~ervrscay/TheGreatReset.pdf>. Дата обращения: 25.03.2023.

²⁴⁵ Кондратьев В. Б. Глобальный рынок редкоземельных металлов // Горная промышленность. 2017. № 4. С. 49.

реальная модель будет иметь много сходства с художественным миром романа «1984»: постоянная борьба между Океанией, Евразией и Остзией за спорные территории без ощутимых перспектив решительной победы одной из сторон²⁴⁶. При этом в условиях постиндустриального тоталитаризма основной ареной соперничества станет не реальное поле боя, что характерно как раз для тоталитарных режимов индустриальной эпохи, а противостояние в экономической и технологической сферах.

В-третьих, значительное ускорение бесконтрольного развития НТП, в частности технологий искусственного интеллекта. При этом фактическая монополизация этой сферы позволяет американским корпорациям из большой пятёрки GAFAM, а также их китайским BAT-конкурентам сохранять своё доминирование посредством поглощения менее крупных игроков и их инновационных стартапов. Так, корпорация Microsoft инвестирует несколько млрд долл. в популярную нейросеть ChatGPT, созданную компанией OpenAI, специализирующейся на разработке систем, воспроизводящих аналитические механизмы человеческого мозга с помощью алгоритмов искусственного интеллекта. Alphabet, Amazon и Meta (признана экстремистской и запрещена в России) также намерены упрочить своё экономико-технологическое господство. Важность этой гонки понимают и политические элиты: летом 2017 года Государственный совет КНР анонсировал план, согласно которому будет выделено 150 млрд долл. на развитие технологий ИИ, чтобы обеспечить мировое лидерство Китая в этой сфере к 2030 году²⁴⁷. По мнению А. В. Фененко, именно развитие ИИ делает возможным тотальную реализацию неототалитарного проекта: «Появление ИИ кардинально меняет ситуацию. Уже современный слабый уровень их развития делает гипотетический тоталитаризм более похожим на тоталитарные

²⁴⁶ Оруэлл Дж. 1984. С. 162.

²⁴⁷ Qiang X. The road to digital unfreedom ... P. 63.

антиутопии, чем тоталитарные режимы прошлого века»²⁴⁸. Использование подобных технологий в будущем позволит подавлять флуктуирующие элементы системы и блокировать оппозиционные инициативы с невиданной прежде в истории эффективностью. Следовательно, значительно усложнится и поиск альтернатив утвердившемуся status quo: «Чем более рациональным, продуктивным, технически оснащенным и тотальным становится управление обществом, тем труднее представить себе средства и способы, посредством которых индивиды могли бы сокрушить свое рабство и достичь собственного освобождения»²⁴⁹.

При этом важно отметить как амбивалентность технологий в целом, так и высокотехнологичных инструментов контроля в частности. Это утверждение подтверждается опытом борьбы с пандемией COVID-19, в рамках которой они сыграли существенную роль в эффективной реализации антиковидных программ как локальном, так и на глобальных уровнях. Тезис о технологической амбивалентности возвращает нас к теме постиндустриального тоталитаризма как проекта, репрезентирующего лишь один из возможных векторов развития информационной цивилизации. Поэтому, несмотря на экстенсификацию и интенсификацию неототалитарных тенденций в XXI веке, следует возобновить поиск исторических альтернатив постиндустриальному тоталитаризму. Тем более, что у человечества есть опыт противодействия тоталитаризму индустриальному.

Перед началом активного поиска альтернатив следует чётко эксплицировать проблему складывающегося постиндустриального тоталитаризма, чему отчасти и посвящена данная диссертация. Это задача имеет особое значение в настоящее время, так как первоначальный этап формирования неототалитарных тактик и институтов был по большей мере упущен как академическим сообществом, так и гражданским обществом. Одна из причин — абсолютизация положений

²⁴⁸ Фененко А. В. Информационный тоталитаризм. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/informatsionnyy-totalitarizm/>. Дата обращения: 25.03.2023.

²⁴⁹ Маркузе Г. Одномерный человек. С. 32.

классической теории тоталитаризма, в частности утверждения ключевой роли централизованной командной экономики, террористической полиции, единственной массовой партии, возглавляемой одной личностью, всеобъемлющей идеологии в становлении и функционировании тоталитарных систем²⁵⁰. Хотя указанная позиция справедлива для индустриальной эпохи и репрессивных общественно-политических режимов первой половины XX века, она теряет свою актуальность в условиях «текучей» современности. Некритическое принятие классических маркеров тоталитарности сфокусировало экспертное и общественное внимание на тоталитарной угрозе, традиционно исходящей от национальных государств, а не на значительном тоталитарном потенциале современных транснациональных корпораций: постоянная апелляция к знакомому «тоталитарному синдрому» затруднила диагностику нового патологического состояния, развивающегося в условиях становления информационной цивилизации. Более того, предельная имплицитность, рассеянность и ризомность неототалитарных тактик значительно усложняет их адекватную интерпретацию. Как отмечал З. Бауман, в качестве основных приемов власти в современную эпоху выступает бегство, пропуск, сокращение и отступление²⁵¹. В свою очередь, значительная децентрализация современных технологически развитых обществ на мезо- и микроуровнях маскируют их существенную централизацию на макроуровне как в экономической, так и политической сферах. Скрытой остаётся и всё более тесное сотрудничество корпоративных и политических элит, объединяющихся для сохранения сложившегося status quo. После экспликации проблемы становления постиндустриального тоталитаризма в условиях развития информационного общества возникает вопрос: как блокировать реализацию этого неототалитарного проекта? Чтобы дать корректный ответ, от которого зависят конкретные практические действия, необходимо учесть тотальный характер разворачивающегося постиндустриального тоталитаризма. Поэтому этот вопрос

²⁵⁰ Игрицкий Ю. П. Фридрих К., Бжезинский Зб. Тоталитарная диктатура и автократия. С. 87.

²⁵¹ Бауман З. Текучая современность. С. 18.

нельзя решить в частном порядке, например, устанавливая VPN на свой гаджет для противодействия процессам высокотехнологичного контроля, скрытого управления и селективного подавления. *Постиндустриальный тоталитаризм — это коллективная, а не индивидуальная проблема.* И, соответственно, решить её можно только на коллективном уровне. Поэтому изменение законодательства — важный элемент её практического решения.

Как было отмечено ранее, одним из важных факторов становления постиндустриального тоталитаризма является монополизация ИТ-сферы, вследствие которой крайне ограниченный круг корпораций может централизованно регулировать основные сетевые потоки и контролировать ключевые коммуникационные каналы. В свою очередь, первые антимонопольные законодательства появились в качестве правовой реакции на небывалый рост капитала и концентрацию ресурсов после второй промышленной революции, детерминировавшей фундаментальные изменения не только в экономике, но и других общественных сферах. В условиях третьей и надвигающейся четвертой технологической революции существующие законодательства, адаптированные под индустриальную эпоху, не справляются с агрессивными стратегиями и гибкими бизнес-моделями цифровых корпораций, что позволяет им практически беспрепятственно утверждать своё экономико-технологическое господство в XXI веке. В связи с этим актуализация антимонопольного законодательства представляется логичным способом для борьбы с ИТ-гигантами, которые угрожают не только конкурентной экономике, но и демократическому развитию современных технологически развитых обществ. В данном контексте показателен пример европейских стран, оказавшихся под экономико-технологическим натиском американских, а в последние годы и китайских ИТ-гигантов. Из-за слабого развития собственной цифровой и сетевой инфраструктуры они оказались в многоуровневой зависимости от корпораций из Силиконовой долины (главным образом GAFAM), что позволило этим компаниям установить контроль над значительной частью европейский сетевых потоков и коммуникационных каналов.

Основные попытки изменения сложившегося status quo предпринимались руководством Европейского союза в правовом поле. Так, в 2018 году в результате длительного антимонопольного расследования Еврокомиссия оштрафовала холдинг Alphabet, материнскую компанию Google, на несколько млрд долл. за злоупотребление своим доминирующим положением.

В то же время актуализация антимонопольного законодательства выступает в качестве первого этапа законодательной нейтрализации разворачивающегося постиндустриального тоталитаризма. Далее необходимо обеспечить комплексную правовую защиту персональных данных — нематериального ресурса, необходимого для функционирования и совершенствования неототалитарных тактик контроля, управления и подавления. Поэтому следует согласиться с исследовательницей С. Хоффман, которая на основе своего анализа актуальных антидемократических тенденций в КНР рекомендовала правительствам Западных стран ужесточить законодательство в сфере защиты персональных данных²⁵². Вступление в силу в мае 2018 года Общего регламента по защите данных (GDPR) — важный шаг Европейского союза на пути к защите персональных данные граждан от их незаконного использования корпорациями, в том числе и неевропейскими. Однако, по замечанию Ш. Зубофф, такие американские IT-корпорации как Google / Alphabet и Facebook / Meta (признана экстремисткой и запрещена на территории России) продолжают доминировать в Европе, активно пользуясь существующими правовыми лакунами, а также задействуя могущественное лобби для продвижения частных интересов в государственных органах разного уровня²⁵³. Таким образом, лоббизм выступает в качестве ещё одного косвенного пути сближения корпоративных и политических элит, который в XXI веке обретает глобальные очертания. После актуализации антимонопольного

²⁵² Hoffman S. Social credit. Technology-enhanced authoritarian control with global consequences. Policy Brief. Report № 6. 2020. URL: <https://www.aspi.org.au/report/social-credit>. Дата обращения: 26.03.2023.

²⁵³ Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. С. 630.

законодательства и ужесточения мер по защите персональных данных, следует перейти к третьему этапу — созданию нормативно-правовой и материально-технической базы для развития гражданской платформизации. На этом настаивает и исследовательница Х. ван Дейк, предлагая европейским властям перейти от тактических регулятивных политик к стратегическому развитию собственной независимой и открытой экосистемы, которая объединила бы различные цифровые платформы²⁵⁴.

Согласно Н. Срничеку, платформы — это цифровые инфраструктуры, позволяющие двум или более группам взаимодействовать, поэтому они выступают в качестве посредников, соединяющих различных пользователей²⁵⁵. В сетевом пространстве современных технологически развитых обществ подавляющее большинство различных платформ контролируются или частными компаниями, или государственными структурами. В возможной ситуации постиндустриального тоталитаризма тотальный контроль как над цифровыми платформами, так и над процессом платформизации позволит новому технократическому классу герметизировать актуальный политический дискурс, а также эффективно нейтрализовывать альтернативные инициативы. Поэтому особое значение сейчас имеет создание нормативно-правовой и материально-технической базы для развития независимых цифровых платформ в качестве инфраструктурной основы гражданского общества — силы, способной реализовать альтернативные проекты общественного развития. Гражданская платформизация в идеале позволит гражданам контролировать ключевые сетевые потоки, а также создаст пространство для открытого, независимого, приватного и прозрачного дискурса — цифровую версию публичной сферы, предыдущие этапы становления

²⁵⁴ Dijk V. J. Seeing the forest for the trees: Visualizing platformization and its governance // *New Media & Society*. 2020. Vol. 23. № 9. <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1461444820940293>. Дата обращения: 26.03.2023.

²⁵⁵ Срничек Н. Капитализм платформ. С. 41.

которой были осмыслены Ю. Харбемасом²⁵⁶. В свою очередь, развитие технологий, устройств и приложений, обеспечивающих социальное взаимодействие в Интернете, влияет на формирование исторически нового типа коммуникации — самокоммуникации, дополняющей традиционную межличностную и массовую коммуникацию²⁵⁷. Современные технологии позволяют индивидуальным и коллективным социальным акторам автономно продуцировать коммуникации, которые мгновенно достигают различных аудиторий, в том числе и на глобальном уровне. Таким образом, Интернет оказывается важнейшим коммуникационным медиумом в условиях становления информационного общества. Однако, как отмечает М. Кастельс: «Но он подвергается, как и все остальное в нашем мире, непрерывному давлению со стороны двух главных источников доминирования, все еще угрожающих нашему существованию, — со стороны капитала и государства»²⁵⁸. Это хорошо заметно на примере социальных сетей — важнейших самокоммуникативных платформ XXI века, имеющих важнейшее значение для открытого обсуждения и публичной координации различных гражданских инициатив. С одной стороны, социальные сети предстают предельно доступными и открытыми на пользовательском уровне, с другой — остаются максимально герметичными на системном и архитектурном уровнях. Следовательно, критически важно обеспечить их организационный и институциональный плюрализм, учитывая, что к январю 2023 года в мире насчитывалось около 4,76 млрд активных пользователей социальных сетей²⁵⁹. Таким образом, развитие независимых цифровых платформ, современных агор информационной эпохи, не только содействует нейтрализации неототалитарных тенденций, но и способствует объективации его исторической

²⁵⁶ Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества. М.: Издательство «Весь мир», 2016. 344 с.

²⁵⁷ Кастельс М. Власть коммуникации. С. 102.

²⁵⁸ Там же. С. 168.

²⁵⁹ Digital 2023. Global Overview Report. The essential guide to the world's connected behaviors. URL: <https://wearesocial.com/blog/2023/01/the-changing-world-of-digital-in-2023/>. Дата обращения: 23.03.2023.

альтернативы — проекта постиндустриальной демократии. Если в случае постиндустриального тоталитаризма основные сетевые потоки и коммуникационные каналы регулируются корпорациями и государством, сливающимися в новый технократический класс, то в ситуации постиндустриальной демократии большинство сетей контролируется именно гражданским обществом. В свою очередь, посредством цифровых, сетевых и виртуальных технологий может быть достигнута реальная, а не формальная как в случае корпоративно-государственной и государственно-корпоративной форм постиндустриального тоталитаризма, децентрализация большинства общественных процессов, а также обеспечены условия для объективного информирования и активного участия широких слоёв населения в политических процессах на всех уровнях, включая муниципальный, региональный, национальный и международный. Итак, для нейтрализации неототалитарных тенденций и объективации его исторической альтернативы — проекта постиндустриальной демократии предлагается реализовать следующие комплексные меры:

– *Информационно-исследовательские*: проанализировать проблему формирования постиндустриального тоталитаризма, а также эксплицировать её для широких групп населения.

– *Правовые*: реализовать поэтапную актуализацию законодательства в сфере антимонопольного регулирования, а также защиты персональных данных.

– *Инфраструктурные*: обеспечить создание и функционирование открытых информационных ресурсов и независимых цифровых платформ как ключевых виртуальных площадок для обсуждения и координации гражданских инициатив.

– *Институциональные*: перейти к активному развитию ключевых цифровых институтов постиндустриальной демократии, включая процессы транспарентного электронного голосования и сетевого контроля за законодательными, исполнительными и судебными органами.

Б. П. Вышеславцев на страницах своей книги «Кризис индустриальной культуры» приходит к следующему выводу: «Что же вытекает из этих априорных социально-философских соображений? Вытекает следующее: технократическая тенденция, несомненно присутствующая в современном индустриализме, должна уступить место демократической тенденции, тоже, несомненно, присутствующей в нем»²⁶⁰. К схожему выводу приходит и автор данного исследования: стремительное развитие НТП создаёт материально-техническую базу для тотальной реализации как проекта постиндустриального тоталитаризма, так и проекта постиндустриальной демократии, полномасштабное осуществление которого сделает современные общества более безопасными, открытыми и свободными. Однако каким именно будет цифровое будущее зависит только от нас — людей, живущих в XXI веке.

²⁶⁰ Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. С. 267.

Заключение

В ходе текущей работы, посвящённой социально-философскому анализу проблемы тоталитаризма в информационном обществе, автору приходилось постоянно лавировать между Сциллой конспирологии и Харибдой футурологии. Безопасный путь освещал ориентир научного знания, хотя следование ему было в некоторой степени осложнено спецификой выбранной темы: тоталитаризм — «блуждающий феномен», как его охарактеризовал отечественный историк В. И. Михайленко, который возможно уловить только сквозь правильно подобранную методологическую призму²⁶¹. Поэтому поиск адекватного теоретико-методологического подхода стал ключевой задачей исследования, результаты которого изложены на страницах этой диссертации.

Становление информационного общества сопровождается усилением антидемократических тенденций во многих странах мира. Для их практической нейтрализации следует определить политико-онтологический статус данных тенденций: являются ли они изолированными абберациями всеобщей демократизации, которая стала возможной благодаря стремительному развитию ИТП, или же представляют собой симптомы формирования новейшей недемократической общественно-политической системы? Гипотеза текущего исследования построена на предположении о том, что актуальные антидемократические тенденции могут указывать на становление новейшего типа тоталитаризма, значительно отличающегося от тоталитарных режимов, существовавших в индустриальную эпоху. В соответствии с заявленной целью работы — проведением социально-философского анализа современного типа тоталитаризма, становление которого происходит в условиях развития информационного общества, в тексте диссертации можно выделить две части: теоретическую (первая глава), посвящённую критическому рассмотрению

²⁶¹ Михайленко В. И. Современные исследования тоталитаризма. С. 182.

интерпретаций тоталитаризма прошлого и текущего столетий, а также выработке адекватной методологии. И практическую (вторая глава), в рамках которой обозначенный в первой главе теоретико-методологический подход используется для анализа антидемократических тенденций XXI века. Во второй главе были также обозначены предварительные меры, посредством реализации которых возможно блокировать осуществление проекта постиндустриального тоталитаризма и перейти к его исторической альтернативе — проекту постиндустриальной демократии.

В первом параграфе первой главы были систематизированы и тезисно рассмотрены основные интерпретации тоталитаризма, созданные различными исследователями на протяжении XX века. В основе представленной в диссертации периодизации лежит переосмысленная и актуализированная классификация, разработанная Л. Д. Гудковым в начале 2000-х годов. Шесть выделенных хронологических этапов развития трактовок тоталитаризма непосредственным образом коррелируют с реальными процессами генезиса, функционирования и распада репрессивных общественно-политических систем, осмысляемых с их помощью. Затем была эксплицирована социальная природа тоталитарных режимов прошлого столетия, а именно их непосредственная связь с социально-экономическими особенностями индустриального общества. На основе чего был сделан вывод о том, что формирование тоталитарных режимов, историческое время которых пришлось на период «короткого XX века», не только хронологически совпадает с эрой индустриализма, но также имеет казуальную связь с технологическим и институциональным развитием индустриального общества. Поэтому интерпретации тоталитаризма, в рамках которых анализируются тоталитарные режимы прошлого столетия, были охарактеризованы в качестве теорий индустриального тоталитаризма.

Во втором параграфе первой главы были систематизированы и тезисно рассмотрены современные трактовки неототалитаризма, авторы которых

указывают на становление в XXI веке новейшей формы тоталитаризма, ключевые признаки которой, в свою очередь, обуславливаются структурными особенностями информационных обществ. Рассмотренные трактовки неототалитаризма были условно разделены на три основные группы: технологическую, экономическую и идеологическую. В качестве основания для их классификации был выбран критерий авторской трактовки определенного фактора как основной причины развёртывания неототалитаризма. После анализа специфики каждой группы интерпретаций, разобранных на примере конкретных трактовок неототалитаризма («информационный тоталитаризм» А. В. Фененко, «перевернутый тоталитаризм» Ш. Волина, «либеральный тоталитаризм» З. Видоевича»), были определены их общие особенности: теоретическое сближение современных *totalitarianism studies* и *surveillance studies*, вызванное пересечением их предметных областей; отсутствие комплексного подхода, который бы объединял технологические, экономические и идеологические интерпретации в рамках единой концепции; недостаточная проработка теоретико-методологического аппарата, провоцирующая многоуровневые противоречия при анализе актуальных антидемократических тенденций.

В третьем параграфе первой главы был обозначен теоретико-методологический подход для анализа актуальных антидемократических тенденций, который позволил снять эксплицированные противоречия и заложить основу для создания комплексной трактовки неототалитаризма, интегрирующей ключевые идеи технологических, экономических и идеологических интерпретаций. Прежде всего была определена ключевая причина противоречивости перечисленных трактовок: авторы современных интерпретаций неототалитаризма не выходят за концептуальные рамки парадигмы классической теории тоталитаризма, основные положения которой были сформулированы Х. Арндт, К. Фридрихом и Зб. Бжезинским в середине XX века. Если тоталитарные режимы прошлого столетия представляют собой сложные общественно-политические явления индустриальной эпохи, то неототалитарные

системы, генезис и развитие которых приходится на XXI век, — феномены информационной цивилизации. Поэтому использование теоретико-методологического аппарата классической концепции тоталитаризма, адаптированного под анализ тоталитарных режимов индустриального типа, для изучения актуальных антидемократических тенденций приводит к многоуровневым противоречиям, блокирующим возможность создания эффективной объяснительной модели. На основе этого вывода была показана необходимость перехода к иному теоретико-методологическому подходу, содержащему не только количественный, но и качественный пересмотр традиционных положений, в частности ревизию основной идеи, концептуально фундирующей классическую теорию, — понимания тоталитаризма как политического режима репрессивного типа, движущей силой которого выступают массовые тоталитарные движения. Затем было обосновано обращение к неклассической теории тоталитаризма как подходу, в рамках которого возможно осуществить адекватную интерпретацию актуальных демократических тенденций. Так, Г. Маркузе понимал тоталитаризм не столько в качестве репрессивных политических режимов по типу Третьего рейха, а, скорее, как систему тотального технологического и экономического господства, через которую политические элиты способны подавлять альтернативные проекты развития общества, сохраняя при этом видимость функционирования демократических институтов. Неклассическая интерпретация тоталитаризма была дополнена концепциями «надзорного капитализма» Ш. Зубофф, «общества контроля» Ж. Делёза, «сетевого общества» и «коммуникационной власти» М. Кастельса.

В первом параграфе второй главы обозначенный в первой главе теоретико-методологический подход использовался для анализа общих антидемократических тенденций в контексте гипотезы о становлении новейшей формы тоталитаризма в условиях развития информационного общества.

Были определены ключевые факторы, способствующие становлению новейшей формы тоталитаризма. Среди них можно выделить: институционализацию современной версии капитализма; бесконтрольное развитие цифровых, виртуальных и компьютерных технологий; стремительную монополизацию IT-сферы; ультраиндивидуализм и значительную аполитичность широких слоёв населения; слияние корпоративных и государственных элит, в результате чего формируется новый технократический класс, способный реализовывать тотальный контроль над ключевыми сетями и коммуникационными каналам. Также были эксплицированы ключевые особенности, отличающие разворачивающуюся форму тоталитаризма от тоталитарных режимов индустриальной эпохи: опора на рыночную, а не командную модель экономики; селективное подавление, а не массовый террор; манипулирование сознанием, а не насилие над телом; постепенные социальные изменения, а не радикальные общественные перемены; декларируемый плюрализм, а не законодательное утверждение монополии партии-гегемона; международная универсальность частных компаний, а не изолированность национальных государств; корпоративная обезличенность, а не персональный культ вождя; радикальная деполитизация масс, а не их перманентная мобилизация для реализации тоталитарных проектов; адаптивная утилитарность, а не догматическая идеологичность. Затем было дано предварительное определение новейшей формы тоталитаризма, становление которой происходит в условиях развития информационного общества. Постиндустриальный тоталитаризм — это социетально-технологическая система, управляемая объединившимися корпоративными и политическими элитами, осуществляющими тотальный контроль над ключевыми сетевыми потоками и коммуникационными каналами, а также блокирующими альтернативные проекты общественного развития для поддержания сложившегося status quo.

Во втором параграфе второй главы были рассмотрены три реальных антидемократических кейса из современной социально-политической жизни США:

комплексное взаимодействие АНБ с частными IT-корпорациями при создании высокотехнологичных систем контроля, данные о функционировании которых были впервые обнародованы в 2014 году; масштабные веб-кампании по манипуляции мнениями избирателей во время выборов президента США в 2016 году; массовая блокировка цифровых аккаунтов членов республиканской партии и сторонников Д. Трампа в крупнейших американских социальных сетях в 2018 году. На основе их анализа была концептуализирована корпоративно-государственная форма постиндустриального тоталитаризма, характеризующаяся доминированием корпоративных элит в рамках нового технократического класса, объединяющего корпоративные и политические элиты. Были эксплицированы отличительные особенности данной формы постиндустриального тоталитаризма, в частности была отмечена существенная редукция элементов открытого принуждения как при становлении системы корпоративно-государственного тоталитаризма, так и при её функционировании. В свою очередь, уровень открытого принуждения понимается в качестве одной из «переменных», дифференцирующих два типа постиндустриального тоталитаризма: его корпоративно-государственную и государственно-корпоративную форму.

В третьем параграфе второй главы были рассмотрены три реальных антидемократических кейса из современной социально-политической жизни КНР: национальный проект фильтрации данных в Интернете «Золотой щит», реализация которого началась в 1998 году; создание централизованной системы социального кредита, разработка которой продолжается с середины 2014 года; внедрение комплексной системы безопасности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая после массовых беспорядков 2009 года. На основе их анализа была концептуализирована государственно-корпоративная форма постиндустриального тоталитаризма, характеризующуюся доминированием политических элит в рамках нового технократического класса, объединяющего корпоративные и политические элиты. Были эксплицированы отличительные особенности данной формы постиндустриального тоталитаризма, в частности была отмечена важная роль

элементов открытого принуждения как при становлении системы государственно-корпоративного тоталитаризма, так и при её функционировании.

В четвертом параграфе второй главы «Альтернативный проект развития информационной цивилизации в условиях становления постиндустриального тоталитаризма» были обозначены предварительные варианты нейтрализации проекта постиндустриального тоталитаризма, а также перехода к его цивилизационной альтернативе — проекту постиндустриальной демократии. Прежде всего было показано, что постиндустриальный тоталитаризм — это коллективная, а не индивидуальная проблема. И, соответственно, решена она может быть только коллективном уровне. Были предложены следующие меры: информационно-исследовательские — комплексный анализ проблемы формирования постиндустриального тоталитаризма, а также её экспликация для широких групп населения; правовые — реализация поэтапной актуализации законодательства в сфере антимонопольного регулирования и защиты персональных данных; инфраструктурные — обеспечение создания и функционирования открытых информационных ресурсов и независимых цифровых платформ как ключевых виртуальных площадок для обсуждения и координации гражданских инициатив; институциональные — переход к активному развитию ключевых цифровых институтов постиндустриальной демократии, включая процессы транспарентного электронного голосования и сетевого контроля за законодательными, исполнительными и судебными органами.

В завершении следует добавить несколько общих комментариев, проясняющих некоторые аспекты проведенного в данной работе анализа.

Во-первых, слово «постиндустриальный» в предложенном термине «постиндустриальный тоталитаризм» было выбрано для того, чтобы подчеркнуть фундаментальную взаимосвязь между спецификой новейшей формы тоталитаризма и особенностями современной постиндустриальной цивилизации. Следуя этой же логике, теории тоталитаризма прошлого столетия, как было

отмечено ранее, были охарактеризованы в качестве «теорий индустриального тоталитаризма».

Во-вторых, после прочтения диссертации может сложиться впечатление, что её автор последовательно придерживался технологического детерминизма как ключевой теоретико-методологической установки. Однако это не так: указывая на риск неототалитарного сценария в результате бесконтрольного развития НТП, автор не абсолютизирует технологический фактор. Не теряют своего значения и иные процессы, влияющие на развёртывание постиндустриального тоталитаризма: к примеру, постепенный упадок этики хакерства, особенности которой были эксплицированы П. Химаненом.

В-третьих, постиндустриальная демократия и постиндустриальный тоталитаризм — два предельных полюса социально-политического развития в информационную эпоху. В связи с этим существование смешанных систем, которые традиционно осмысляются исследователями в качестве «авторитарных», представляется вполне логичным. Поэтому одним из важных векторов будущих исследований является прояснение специфики новейшей формы авторитаризма, на основании чего возможна его дифференциация от тоталитаризма постиндустриального типа.

При этом важно понимать, что как постиндустриальная демократия, так и постиндустриальный авторитаризм и тоталитаризм — это идеальные типы, репрезентирующие возможные проекты общественно-политического развития, которые могут стать реальность только вследствие коллективного выбора современных людей. Как писал Г. Маркузе в «Одномерном человеке»: «Проект — результат определенного выбора, схватывания одного из многих путей познания, организации и преобразования действительности. Этот первоначальный выбор и определяет спектр возможностей, открывающихся на этом пути, а также

исключает альтернативные, с ним несовместимые возможности»²⁶². Этот выбор и определит каким будет цифровое будущее как отдельных стран, так и всего человечества.

Итак, обозначенные во введении задачи представляются решенными, а заявленная цель диссертации достигнутой. Главное, что исследование, осуществленное в рамках данной работы, способствует развенчанию опасного мифа о тоталитаризме как страшной трагедии прошлого, повторение которой невозможно в будущем.

²⁶² Маркузе Г. Одномерный человек. С. 288.

Список источников и литературы

Русский

1. Аверинцев С. С. «Великий инквизитор» с точки зрения *advocatus diaboli* // София — Логос: Словарь. К.: Дух и Литера, 2000. С. 320–323.
2. Аверинцев С. С. Преодоление тоталитаризма как проблема: попытка ориентации // Новый мир. 2001. № 9. С. 144–150.
3. Агамбен Дж. *Homo Sacer*. Чрезвычайное положение. М.: Издательство «Европа», 2011. 148 с.
4. Агамбен Дж. Эпидемия показывает, как чрезвычайное положение стало нормой // Куда мы пришли? Эпидемия как политика. М.: Ноократия, 2022. 144 с.
5. Адорно Т. Исследование авторитарной личности. М.: Академия исследований культуры, 2001. 416 с.
6. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
7. Барков С. А. Неопределенность или тоталитаризм — сложный выбор человечества // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. № 4. С. 49–77.
8. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
9. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
10. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
11. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург: Издательство Уральского Университета, 2000. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/BODRIJAR/silent.txt>. Дата обращения: 04.03.2023.
12. Бутенко А. П. От коммунистического тоталитаризма к формированию открытого общества в России (политические и правовые проблемы). М.: Магистр, 1997. 47 с.
13. Вебер М. Власть и политика. М.: Рипол-Классик, 2017. 432 с.
14. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

15. Видоевич З. Либеральный тоталитаризм // Социологические исследования. 2007. № 12. С. 39–49.
16. Вышеславцев Б. П. Кризис индустриальной культуры. Нью-Йорк: Chalidze publications, 1982. 350 с.
17. Гаджиев К. С. Тоталитаризм как феномен XX века // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 3–25.
18. Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011. 352 с.
19. Горбачев М. С. Жизнь и реформы, в 2-х т. Т. 1. М.: «Новости», 1995. 600 с.
20. Грациози А. Война и революция в Европе 1905–1956. М.: РОССПЭН, 2005. 288 с.
21. Гринвальд Г. Негде спрятаться. Эдвард Сноуден и зоркий глаз Дядюшки Сэма. СПб: Питер, 2015. 320 с.
22. Гриффитс Дж. Великий китайский Файрвол. М.: Эксмо, 2022. 464 с.
23. Гудков Л. Д. «Тоталитаризм» как теоретическая рамка: попытки ревизии спорного понятия // Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 362–446.
24. Гудков Л. Д. Вторичный тоталитаризм // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2018. № 3–4. С. 207–257.
25. Давыдов Ю. Н. Тоталитаризм и техника (Власть техники и технология власти) // Полис. Политические исследования. 1991. № 4. С. 21–34.
26. Даренский В. Ю. Тоталитаризм как экзистенциальный феномен // Гуманитарный вектор. 2014. № 3. С. 122–129.
27. Делёз Ж. Post Scriptum к обществам контроля // Переговоры. СПб.: Наука, 2004. С. 226–233.
28. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
29. Ефанова Е. В. Социальные медиа в американской публичной политике (на примере социальной сети Twitter) // Вестник ВолГУ. 2020. Серия 4. Т. 25. № 3. С. 172–179.

30. Заклязьминская Е. О. Стратегическое планирование ключевых направлений науки и техники Китая в 14-й пятилетке (2021–2025 гг.) // Новые горизонты экономики КНР в 14-й пятилетке (2021–2025). Рос. акад. наук, Ин-т Китая и совр. Азии. М.: ИКСА РАН, 2022. С. 27–41.
31. Замятин Е. И. Мы. Повести. Рассказы. М.: Дрофа, 2010. 368 с.
32. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 784 с.
33. Игрицкий Ю. И. Тоталитаризм вчера, сегодня... завтра? // Полис. Политические исследования. 1998. № 4. С. 181–190.
34. Ильин И. А. Наши задачи. Т. 1–2. М.: Айрис-пресс, 2008. Т.1.–515 с. Т.2.–507 с.
35. Калоева Е. Б. Рецензия на: З. Видоевич. Неототалитаризм при постсоциализме — возможен ли он? // Россия и современный мир. 1998. № 3. С. 125–133.
36. Кара-Мурза А. А. Большевизм и коммунизм: интерпретации в русской культуре. URL: <https://indem.ru/PUBLICATION/TrudiFI/RM/8/Kara-Murza.%20BolshevismRMv8s67-87.pdf> (дата обращения: 18.02.2023).
37. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Издательский дом ВШЭ, 2020. 591 с.
38. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
39. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
40. Климович А. П. Риски концентрации власти в эпоху искусственного интеллекта: между следящим капитализмом и цифровым левиафаном // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 154–169.
41. Кнорр-Цетина К., Брюггер У. Рынок как объект привязанности: исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках //

- Социология вещей. Сборник статей. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. С. 307–341.
42. Кондратьев В. Б. Глобальный рынок редкоземельных металлов // Горная промышленность. 2017. № 4. С. 48–54.
43. Кочесоков Р. Х. Феномен тоталитаризма. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1992. 104 с.
44. Кубедду Р. Либерализм, тоталитаризм и демократия. Политическая философия австрийской школы. М., Челябинск: Социум, 2020. 408 с.
45. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом ВШЭ, 2014. 384 с.
46. Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные ещё большими усложнениями // Логос. 2017. Т. 27. № 1. С. 173–200.
47. Лившиц М. С. Научный семинар по книге Х. Арндт «Истоки тоталитаризма» // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 224–230.
48. Линц Х. Тоталитарные и авторитарные режимы // Неприкосновенный запас. 2018. № 4. С. 16–62.
49. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
50. Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. 256 с.
51. Майер-Шенбергер В., Кукьер К. Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живём, работаем и мыслим. М.: «Манн, Иванов и Фербер», 2014. 240 с.
52. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: Relf-book, 1994. 368 с.
53. Мизес Л. Всемогущее правительство: тотальное государство и тотальная война. М: Социум, 2020. 472 с.
54. Михайленко В. И. Современные исследования тоталитаризма // Известия Уральского государственного университета. Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 86. С. 181–192.

55. Мороз Е. В. Американская историография тоталитаризма 1970-х годов // Вестник Кузбасского государственного университета. 2006. № 3. С. 160–164.
56. Нойманн Ф. Бегемот. Структура и практика национал-социализма 1933–1944. СПб: Владимир Даль, 2015. 592 с.
57. Орлов Б. С. Взгляд историка на проблему преодоления тоталитарного прошлого // Россия и современный мир. 1998. № 4. С. 45–55.
58. Оруэлл Дж. 1984. Скотный двор. М.: СЗКЭО, 2021. 360 с.
59. Пентленд А. Социальная физика. Как распространяются хорошие идеи: уроки новой науки. М.: Издательство АСТ, 2018. 351 с.
60. Поппер К. Ницета историцизма. М.: Издательская группа «Прогресс» — VIA, 1993. 187 с.
61. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1–2. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива». 1992. Т.1. – 448 с. Т.2. – 528 с.
62. Пугачев В. П. Глобалистский тоталитаризм — тренд развития цифрового общества // Свободная мысль. 2021. № 4. С. 5–16.
63. Пугачев В. П. Глобалистский тоталитаризм: Социальные мутации цифрового капитализма: формирование человека и манипулятивные технологии управления. М.: ЛЕНАНД, 2022. 232 с.
64. Пугачев В. П. Информационно-финансовый тоталитаризм: российский эксперимент по американскому сценарию // Вестник моск. ун-та, сер. 12. Политические науки. 1999. № 4. С. 3–32.
65. Раймон А. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993. 303 с.
66. Рормозер Г. К вопросу о будущем России // Вопросы философии. 1993. № 4. С. 15–23.
67. Сноуден Э. Личное дело. М.: Эксмо, 2019. 416 с.

68. Соловьев Э. Г. Концепция тоталитаризма в западной политологии: перманентный кризис или вечный поиск истины // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 1998. № 1. С. 3–20.
69. Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Издательский дом ВШЭ, 2021. 128 с.
70. Степун Ф. А. Большевизм и христианская экзистенция. Избранные сочинения. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 896 с.
71. Стурце Л. Тоталитарное государство // Политэкс. 2011. Т. 7. № 4. С. 1–20.
72. Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. Рук. авт. кол.: Я. С. Драбкин, Н. П. Комолова. М.: Памятники исторической мысли, 1996. 540 с.
73. Тоталитаризм как исторический феномен. Ред. А. А. Кара-Мурза, А. К. Воскресенский. М.: Философское общество СССР, 1989. 396 с.
74. Тоталитаризм — что это такое: сборник статей, обзоров, рефератов, переводов. Отв. ред. Л. Н. Верченев. М.: ИНИОН РАН, 1993. Ч. 1–214 с. Ч. 2–273 с.
75. Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы. Под ред. В. В. Марьиной. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. 286 с.
76. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 784 с.
77. Троцкий Л. Д. Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет? М.: RUGRAM, 2017. 172 с.
78. Умланд А. Теоретическая интерпретация фашизма и тоталитаризма в работах В. Виппермана // Социологический журнал. 2000. № 1-2. С. 208–213.
79. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект пресс, 2004. 400 с.
80. Фадеева В. Н. Феномен социальной инженерии в концепции К. Поппера // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2008. Т. 312. № 6. С. 107–110.

81. Фатенков А. Н. Цифровое общество: цивилизация на стадии «комфортной» тоталитарности // Век глобализации. 2022. № 1. С. 72–85.
82. Федотов Г. П. Защита России: статьи 1936–1940 гг. из «Новой России». Прага: YMCA-Press, 1988. 316 с.
83. Фененко А. В. Информационный тоталитаризм. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/informatsionnyu-totalitarizm/> (дата обращения: 18.02.2023).
84. Франк С. Л. Религиозно-исторический смысл русской революции // По ту сторону правого и левого. Париж: IMKA-PRESS, 1972. С. 14–38.
85. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2011. 288 с.
86. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
87. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148.
88. Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005. 386 с.
89. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества. М.: Издательство «Весь мир», 2016. 344 с.
90. Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: АСТ, 2017. 320 с.
91. Хаксли О. О дивный новый мир. М.: АСТ, 2021. 228 с.
92. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в XX веке. М.: РОССПЭН, 2003. 368 с.
93. Харламова Т. В. Социальные сети как инструмент современной политической власти (на материале микроблога Д. Трампа в Твиттере) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. Серия. Серия Филология. Журналистика. 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 396–402.
94. Хеджес К. Шелдон Волин и перевернутый тоталитаризм // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 147–153.
95. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Издательство Независимая Газета, 2004. 632 с.

96. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М., СПб.: Медиум Ювента, 1997. 312 с.
97. Четверикова О. Н. Цифровой тоталитаризм. Как это делается в России. М.: Книжный Мир, 2019. 320 с.
98. Что происходит с рынком, когда Трамп пишет в Твиттере: 7 ярких примеров. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/5d429da29a79476a1b54765b>. Дата обращения: 18.03.2023.
99. Шваб К., Девис Н. Технологии Четвёртой промышленной революции. М.: Эксмо, 2018. 320 с.
100. Щипков А. В. Три тоталитаризма: о состоянии идеологического пространства // Москва. 2013. № 11. С. 172–183.
101. Эткин А. М. Из измов в демократию: Айн Ранд и Ханна Арендт // Знамя. 2000. № 12. С. 161–181.

Английский

102. Al-Amoudi I. Lazega E. Introduction: Digital society techno-totalitarian matrix // Post-Human Institutions and Organizations. Confronting the Matrix. Routledge, 2021. P. 1–13.
103. Are all telephone calls recorded and accessible to U.S. government? URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2013/may/04/telephone-calls-recorded-fbi-boston>. Дата обращения: 18.03.2023.
104. Barriga A. C. The COVID-19 pandemic: yet another catalyst for governmental mass surveillance? // Social Sciences & Humanities Open. 2020. Vol. 2. Issue 1. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2590291120300851> Дата обращения: 18.02.2023.
105. Bongiovanni B., Rugman J. Totalitarianism: The Word and Thing // Journal of Modern History. 2005. Vol. 3. № 1. P. 5–17.
106. Borkenau F. The totalitarian enemy. London: Faber and Faber limited, 1940. 254 p.

107. Bramstedt E. K. Dictatorship and Political Police. The Technique of Control by Fear. Routledge, Trench, Trubner and Co, 1945. 275 p.
108. Burrowes R. Totalitarianism. The Revised Standard Version // World Politics. 1969. January. V. 21. H. 2. P. 272–293.
109. Chandel S., Jingij Z., Yunnan Y., Jingyao S., Zhipeng Z. The Golden shield project of China: a decade later — an in-depth study of the Great Firewall // International Conference on Cyber-Enabled Distributed Computing and Knowledge Discovery URL: <https://www.acsu.buffalo.edu/~yunnanyu/files/papers/Golden.pdf>. Дата обращения: 21.03.2023.
110. Chomsky N., Barsamian D. The Common Good. Odonian Press, 1998. 192 p.
111. Cliff T. The partnership of stability in Xinjiang: state–society interactions following the July 2009 unrest // The China Journal. 2012. № 68. P. 79–105.
112. Countries with the largest TikTok audience as of January 2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/1299807/number-of-monthly-unique-tiktok-users/>. Дата обращения: 21.03.2023.
113. Creemers R. China's Social Credit System: An Evolving Practice of Control. SSRN. Leiden University, 2018. 32 p.
114. Creemers R., Knight A. Going viral: The social credit system and COVID-19 // SSRN Electronic Journal. 2021. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3770208. Дата обращения: 13.02.2023.
115. Diamond L. The road to digital unfreedom: the threat of postmodern totalitarianism // Journal of Democracy. 2019. № 30. P. 20–24.
116. Digital 2023. China. The essential guide to the latest connected behaviors. URL: <https://wearesocial.com/cn/blog/2023/01/digital-2023/>. Дата обращения: 21.03.2023.
117. Digital 2023. Global Overview Report. The essential guide to the world's connected behaviors. URL: <https://wearesocial.com/blog/2023/01/the-changing-world-of-digital-in-2023/>. Дата обращения: 11.03.2023.

118. Digital 2023. The United States of America. The essential guide to latest connected behaviors. URL: <https://wearesocial.com/us/blog/2023/01/digital-2023/>. Дата обращения: 11.03.2023
119. Dijck V. J. Seeing the forest for the trees: Visualizing platformization and its governance // *New Media & Society*. 2020. Vol. 23. № 9. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1461444820940293>. Дата обращения: 26.03.2023.
120. Ebenstein W. *Today's Isms: Communism, Fascism, Capitalism, Socialism*. N.Y. Prentice-Hall, 1954. 191 p.
121. Filimowicz M. *Digital Totalitarianism: Algorithms and Society* (1st ed.). Routledge, 2022. 106 p.
122. Fléron F. Soviet Area Studies and the Social Sciences: Some Methodological Problems in Communist Studies // *Soviet Studies*. 1968. V. 19. № 3. P. 313–339.
123. Friedrich S., Brzezinski Z. *Totalitarian dictatorship and autocracy*. Cambridge: Harvard University Press, 1965. 439 p.
124. GCHQ taps fibre-optic cables for secret access to world's communications. URL: <https://www.theguardian.com/uk/2013/jun/21/gchq-cables-secret-world-communications-nsa>. Дата обращения: 18.03.2023.
125. Getting at GAFAM's Power: A Structural and Relational Framework. URL: <https://www.heliotropejournal.net/helio/gafams-power-in-society>. Дата обращения: 17.03.2023.
126. Google, Amazon, Meta, Apple, and Microsoft (GAMAM) — Statistics & Facts. URL: <https://www.statista.com/topics/4213/google-apple-facebook-amazon-and-microsoft-gafam/#topicOverview>. Дата обращения: 17.03.2023.
127. Gregor J. *Interpretations of fascism*. London: Routledge, 1997. 320 p.
128. Haggerty K., Ericson R. The surveillant assemblage // *British Journal of Sociology*. 2001. Vol. 51. № 4. P. 605–622.

129. Hayes J. H. The novelty of totalitarianism in the history of Western civilization // Proceedings of the American Philosophical Society. 1940. Vol. 82. № 1. P. 91–102.
130. Helbing D. Digital Fascism Rising? // Towards Digital Enlightenment. Essays on the Dark and Light Sides of the Digital Revolution. 2018. Springer. P. 99–102.
131. Hendricks V., Vestergaard M. Reality Lost. Markets of Attention, Misinformation and Manipulation. Spinger Open, 2019. 144 p.
132. Hoffman S. Social credit. Technology-enhanced authoritarian control with global consequences. Policy Brief. Report № 6. 2020. URL: <https://www.aspi.org.au/report/social-credit>. Дата обращения: 26.03.2023.
133. Hollander H. Observation on Bureaucracy, Totalitarianism, and the Comparative Study of Communism // Slavic Review. 1967. P. 302–307.
134. Kautsky J. Political Change in Underdeveloped Countries: Nationalism and Communism. New York: Wiley, 1962. 347 p.
135. Koselleck R. Futures past: On the Semantics on Historical Time. N. Y.: Columbia University Press, 2004. 317 p.
136. Kosinski M. Facial recognition technology can expose political orientation from naturalistic facial images // Scientific reports. 2021. Vol. 11. URL: <https://www.nature.com/articles/s41598-020-79310-1>. Дата обращения: 13.03.2023.
137. Kosinski M., Bachrach Y., Kohli P., Stillwell D., Graepel D. Manifestations of user personality in website choice and behavior on online social networks // Machine Learning. 2013. Vol. 95. № 3. P. 357–380.
138. Kosinski M., Wang Y. Deep neural networks are more accurate than humans at detecting sexual orientation from facial images // Journal of Personality and Social Psychology. 2018. Vol. 114. № 2. P. 246–257.
139. Kostka E., Xu X., Cao X. Information control and public support for social credit systems in China // The journal of politics. 2022. Vol. 84. Issue 4. P. 2230–2245.

140. Kostka G. China's social credit systems and public opinion: Explaining high levels of approval // *New Media & Society*. 2019. Vol. 21. Issue 7. P. 1565–1593.
141. Kostka G., Nahm J. Central-Local relations: recentralization and environmental governance in China // *The China Quarterly*. Cambridge University Press. 2017. Vol. 231. P. 567–582.
142. Leibold D., Dirks E. Genomic surveillance. Inside China's DNA dragnet. Australian Strategic Policy Institute. Policy Brief. № 34. 2020. URL: <https://www.aspi.org.au/report/genomic-surveillance>. Дата обращения: 23.03.2023.
143. Leibold J. Surveillance in China's Xinjiang region: ethnic sorting, coercion, and inducement // *Journal of contemporary China*. 2019. Vol. 29. Issue 121. P. 46–60.
144. Leibold J., Zenz A. Securitizing Xinjiang: police recruitment, informal policing and ethnic minority co-optation // *The China Quarterly*. London: Cambridge University Press. 2020. Vol. 242. P. 324–348.
145. Lerner M. *The Pattern of Dictatorship* // *Dictatorship in The Modern World*. University of Minnesota Press, 1939. P. 3–20.
146. Linz J.J. *An Authoritarian Regime. The case of Spain* // *Cleavages, Ideologies, and Party Systems*. Helsinki: Westermarck Society, 1964. P. 291–342.
147. Linz J.J. *Totalitarianism and Authoritarian Regimes*. Lynne Rienner Publishers, 2000. 343 p.
148. Lyon D. Surveillance, Snowden, and Big Data: Capacities, consequences, critique // *Big Data & Society*. 2014. P. 1–13.
149. Lyon D. *Pandemic Surveillance*. Cambridge: Polity, 2022. 176 p.
150. Lyon D. *Surveillance society. Monitoring everyday life*. Buckingham: Open University Press, 2001. 189 p.
151. Menell P. 2014: Brand Totalitarianism. *US Davis Law Review*. 2014. Vol. 47. № 3. P. 787–820.
152. Meyer A. *The Soviet political System: an interpretation*. N.Y.: Random House, 1965. 494 p.

153. Monthly active users of the leading apps in China in December 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/1032630/china-leading-apps-by-monthly-active-users/>. Дата обращения: 21.03.2023.
154. Naisbitt J. Megatrends: Ten new directions transforming our lives. N.Y.: Warner books, 1984. 333 p.
155. Neumann S. Permanent Revolution. Totalitarianism in the Age of International Civil War. London: Dunnow, 1965. 402 p.
156. NSA collecting phone records of millions Verizon customers daily. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/jun/06/nsa-phone-records-verizon-court-order>. Дата обращения: 18.03.2023.
157. Paic Z. The return of Totalitarianism: Ideology, Terror, and Total Control. Cham: Springer International Publishing AG, 2022. 225 p.
158. Pipes R. Russia under Bolshevik regime. New York: Knopf Doubleday Publishing Group, 1993. 608 p.
159. Qiang X. The Rise of China as a Digital Totalitarian State // New perspectives quarterly. 2018. Vol. 35. Issue 2. P. 37–39.
160. Qiang X. The road to digital unfreedom: President Xi's surveillance state // Journal of Democracy. 2019. Vol. 30. Issue 1. P. 53–67.
161. Rabinbach A. Moments of Totalitarianism // History and Theory. 2006. Vol. 45. № 4. P. 72–100.
162. Rambert R., Weinberg Z., Barradas D., Christin N. Chinese Wall or Swiss Cheese? Keyword filtering in the Great Firewall of China // International World Wide Web Conference Committee, 2021. URL: <https://www.andrew.cmu.edu/user/nicolasc/publications/Rambert-WWW21.pdf>. Дата обращения: 21.03.2023.
163. Revealed: 50 million Facebook profiles harvested for Cambridge Analytica in major data breach. URL: <https://www.theguardian.com/news/2018/mar/17/cambridge-analytica-facebook-influence-us-election>. Дата обращения: 18.03.2023.

164. Riesman D. Some Observations on the Limits of Totalitarian Power // The Antioch Review. Antioch Review Inc. 1952. Vol. 12. № 2. 155–168.
165. Schapiro L. Totalitarianism. London: The Pall Mall Press, 1972. 144 p.
166. Schwab K., Malleret T. COVID-19: The great reset. World Economic Forum, 2020. URL: <https://www.math.uwaterloo.ca/~ervrscay/TheGreatReset.pdf>. Дата обращения: 25.03.2023.
167. Surveillance camera statistics: which cities have the most CCTV cameras? URL: <https://www.comparitech.com/vpn-privacy/the-worlds-most-surveilled-cities/>. Дата обращения: 11.03.2023.
168. Talmon J. Origins of Totalitarian Democracy. Hassell Street Press, 2021. 392 p.
169. Ted Cruz using firm that harvested data on millions of unwitting Facebook users. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2015/dec/11/senator-ted-cruz-president-campaign-facebook-user-data>. Дата обращения: 18.03.2023.
170. The Android Administration. Google’s Remarkably Close relationship with the Obama White House. URL: <https://theintercept.com/2016/04/22/googles-remarkably-close-relationship-with-the-obama-white-house-in-two-charts>. Дата обращения: 17.03.2023
171. Total number of social media posts by members of the U.S. Congress in 2021, by platform. URL: <https://www.statista.com/statistics/958814/total-number-posts-per-platform-congress-members-usa/>. Дата обращения: 23.03.2023.
172. Traverso E. Totalitarianism between history and theory // History and Theory. 2017. Vol. 56. № 4. P. 97–118.
173. Trivium China: understanding China’s social credit system. 2019. URL: <https://socialcredit.triviumchina.com/report/social-credit-101-understanding-chinas-social-credit-system/>. Дата обращения: 22.03.2023.
174. Tucker R. The soviet political Mind: Studies in Stalinism and Post-Stalin Change. N.Y.: Frederick. A. Praeger, 1963. 238 p.
175. Turner H. Fascism and Modernization // World Politics. 1972. Vol. 24. № 4. P. 547–564.

176. TV message by Snowden Says Privacy Still Matters. URL:
https://www.nytimes.com/2013/12/26/world/europe/snowden-christmas-message-privacy.html?_r=1&. Дата обращения: 19.03.2023.
177. Ulam A. B. The New Face of Soviet Totalitarianism. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1963. 233 p.
178. Woesler M., Warnke M., Lafner J., Kettner M. The Chinese Social Credit System. Origin, political design, exoskeletal morality and comparisons to Western systems // European journal of Chinese studies. 2019. № 2. P. 7–35.
179. Wolin S. Democracy Incorporated: Managed Democracy and The Specter of Inverted Totalitarianism. Princeton: Princeton University Press, 2010. 384 p.
180. Wong K., Dobson A. We're just data: Exploring China's social credit system in relation to digital platform ratings cultures in Westernised democracies // Global Media and China. 2019. Vol. 4. Issue 2. P. 220–232.
181. Zuboff S. Big Other: Surveillance Capitalism and the Prospects of an Information Civilization // Journal of Information Technology. 2015. Vol. 30. P. 75–89.
182. Chuncheng L. Multiple social credit systems in China // Economic Sociology: The European Electronic Newsletter. 2019. Vol. 22. № 1. P. 22–32.

Немецкий

183. Buchheim H. Totalitäre Herrschaft: Wesen und Merkmale. Kösel-Verlag, 1965. 137 s.
184. Jesse E. Totalitarismus im 20. Jahrhundert. Eine Bilanz der internationalen Forschung. Bonn: Nomos, 1999. 624 s.
185. Kohn H. Die kommunistische und die faschistische Diktatur. Eine vergleichende Studie // Wege der Totalitarismus-Forschung. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1968. S. 49–63.
186. Löwenthal R. Totalitäre und demokratische Revolution // Der Monat. 13, 1960 H. 146, S. 29–40.

187. Ludz C. P. Entwurf einer soziologischen Theorie totalitär verfaßter // Wege der Totalitarismus-Forschung. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1968. S. 532–599.
188. Mampel S. Versuch eines Ansatzes für eine Theorie des Totalitarismus // Totalitarismus. Berlin, 1988. S. 13–30.
189. Schulz G. Der Begriff des Totalitarismus und des Nationalsozialismus // Wege der Totalitarismus-Forschung. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1968. S. 438–465.
190. Wippermann W. Totalitarismustheorien: die Entwicklung der Diskussion von den Anfängen bis heute. Darmstadt: Primus, 1997. 127 s.